

Владимир Гурьев

Странные игры

Рассказы

Авторская книга
Москва
2013

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)
Г95

Гурьев В.
Г95 Странные игры / Владимир Гурьев. – М.: Авторская книга,
2013. – 156 с.
ISBN 978-5-91945-327-7

Вы держите в руках второй сборник рассказов автора из Санкт-Петербурга Владимира Гурьева. Первая книга – «Горячие сердца» – вышла в издательстве Рунета в 2011 г. О текстах он говорит так: «Сюжет всегда придуман, это лишь небывалая комбинация былых впечатлений, декорации реальные – их я видел собственными глазами, характеры героев – собирательные».

«Странные игры» – игры с судьбой, обстоятельствами, искушениями, совестью.

В одноимённом произведении показана изнанка игорного бизнеса, поступки, мысли и чувства людей, работающих за «кулисами» игорных залов.

Герои рассказа «Спи спокойно, страна» – студенты несуществующего высшего учебного заведения: весёлые, изобретательные пройдохи. А на экзамене – все средства хороши.

Дауншифтеры недалёкого будущего из «Озеленителей Луны» обживают лунное Море Дождей, отчаявшись что-либо изменить на Земле.

Мир меломанов и аудиофилов («Искушение») – это особый мир, полный страстей, непонятных желаний и чудесных открытий.

И опять для любителей мистики и ужасов – три интересных рассказа: «Юна» (или «Волчья пустошь – 2»), «Глазливая» и «День всех святых». Герои сразятся с оборотнями, увидят настоящего гоблина, убедятся, что слаз и порча – это не досужие вымыслы.

Иногда автор ироничен («Юбилей»), иногда серьёзен («Дуча»), но его рассказы всегда пронизаны юмором, написаны легко, читаются на одном дыхании.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91945-327-7

© Гурьев В., 2013

ALMA MATER, ИЛИ СПИ СПОКОЙНО, СТРАНА

Я не могу назвать это Высшее Учебное Заведение, потому что связан корпоративными клятвами и подпиской о неразглашении. Ни при каких обстоятельствах! Даже и не обсуждается!

Специалисты по «извлечению информации» скептически улыбнутся: допрос пятого уровня и спецсредства с лёгкостью способны развязать язык любому. Теоретически это возможно, хотя ежедневный тренинг, новейшие разработки в области нанохимии и генетики делают выпускников института нечувствительными к боли, полный контроль над сознанием они сохраняют при любых, даже самых невероятных ухищрениях вероятного противника. Ну а в крайнем случае, допрашиваемый просто остановит свое сердце и доставит ряд неудобств «принимающей стороне», ведь бездыханное тело требует утилизации.

Если по какому-то невероятному стечению обстоятельств информация будет извлечена, и счастливая от выполненной работы улыбка засияет на усталых лицах палачей, то это будет последняя улыбка в их жизни. В ближайшие же часы бригада ликвидаторов восстановит «status quo». Всё произойдет быстро, гуманно и не больно.

В остальном данный институт почти ничем не отличается от других высших заведений нашего государства. Разве что на всех занятиях записи ведутся в толстых брошюрованных тетрадях с печатью, которые потом возвращаются в «секретку», оснащённую тяжёлыми сейфовыми дверями.

На первых курсах есть несколько предметов, при изучении коих такое соблюдение тайны не требуется. Это общеобразовательные дисциплины и занятия, связанные

с освоением разного рода технических средств потенциальных противников. Скрывать тут нечего – каждый житель страны вправе знать, что разработано в секретных лабораториях агрессора. Предупреждён – значит вооружён.

Учатся в институте и молодые люди, и девушки. Внешне они ничем не отличаются от других студентов страны, по крайней мере, на первых курсах. Это потом, после практики и защиты дипломного проекта, в глазах появляется «холодная сталь» кое-что уже повидавших и готовых к выполнению любых задач молодых специалистов.

Имена студентов я могу не скрывать, потому что вместе с дипломом они получают новые документы, и даже близкие родственники в течение долгих лет ничего не будут знать об их судьбе. Таковы «издержки профессии», тут ничего не поделаешь. Фамилии преподавателей менять тоже не вижу смысла, так как «в миру» их называют совсем по-другому.

Павлик, хорошо сложенный, кудрявый юноша с лицом потенциального «нелегала» нашёл наконец пустую аудиторию, придвинул тяжёлый стол к входной двери и устроился на преподавательском месте. Развернул конспект, выпрошенный у старосты группы, и приступил к подготовке. Дифференцированный зачёт, по итогам которого выставлялась оценка, влиял на стипендию, к слову, вполне достойную, и сдать его «хорошо» или «отлично» было жизненно необходимым. Со следующей «получки» Паша обещал романтический вечер со свечами Наташеньке, девушке, учившейся на параллельном потоке. Наташа, юная особа с невинной улыбкой и мощным нокаутирующим ударом, не далее как вчера вечером интересовалась ходом подготовки к мероприятию. Глядя в её серые глаза, Павлик ещё раз подтвердил серьёзность намерений и пообещал назвать время и место ужина в ближайшие пару дней.

К великому сожалению, лекции по этому предмету проводились в пятницу, четвёртой парой, а в канун выходных посещать занятия особенно не хотелось. За весь семестр Паша присутствовал лишь на трёх лекциях, своего конспекта, естественно, не имел, и вот пришёл час расплаты.

Сдаваться без боя – это не в Пашиных правилах, памятью он обладал отменной, и половина толстой тетради через пару часов была освоена «на ура». Здесь бы не останавливаться и продолжить чтение, но он решил перекурить, в результате чего допустил роковую ошибку. Что поделаешь, молодой ещё, неопытный. После сигареты и изучения через оконное стекло обстановки у пивного ресторанчика вернуться к усвоению материала не получилось. Паша посмотрел на хронометр, обнаружил, что до зачёта осталось сорок две с половиной минуты, и запаниковал. Он «помучался» ещё с полчасика, а затем решительно отодвинул конспект. На обшарпанной столешнице открылся художественно исполненный текст: «Конь хитёр и коварен, в нём ЗВЕРИНАЯ злоба. Смотри в оба!!!»

А это предупреждение вообще вывело Павлика из равновесия. Старший преподаватель Конев и был именно тем человеком, которому предстояло сдавать дифференцированный зачёт.

Конев, худой мужчина с лицом интригана, студентов не жаловал, обстановка на его экзаменах всегда была нервной, а если половина группы получала положительные оценки, это было чем-то из ряда вон выходящим. Противоборствующая сторона платила ему той же монетой. По старой институтской традиции в группах, где Конев читал лекции, производился сбор денежных средств, и выписывался с доставкой на дом журнал «Коневодство». Много лет назад «наружка» из студентов-добровольцев довела клиента до дверей квартиры, несмотря на то, что Конев постоянно «проверялся», используя собственные

нестандартные наработки. Нужная сумма, кстати, собиралась легко, так как отказники и колеблющиеся предавались обструкции.

– Студент – это рыба, плавающая на поверхности знаний и ныряющая два раза в год за стипендией, – не было занятия, на котором бы Конев забывал произнести любимую сентенцию.

Правда, нырнуть так глубоко дозволялось не всем и не с первого раза. Для него, похоже, это было делом принципа.

«Я не рыба, а «морской котик» – боевой пловец. И мы ещё поныряем», – Паша попытался восстановить тонус. Попытка, прямо скажем, была не совсем успешной.

Но стипендия необходима, как воздух. Слово «морского офицера», данное Наташеньке, следует выполнить обязательно. Девушка может обидеться, а о последствиях лучше было и не думать.

Он бросил конспект в рюкзак, где сиротливо лежала тетрадь с защищёнными лабораторными работами, и, прощаясь, окинул взглядом аудиторию. На оштукатуренных стенах висели портреты руководителей государства и пустые рамы с латунными табличками, где были указаны имена и фамилии почётных выпускников института. Отсутствие фотографий означало, что герои до сих пор «на посту».

Павлик, обращаясь к Президенту, поднял правую руку и торжественно произнёс:

– Идущие на смерть приветствуют тебя!

А затем обречённо побрёл на зачёт. Шёл он долго, так как заглянул в столовую, где выпил чашечку кофе, посетил пару мест для курения, и прибыл к нужной ему аудитории с опозданием в тридцать минут. Судя по всему, первая часть группы уже «отстрелялась», причём в полном соответствии с многолетней статистикой. Среди унылого десятка страдальцев был весел лишь Сева, его сосед по парте.

– Сдал, что ли? – Паша пожал руку приятелю. – Как Конев, как обстановка?

– Сдал, и это был не лёгкий бой, а тяжёлая битва. Сегодня, похоже, мой день.

Сева продемонстрировал счастливую белозубую улыбку.

– А вообще, лютует, зверюга, восемь выносов из десяти. Как тебе это нравится? Сейчас вторая партия зашла, пойдём посмотрим.

Могучим плечом Сева раздвинул любопытствующих, чуть приоткрыл дверь в аудиторию и тут же обнаружил первые впечатления:

– Адский пламень, запах серы. Если есть на планете чистилище, то оно там, – указательный палец приятеля был направлен в дверную щель. – Там Конев правит бал.

– Дай посмотреть, – Паша попытался отодвинуть друга.

– Это может нанести тебе психическую травму, – стоял стеной Сева. – Сейчас я всё тебе доложу. Вадим на позиции. Я верю в тебя, дружище, – комментатор выдержал долгую паузу, а потом грустно добавил:

– Мощный «кросс» в челюсть и вдогонку – кик в полёте по суставам... Он умер, не успев упасть.

– Кто? – не выдержал Павлик.

– Кто-кто, конь в пальто. Вадик, конечно. Конев ему зачётку возвращает.

В бой вступает Гога, ветеран спецподразделений. Пожелаем удачи боевому товарищу, – Сева опять затих, ожидая результатов схватки. Голова его время от времени содрогалась, как от мощных ударов. – Всё! Кличка – Гога повесился. Вынос тела состоится с минуты на минуту. Родных и близких я попрошу собраться у ворот крематория.

Павлик окинул взглядом лица окружавших его студентов и про себя отметил, что кроме Севы настроение у присутствующих было подавленным.

– Радость моя, как успехи? – Сева выпускал из аудитории Таню, самую красивую девушку потока.

Таня показала два унизанных золотом пальца и грустно улыбнулась.

– Плохо, Танюша. А как же спецпредмет Методы Невербального Общения? – Сева укоризненно качал головой. – Или Конев на женские чары уже не реагирует? Практиковаться надо чаще. Кстати, какие планы на сегодняшний вечер?

– На вас, солдафонах, что ли, практиковаться? Мой уровень – дипломатические работники и крупный бизнес, – Таня обласкала взглядом Севино основание черепа и, покачивая бедрами, направилась к выходу.

– Ты разрываешь мне сердце – Сева с удовольствием провожал взглядом стройную фигурку.

Паша выбрался из толпы и устроился на подоконнике. Перед смертью, конечно же, не надышишься, но чем чёрт не шутит. Пару-тройку страниц он одолеть сможет. А вдруг зачтётся? Павлик не успел углубиться в чтение, как рядом присел его удачливый приятель.

– Откуда конспект? Что-то я тебя на занятиях редко видел. Дай взглянуть.

Сева быстро перелистал страницы, а потом с недоумением уставился на друга.

– Вот скажи мне, зачем ты тут сидишь? Зачем я тебя жду, трачу свое время? В эти минуты мы должны предаваться безудержному веселью в ближайшей кафешке. У тебя конспект с тремя визами Конева, а значит, ты имеешь полное право получить зачёт «автоматом». «Хорошо» тебе обеспечено, если хочешь «отлично», отвечаешь нашему другу на пару вопросов. Но испытывать судьбу не советую.

Оказывается, Конев трижды в семестр проверял записи у присутствующих на лекциях, расписывался на страничках, что и гарантировало всем прилежно посещавшим занятия получение зачёта «автоматом». Для

этого всего лишь нужно явиться в назначенное время, иметь при себе зачётку, конспект с визами и тетрадь с защищёнными на «отлично» лабораторными работами. Свои подписи он перечёркивал, после чего чужим имуществом уже не мог воспользоваться никто. Как Конев «прокололся» с этой тетрадью, осталось загадкой. Возможно, Папа – а именно так студенты обращались к уже послужившему и имевшему опыт боевых операций старосте – отвлёк преподавателя очередным рассказом «о восьми ходах за линию фронта». Ошибаются, как видите, и профессионалы, но иногда ошибка эта может стать роковой.

Полученную информацию требовалось «переварить», и Паша уединился на ближайшей лестничной клетке.

«Итак, что мы имеем? В плюс: конспект, лабораторные работы, защищённые на “пятерку”, и зародившаяся, но пока ещё очень робкая уверенность в победе. К минусам можно отнести несовпадение почерков, каллиграфическая вязь старосты совсем не была похожа на его собственные каракули. Вызывало беспокойство и следующее замечание: а вдруг Конев обладает феноменальной памятью и помнит в лицо всех студентов, посещавших его лекции?

Шансы – пятьдесят на пятьдесят, с одной стороны, немного, а с другой – совсем немало... для настоящего профи».

– Как дела, Павлик? – погружённый в собственные мысли, он не заметил Наташеньку, стоящую рядом уже целую минуту. – Сдал зачёт?

– Наташ, всё будет «буги-вуги». В самое ближайшее время мы вместе зайдём в Сеть и выберем достойное заведение. Ужин будет незабываемым.

– Ну причём тут ужин, – улыбнулась Наташа. – Я вообще-то о тебе беспокоюсь. Удачи!

– Спасибо, это то, что мне сейчас нужно, – он проводил взглядом девушку и мгновенно переключился на подготовку к «операции».

В первую очередь следовало изучить место боевых действий, и Павлик твёрдым шагом направился к аудитории. Занял тактически выгодную позицию у дверной щели и в течение нескольких минут наблюдал за повадками Конева, поведением экзаменуемых, фиксировал в памяти какие-то важные только для него детали. А спустя четверть часа Паша был готов войти в логово Зверя.

– Что, рискнёшь? – Сева положил руку на его плечо. – Я и не сомневался. Но учти, не сдашь с первого раза – не сдашь никогда. Конев такой «кидок» не простит. Смотри в оба!!!

– Умеешь подбодрить, ты настоящий друг! – Паша решительно распахнул дверь.

В аудитории было невыносимо жарко. Майское солнце, заглядывающее в высокие окна, горячие тела экзаменуемых и работающие технические средства вероятного противника создавали обстановку, очень напоминающую преисподнюю.

Паша аккуратно поставил свой рюкзачок на стоящий у входной двери стол, расчистив место среди вороха чужих сумок и кейсов. Свободный доступ к нему обеспечивал 25 процентов успеха. В рюкзаке осталась «случайно забытая» тетрадка с лабораторными работами. С конспектом лекций и зачёткой в руках он быстрым шагом направился к Коневу. Момент атаки выбирался очень ответственно, с учётом внешних факторов.

Паша шёл вдоль длинного, усиленного металлическими уголками стола, на котором грудой лежали известные ему по лабораторным работам, но в большинстве своём абсолютно незнакомые устройства, и ловил на себе удивлённые взгляды присутствующих. Регулярность, с которой Павлик посещал теоретические занятия, была притчей во языцех.

– Здравствуйте, Олег Сергеевич, – уверенно обратился он к преподавателю.

– В чём дело, молодой человек? – Конев недовольно поморщился. – Я, кажется, не приглашал следующую группу. Покиньте аудиторию, зайдёте вместе со всеми.

– Олег Сергеевич, я не отниму много времени. Поставьте мне зачёт «автоматом», «хорошо» меня вполне устроит.

– ...«Автоматом»... устроит, – эхом повторил Конев, с трудом отрываясь от очередной жертвы.

В данный момент мизансцена выглядела так: слева от преподавателя сидел Женька, и, судя по его довольной физиономии, дело приближалось к счастливой развязке, справа мучился известный всему институту Тайсон, боксер и чемпион всех мыслимых и немыслимых первенств. Тактика Тайсона оригинальностью не отличалась и заключалась в следующем: он ссылался на частичную потерю памяти, вызванную тяжёлыми травмами, полученными в боях за честь родного института. В особо трудных ситуациях он демонстрировал экзаменаторам медали и прочие регалии. В 99 процентах такая тактика имела успех, но не в случае с Коневым.

Тайсон ни на минуту не умолкал, удивляя Олега Сергеевича красноречием.

Этот момент Паша учёл, выбирая время для начала «атаки».

– Ну и подошли бы в начале зачёта, я, кстати, предупреждал об этом на последней лекции, – он с удовольствием отвернулся от Тайсона. – Вы ведь были на ней? У меня неплохая память, но вас я что-то не помню.

Конев с подозрением смотрел на Пашу. Поединок взглядов продолжался несколько показавшихся бесконечными секунд, холодные капельки мгновенно выступили меж Пашиных лопаток.

– Конечно был, Олег Сергеевич. Вы же расписались в моём конспекте. Вот он, – Павлик протянул Коневу тетрадь. – А что касается опоздания, прошу прощения. Сегодня было заседание студенческого

научного общества. Подводили итоги года, вы же меня понимаете.

– На чём специализируетесь, молодой человек? Кто ваш научный руководитель?

К такому вопросу Паша был готов и несколько раз про себя отрепетировал правильный ответ. Поэтому негромко, но с достоинством он произнёс:

– Профессор Воронов, – немного помолчал и добавил, – Николай Фёдорович.

Николая Фёдоровича знали все, при упоминании его имени хотелось немедленно встать по стойке смирно. В аудитории воцарилась благоговейная тишина, и в этот момент умолк даже Тайсон.

Преподаватель пролистал конспект, внимательно рассмотрел собственные визы и, не найдя к чему бы придраться, закрыл его и отложил на край стола. Паша незаметно выдохнул: пока всё шло по плану.

– Зачётку, – Конев протягивал руку.

Олег Сергеевич тщательно изучил результаты текущей сессии, нашёл их вполне удовлетворительными: все экзамены и зачёты Паша сдал на «хорошо» и «отлично».

– Так, я не вижу ваших лабораторных работ, – в голосе Конева опять появились столь привычные недовольные нотки.

Паша с «удивлением» осмотрел преподавательский стол и, не обнаружив тетради с собственными лабораторными работами, с досадой хлопнул себя по лбу.

– Извините, Олег Сергеевич, забыл в рюкзаке... в портфеле.

Конев поморщился:

– Несите, вы отнимаете мое время.

Паша быстрым шагом достиг входных дверей, прикрывая телом рюкзак, достал «лабораторные», но обратно возвращаться не торопился. А спустя несколько секунд преподаватель уже был страшно занят: он заполнял зачётку радостному Женьке, приглашал занять его место

следующего студента и «возил носом по столу» чемпиона по боксу. Задача почти выполнена: в руках у Конева временно не оказались тетради разных хозяев, и теперь следовало грамотно довести операцию до успешного финала.

Павлик выждал ещё немного, вернулся к преподавательскому столу и, раскрыв «лабораторные» на нужной странице, положил перед Коневым. Далее всё произошло довольно прозаично. Олег Сергеевич очень быстро проверил знакомые подписи коллег по практическим занятиям, вывел в зачётке «хорошо» и добавил:

– Можете идти, вы свободны.

За это время Паша успел, не выказывая волнения, забрать со стола конспект и тетрадь с «лабораторными». Завистливые взгляды коллег по группе приятно волновали сердце.

Эйфория от успеха несколько вскружила голову, и когда он шёл вдоль длинного стола к заветной двери, то не заметил, что параллельным курсом вышагивает что-то заподозривший Конев.

Павлик схватил рюкзак и уже было потянулся к дверной ручке, как сзади раздался знакомый голос:

– Одну минуту, молодой человек...

Павлик даже в лице переменился, но к счастью, многочисленные зрители этого не увидели.

Что дальше намеревался сказать Конев, осталось загадкой, потому что дверь неожиданно отворилась, и в проёме показался Сева.

– Что ты так долго? Отпросился же на пять минут. Николай Фёдорович ждёт тебя на кафедре... Извините, Олег Сергеевич, Павла Воронов ищет.

Конев молча показал рукой на дверь и отправился на свое место.

В коридоре Сева пожал кисть приятелю и, иронично улыбаясь, сказал:

– Молодец. Ни один мускул не дрогнул на лице. Ваше шоу мне очень понравилось, слышал всё до последней реплики и не мог не поучаствовать.

– Твой выход тоже был неплох, и шоу ты совсем не испортил, – к Паше опять возвращалось хорошее настроение. – Спасибо.

Этим же вечером Павлик занял денег в счёт следующей стипендии, и романтический вечер со свечами удался на славу. События минувшего дня и несколько бокалов красного вина вскружили ему голову. Когда молодой человек провожал Наташеньку домой, то размечтался и позволил себе несколько ускорить события, о чём и пожалел в следующую секунду. Сначала он оказался в тяжёлом нокдауне, а потом девушка умело привела его в чувство и окружила нежной заботой.

Ну, вот и всё. Спи спокойно, страна!

ДУЧА

В общаге все друг друга знают. Может быть, не по имени, но в лицо – определённо, в отличие от «домашних» студентов, которые могут получить диплом, так и не узнав коллег с другого факультета. Здесь все на виду. В одной комнате могут проживать старшекурсник и вчерашний абитуриент, будущий инженер-механик и приборостроитель. Если хозяева жилплощади не суровые аскеты, то их гости непременно перезнакомятся друг с другом, расскажут об этом своим однокурсникам. А если новый знакомый – занимательный персонаж, вполне возможно, что появится какая-нибудь институтская легенда, со временем обрастающая не всегда правдивыми, но обязательно интересными подробностями.

В техническом вузе девушек мало, поэтому затеряться они не могут по определению. Боевые подруги – наперечёт.

Высокие, стройные красавцы, спортсмены и музыканты представлены в ограниченном количестве, и в общежитии, конечно же, хорошо известны. Особое положение занимают гуляки и почитатели Бахуса, учиться им некогда, зато любимому делу они отдаются, не щадя сил, щедро подпитывая информационное пространство общаги увлекательными приключениями.

В середине лета жизнь здесь замирает: сессия пройдена, постояльцы разъезжаются по домам или к месту распределения. Немногочисленные, по сравнению с коренными обитателями, абитуриенты озабочены предстоящими экзаменами и усердно посещают подготовительные курсы, а потом зубрят до головокружения за закрытыми дверями.

Павлик и Сева поднялись на четвёртый этаж, так и не встретив ни одной живой души.

– Хорошо, тихо. Даже не верится, что мы в общаге, – Паша подмигнул приятелю. – А что тут месяц назад творилось! Кошмар! Последний курс экзамен на военной кафедре сдавал, так несколько дней никто глаз не сомкнул. Бойцы под барабанный бой маршировали по этажам, пели военно-морские песни и были готовы сразиться с превосходящими силами противника. На следующий день пустые бутылки мешками выносили.

– Что, все терпели? – удивился Сева.

– А куда денешься. Традиция! Так было, есть и будет. Когда мы с тобой «войну» сдадим, сам убедишься.

– Ладно, до этого ещё далеко. Сегодня нам нужно одну вещь Сантаны отрепетировать. Соло я уже снял, а сейчас твою партию подберём. «Медляк» знатный, тебе понравится. В субботу на свадьбе сыграем, в последнем отделении. Народ уже косой будет, если слажаем, никто не заметит. Зато басист и барабанщик попробуют.

Павлик вставил ключ в замочную скважину и недовольно поморщился – дверь была не заперта.

– Дуча, что ли, дома? А ведь должен быть на практике.

На кровати расположился Пашин сосед, коротко стриженный молодой человек в натовской куртке цвета хаки, маленький и щеделушный. Нос парня украшали очки в тонкой металлической оправе. Типичный ботаник. Он сидел, скрестив ноги, устремив затуманенный взгляд на географическую карту, разложенную на казённом одеяле. Тут же находилась пепельница с дымящейся «беломориной».

Дуча поднял глаза и произнёс загадочную фразу:

– А старина Роммель был не прав.

Взял папиросу и глубоко затянулся.

– Что, братка, опять проблемы? – ехидно поинтересовался Павлик. – Как дела на фронтах Второй мировой?

Взгляд Дучи принял осмысленное выражение, и он с неудовольствием посмотрел на гостей с гитарными кейсами в руках.

– Я не знал, что ты дома, – продолжил Паша. – Мы поиграть собрались, не возражаешь?

– Ладно уж, репетируйте. Я сегодня практику решил пропустить, есть дела поважнее, – он опять уставился на карту. – Только не громко. Мне надо подумать.

Ребята расчехлили инструменты и присели на Пашину кровать, достав сигареты.

– Сейчас перекурим и приступим, помолясь.

Дуча с интересом посмотрел на Севин «Camel».

– Трофейные?

– Угощайся, – Сева протянул пачку.

– Что играть будете?

– Одну вещь Карлоса Сантаны, «Samba Pa Ti» называется.

– Что за крендель этот Карлос? – поддерживал беседу Дуча, благодаря за вкусную сигарету.

– Латиноамериканский блюз-рок с джазовыми приблудами.

– Латинос, значит? Чиканос, чико.

– Не ариец, однозначно, – пряча улыбку, ответил Павлик.

– Есть же много хорошей музыки: Вагнер, «Rammstein», наконец, – не замечая иронии, продолжал Дуча. – Если хотите, я ноты достану.

– Какие ноты, братка? Всё на слух подбирается, – опять слукавил Паша. – Да и сложновато это для нас. Мы ещё учимся.

– Ну, как знаете, – Дуча потушил сигарету и уставился на Северную Африку. – Всё, я занят.

Ребята взяли гитары и, стараясь играть тише, начали разучивать пьесу Сантаны. Через полчаса стало что-то получаться, а через час Паша начал осторожно импровизировать.

Медленная красивая мелодия привлекла внимание Дучи, и он оторвался от карты.

– Где-то я эту тему слышал.

– На прошлой неделе ты с Розой под неё танцевал. Весь вечер, – напомнил Павлик.

Дуча удовлетворённо кивнул и опять занялся своими непонятными делами.

Парни отложили инструменты и закурили, незаметно наблюдая за Пашиным соседом. Здесь было на что посмотреть.

На карте Северной Африки задумчивый стратег расставил кнопки, скрепки и мелкие монеты. Дуча передвигал свои игрушечные войска, рисовал стрелки разноцветными фломастерами и ругался по-немецки.

Он достал спичечный коробок с заранее отловленным тараканом и осторожно зажал его крышкой. Так, чтобы главный герой не мог улизнуть. Поставил воображаемый танк в пепельницу, как оказалось, в целях пожарной безопасности, и изготовился к кульминационному моменту сражения. Дуча заметил, что за ним наблюдают, и всю актёрствовал.

– Клаус, огнём.

– Есть, герр обер-лейтенант.

Он чиркнул колёсиком зажигалки, а затем поджёг спичечный коробок. Через несколько секунд «бронемашину» охватило пламя, и усатый танкист погиб, противно потрескивая.

– Братка, а ты ничего не перепутал? Прусака ведь умертвил.

– Своего, однако, – не выдержал Павлик.

– На войне как на войне. Без потерь не бывает. Он был хорошим солдатом фюрера.

– Странный ты парень, Дуча. Знаю, русским себя считаешь. Если вернуть то время, ты бы, скорее всего, в каком-нибудь Майданеке перевоспитывался. А если учесть, что на истинного арийца ты мало похож, то в

очереди первым стоял. В топку! Сожгли бы, как твоего таракана. Ты для них – недочеловек, – неожиданно завёлся Паша.

– Не похож? С чего бы это? У меня дед – чистокровный немец, – сверкнул глазами Дуча.

– Знаю. Слышал я эту песню много раз. Ты на себя в зеркало давно смотрел?

Типичная славянская физиономия плюс метр с кепкой. В топку – без очереди.

– Жгли и вешали СС и гестапо, – возразил Пашин сосед. – Причём тут обычные солдаты? Немцы всегда воевать умели, это великая нация.

– Жгли, вешали... Обычные солдаты... Это из какого-то фильма? Затвердил, как молитву. Если ты такой твердолобый, что же на Розу запал? Она в твои арийские стандарты никак не вписывается. Типичная азиатка. Родичи-то вроде из Казахстана? Или на приданое позарился? Тысяча баранов?

– Сам ты баран, – Дуча яростно зашнуровывал ботинки и возбуждённо сопел.

– Ладно, извини, – остывал Паша. – Ерунду сказал. Оставайся, куда пошёл-то?

– Пройдусь по набережной. С «лейкой» и блокнотом, – Дуча хлопнул дверью.

Ребята немного помолчали, переваривая случившееся. Репетировать расхотелось.

– Зря ты про Розу начал, – укоризненно произнёс Сева.

– Ну вырвалось. Бывает. У меня, кстати, с ней отличные отношения. Я же не обижаюсь, когда ты меня по поводу сала и фамилии подкальываешь. А если я тебя москалём назову, гитару на голову мне не оденешь? Это не тот случай, чтобы национальные чувства демонстрировать. Слова – это всего лишь слова, а дела – это, братка, совсем другое.

– Словами можно тоже... О-го-го! – как-то невнятно сформулировал Сева.

– Сейчас проветрится, остынет и вернётся. Это у нас раз в неделю происходит. Полемика. Или, как говорит Дуча, «партийная дискуссия».

Сева убрал гитару в кейс, а потом спросил:

– А почему – Дуча? Любопытное прозвище. Откуда ноги растут, я понял. Муссолини?

Сева вопросительно посмотрел на Павлика.

– О, это тайна, теряющаяся в глубине веков, – к Паше возвращалось хорошее настроение.

Когда Дуча в институт поступил, его к пятикурснику поселили. Говорят, он и придумал эту кликуху. Тогда мой сосед бедно жил, родители совсем не помогали. Это сейчас он вечерами подрабатывает, даже Розе на подарки умудряется экономить, а тогда на еду не всегда хватало. Салаты из капусты в институтской столовке да макароны быстрого приготовления по вечерам. Следи за логической цепочкой.

Макароны – значит, макаронник, Муссолини, а учитывая его странные увлечения – Дуче. Потом прозвище обрусело, и получился Дуча. К слову, его прежний сосед в средствах не стеснялся и применял методы физического воздействия. Бесполезно, как видишь.

А вообще-то он парень неплохой, отзывчивый и нежадный. Вот только в голове у него... – Павлик посмотрел на обгоревший коробок, – тараканы. С Розой, кстати, я его познакомил.

Паша в десятый раз ставил «Samba Pa Ti», пытаюсь уследить за виртуозными пассажами Сантаны. Если первую, медленную часть пьесы он подобрал довольно быстро, то далее дело продвигалось без особых успехов. В голову стали закрадываться мысли о собственной профнепригодности, граничащей с тупостью.

Павлик почувствовал прикосновение руки к своему плечу и обернулся. Рядом стояла Лена, лыжница и красавица, а в последнее время Пашина девушка. Она забавно хлопала ресницами и что-то говорила. Павлик снял наушники и услышал лишь конец Ленкиной речи:

– ...завтра домой улетаю. Приходи вечером, посидим на прощание. Да, мне сегодня Розу не удастся отправить, приходи со своим соседом. С кавалером девушку познакомим. С тебя музыка и Дуча. Всё, ждём.

В половине восьмого Паша извлёк из толстой стопки несколько коробок с любимыми дисками. Сборник с песнями Сантаны следует взять в обязательном порядке: прослушать ещё разок не помешает. Приятное, так сказать, с полезным.

– Дуча, пошли со мной к Ленке. Она нас двоих приглашала, – Павлик посмотрел на соседа, уткнувшегося в толстую книжку.

– Не хочется. Есть дела поважнее.

– Какие дела? Кончай глаза портить. Давай собирайся.

– Иди один. Что я там буду делать? Только помешаю.

– Ты ужинал сегодня? Нет? А там тебя ждет роскошная, почти домашняя пища. Да и Ленкина соседка просила, чтобы ты обязательно пришёл.

Дуча оторвался от фолианта и проглотил слюну.

– Еда? Это есть хорошо. А что там будет?

– Курка, яйца, шнапс. Всё, что любит настоящий «зольдатт». Собирайся давай!

Паша постучал в дверь, а потом протолкнул в комнату упирившегося Дучу.

– Привет, девчонки. А вот и мы.

У накрытого стола хлопотали нарядные хозяйки. Ленка, увидев, что Павлик явился не один, поменяла вторую бутылку вина на водочную поллитровку.

– Рассаживайтесь. У нас всё готово. А ты, Игорь, садись рядом с Розой. Заодно и познакомитесь.

Маленькая луноликая Роза пропустила Дучу к окну и не стала дожидаться, пока смущённый кавалер соизволит поухаживать за дамой. Она решительно соорудила на Дучиной тарелке большой аппетитный натюрморт, а Павлик лихо наполнил бокалы: девушкам – вино, а настоящим мужчинам – единственно правильный напиток.

Выпили за успешно сданную сессию. Дуча после соточки шнапса осмелел и забавно пытался угощать Розу салатами. А когда напитки подходили к концу, он негромко, обращаясь только к ней, увлечённо рассказывал о Фридрихе Барбароссе. Роза теребила тугую иссинячёрную косу и смотрела Дуче в глаза.

– Ну, всё. Это любоффы! – прошептал, обращаясь к Ленке, Павлик. – Пора закрепить это дело чудным медленным танцем.

Он подошёл к магнитоле и, не раздумывая, поставил «Samba Pa Ti».

– Пошли ко мне. Не будем им мешать.

Через час они заглянули к Розе в комнату. Ленка вдруг забеспокоилась, что пьяный Дуча может посягнуть на невинность подруги, но там была полная идиллия. Негромко играл Сантана, и в центре, на крошечном пятачке между кроватями, танцевали два маленьких человека. Роза «сложила голову» на плече парня, а Дуча, счастливо улыбаясь, нежно обнимал партнёршу за талию.

– Как дела, ребята? – спросила Ленка, глядя на подругу.

– Alles ist Ordnung, – за обоих ответил Дуча.

В десять вечера он зашёл к Розе. Девушка уже собралась – большая сумка стояла рядом с дверью.

– Ты готова? Ничего не забыла?

– Всё в порядке, Игорь. Не беспокойся.

– Хорошо, – солидно подытожил Дуча. – Присядем на дорожку.

А потом он терпеливо ждал, пока девушка металась по комнате, искоса посматривая на кавалера.

Спустя полчаса, после того, как в сумку были уложены забытая косметичка, плеер и бутылка воды, они вышли из общежития и направились к тихому зелёному садику. Если пересечь его по диагонали, то расстояние до автобусной остановки сокращалось вдвое.

Солнце уже скрылось за крышами, спала к вечеру июльская духота, и так уютно пахло скошенной травой. Роза шла рядом и улыбалась.

– Игорь, а ты домой поедешь?

– Нет, если уеду – работу потеряю. Да и нечего там делать, – тяжело дышал Дуча.

Тяжёлая сумка била по коленям, он часто менял руки, стесняясь поставить её на землю и хоть немного передохнуть.

– А я соскучилась по родителям.

– Когда вернёшься? – спросил Дуча.

– В конце августа, – Роза тепло посмотрела на парня. – Я буду скучать, Игорь. Звони, пожалуйста.

Они вышли на песчаную дорожку, ведущую к калитке. Проход открыт круглые сутки, а там и до остановки – рукой подать. Дуча выдохнул с облегчением: скоро наконец можно будет поставить эту неподъёмную сумку. Осталось каких-нибудь сто метров.

У скамейки стояли пятеро бритых наголо парней угрюмого вида. В глаза сразу бросались высокие и тяжёлые ботинки на шнуровке на всех без исключения. Они вполголоса о чём-то говорили, оглядываясь по сторонам. Угроза витала в воздухе, это было трудно не заметить. Дуча на всякий случай перешёл на другую сторону дорожки, двигаясь между парнями и Розой.

– Заморыш, что надрываешься? Азиаты должны за тебя работать. Отдай ей сумку, пусть сама тащит, – прокомментировали увиденное бритоголовые.

Дуча подтолкнул остановившуюся было девушку и быстро пошёл к калитке, смотря прямо перед собой.

– Эй, хоббиты, идите сюда. Разговор есть.

Дуча пропустил Розу вперёд и схватил сумку обеими руками.

– Что-то не поняли? На цырлах, быстро!

За спиной слышались шаги, стук тяжёлых ботинок быстро приближался, и ребята были вынуждены перейти на бег. Двадцатиметровый зазор стремительно таял, и Дуча, стараясь сохранять спокойствие, выдохнул:

– Бери вещи и беги к автобусу. За меня не бойся. Мне они ничего не сделают.

Он подтолкнул девушку к калитке, а сам повернулся лицом к скинхедам.

Бритоголовые перешли на шаг и неторопливо окружали беглеца, наслаждаясь его растерянностью. Краем глаза Дуча увидел, как Роза села в подошедшую маршрутку, и у него отлегло от сердца.

Автобус быстро набрал скорость, и последнее, что она запомнила, это стоящие плотным кружком бритоголовые. Маленького Игоря за их спинами видно не было.

– Ну что, качок, пойдём потолкуем, – не размыкая рядов, с Дучей посередине, скины переместились за ближайши́е кусты.

Били его долго, с садистским наслаждением, вкладываясь в каждый удар. Настоящий кайф, ведь это не бессловесная боксерская груша. Жертва тихо вскрикивала, когда пинок достигал цели, стонала и пыталась неумело закрыться руками. Дуча катался по траве, скрипя зубами от боли. И терпел. Единственное, чего он в тот момент боялся, это показать им свою слабость. Сильнейший удар в голову выключил сознание. Наступила темнота...

В половине восьмого утра Павлика разбудил телефонный звонок. Он с трудом открыл глаза и попытался, не вставая, дотянуться до трубки. Номер не прошёл – мобильный уже успел переместиться на противоположную часть стола. Паша сел в кровати и с удивлением обнаружил нетронутую Дучину постель.

«Загулял мой сосед. Не успели остыть поцелуи. Самец, однозначно».

Он поднёс телефон к глазам. На дисплее высветился незнакомый номер. Странно.

– Паша, это Роза. Извини, что так рано беспокою. Мне до Игоря никак не дозвониться. Дай ему трубку, пожалуйста.

– А его нет сейчас, на работу срочно вызвали, – прикрыл братку Павлик.

– Ты правду говоришь? У него всё в порядке?

Сбивчиво, заметно волнуясь, Роза рассказала о вчерашних событиях.

– Всё хорошо, не беспокойся, – опять соврал Паша. – Наверное, что-нибудь с телефоном. Звони на мою трубу вечером. Ду... то есть Игорь придёт с работы, и сам всё тебе расскажет.

Павлик достал телефонный справочник и решил начать поиски с медицинских учреждений. Из логики событий следовало, что увезти Игоря могли, скорее всего, в районную больницу. Паше, везучему от рождения, посчастливилось и на этот раз. В справочной сказали – есть такой пациент, доставлен вчера вечером, состояние удовлетворительное, прием посетителем с 17.00.

В половине пятого Павлик и Сева встретились у ближайшего универсама. Купили фруктов, минералки и хороших сигарет, а ровно в пять часов приобрели бахилы в больничном киоске.

В четырёхместной палате была занята лишь одна койка. Видимо, в середине лета народ решил, что ломать руки-ноги и получать травмы различной степени тяжести лучше в другое время года. Вот только Дуче не повезло.

На Пашиного соседа было страшно смотреть. Многочисленные синяки покрывали его лицо, на голове – повязка с большим бурым пятном чуть выше виска. Дуча, плохо видящий без очков, подслеповато щурился, пытаясь разглядеть вошедших.

– Привет, герой. Мы с Севой решили тебя навестить. Как ты? – в голосе Павлика чувствовалась тревога.

– А, это вы, ребята, – Дуча узнал соседа. – Скоро на выписку, долго здесь не задержусь. А вы что такие кислые?

Его бодрый настрой не оставлял места для мировой скорби, и Паша с присущими ему интонациями продолжал:

– Заскучали мы, братка. Дома не ночуешь, думали, бросил нас на произвол судьбы. – Слышали-слышали о твоих подвигах, Роза сегодня утром позвонила. Я ей сказал, что ты на работе. Сам решай, где ты провёл последние сутки.

– Молодец, Павлик, – улыбнулся Дуча, услышав о звонке девушки. – Незачем ей об этом знать. Я бы и сам что-нибудь придумал, да мой телефон остался на поле брани. А может быть, скины конфисковали. Ничего не помню.

– Что же ты с товарищами по партии не смог договориться?

– Я был вынужден вступить в сражение. В моём присутствии они посмели плохо отозваться о солдате вермахта, – криво усмехнулся Дуча.

– Я тебе свой телефон оставлю. Вечером Роза позвонит, – Паша положил трубку на тумбочку. – Можешь музыку послушать, у меня много залито. Вагнера, к сожалению, здесь нет, а «Rammstein» найдёшь.

Дуча с благодарностью посмотрел на Павлика и спросил:

– А здесь есть Сантана? Забыл, как пьеса называется. Помнишь, вы репетировали?

– Конечно же, есть. Называется она «Samba Pa Ti».

Через полчаса ребята попрощались с Дучей. Прикрывая дверь, они увидели, как тот, запихав гарнитуру под бинты, увлечённо щёлкал телефонными кнопками и счастливо улыбался.

ИСКУШЕНИЕ

Иногда, пасмурными осенними вечерами, он достаёт эту странную монету. Кладёт на ладонь и в который раз рассматривает чеканный профиль лукавого козлородого сатира. Когда свет падает на монетку под определённым углом, кажется, что тот подмигивает Николаю, как бы спрашивая:

– Что, брат, удивлен? Помнишь, как всё было?

А дело было так: Николай Викторович, старый меломан и без пяти минут аудиофил, поправил жиденькую седеющую косицу и осторожно прикрыл дверь в гостиную. Там, в полумраке комнаты, на стойке из тонированного стекла разместились чёрная жемчужина его мечты – чудная стереосистема «Pipius»: детальнейший CD-проигрыватель и мощный усилитель, способный без труда «раскачать» самые «тугие» колонки. Правда, самой акустики ещё не было: для её покупки не хватало сущего пустяка – одного килобакса, ну, может быть, двух. А вот когда необходимая сумма наконец окажется в его руках, долгий и тернистый путь к аудиофильскому счастью можно будет считать завершённым. Коля радостно улыбнулся, и пред глазами возникли лакированные кабинеты «наутилусов» от «B&W».

«Вот ведь искушение! Сколько денег потрачено на поиски идеального звука. 99 процентов людей покрутят пальцем у виска, узнав о суммах, вложенных в “извлекатели квинтэссенции”. Это, брат, болезнь, – Коля подмигнул собственному отражению в зеркале. – Немного утешает, что здоровью не вредит. Скорее – наоборот. Релаксация, удовольствие ни с чем не сравнимое. Ну, будет, будет. Никаких сомнений. Верной дорогой идёте, товарищ. Всё что угодно бы отдал, лишь бы приблизить этот приятный момент».

Николай влился в немногочисленные меломанские ряды совершенно случайно. Давно это было: в девятом классе средней школы, в далёкие восьмидесятые годы прошлого века. На школьной вечеринке его, чуть захмелевшего от терпкого алжирского вина, пригласила на белый танец одноклассница Наташа.

Everyday when I'm away
I'm thinking of you... –

проникновенно пел Нодди Холдер.

Everyone can carry on
Except for we two.

Просто? Незамысловато? Может быть... Но тут случилось то, на что способна лишь волшебная сила искусства. Фортепианные аккорды, красивая мелодия, исполняемая брутальным Нодди, рука партнёрши на плече – и, что называется, «пробило». Возник искренний, подкреплённый гормоном интерес к девушке Наташе и рок-музыке. Через месяц в его сердце поселился нежный образ восьмиклассницы Юленьки, что, с одной стороны, вроде бы говорило о некотором непостоянстве в увлечениях, но преданность рок-н-роллу свидетельствовала о твёрдой жизненной позиции.

Впоследствии, размышляя о воле случая в собственной судьбе, Николай не раз возвращался к этому памяtnому событию. Музыка, прозвучавшая в нужное время и в нужном месте, выстроила некую систему координат, задала вектор движения в его последующей жизни.

По истечении пары десятков лет Коля вдруг понял, что рок-исполнителей он прослушал всех, ну, или почти всех. Всё, что заслуживает внимания. В классической музыке, к которой он относился с безграничным уважением, всё же не хватало драйва, привносимого

ритм-секцией горячо любимых групп. Джаз, где смыслом существования является импровизация, был близок ему, но виртуозные вариации «на тему» иногда заводили исполнителя в такие дали, что мелодия – основная, на взгляд Николая, составляющая музыкального произведения – терялась среди россыпи звуков.

А посему следовало переслушать хиты всех времён и народов в другом, аудиофильском качестве: на дорогой аппаратуре, используя только фирменные носители.

Полноцветные специализированные журналы, или как их называют приверженцы качественного звука – «мурзилки», в течение нескольких лет зомбировали сознание Николая. И не без успеха: в результате весьма приличная сумма денежных знаков осталась в ближайшем Hi-Fi-салоне.

Правда, теперь почти всё готово для того, чтобы разложить горячо любимые гармонии на волшебные ноты, таинственные звуки: возможно, есть нечто, доселе укрытое за прозрачной цифровой вуалью. Какие-нибудь обертоны, касания струн, – всё то, что способно вдохнуть жизнь, создать эффект присутствия. Сидишь ты на диване с бокалом хорошего вина, нажимаешь кнопку «play», и только для тебя поёт Дженис Джоплин, импровизирует Риччи Блэкмор, бьёт в барабаны Джон Бонэм. Они пришли к тебе в гости, и ты всем им рад.

Предстояло, как сказал бы классик, «алгеброй гармонию поверить», и это вызывало некоторое беспокойство. А вдруг на каких-нибудь концертных записях он услышит, как его кумир не возьмёт «верхнее фа», или виртуоз-гитарист, понадеявшись на чутье партнёров, уйдёт ненароком в другую тональность. В кульминационный момент барабанщик может потерять палочку, и гениальная «сбивка» останется несыгранной. С другой стороны, это и есть жизнь: победы, ошибки и работа над ошибками. К тому же, это его друзья, а друзьям можно простить всё.

Но для этого нужно сделать ещё один шаг, – шаг к великой цели. Неделю назад Николай Викторович вывесил объявления о продаже лота, состоявшего из пары десятков виниловых пластинок, на всех известных ему аудиофильских сайтах. Подборка представляла собой классику рока, записанного в далёкие семидесятые. Диски были «новодельными», и он без особой жалости принял решение об их продаже.

«Разберусь с акустикой, постепенно прикуплю ещё разок по мере поступления денег, – успокаивал себя Николай. В конце концов, столь дорогие сердцу “первопрессы” остаются с ним и не будут проданы ни при каких обстоятельствах».

Через пару дней начались редкие звонки: «пипл» интересовался состоянием пластинок, пытался «подвинуть» владельца на серьёзные проценты, но Коля был твёрд, потому что и так просил «честные полцены».

И вот вчера вечером на e-mail пришло конкретное предложение, а послал письмо, без сомнения, реальный покупатель, без пяти минут новый хозяин. Его устраивало всё, он только предупреждал о тщательном прослушивании музыкального материала. Такой подход вызывал лишь уважение, и Николай охотно согласился на встречу в 19.00 следующего дня. Правда, из письма было не понятно, сколько лет клиенту, каковы его музыкальные пристрастия, ну и, наконец, он даже не представился.

Спустя сутки, в шесть часов вечера, пришла sms-ка, в которой говорилось, что покупатель выезжает и в назначенное время, без опоздания, будет у Николая Викторовича.

Коля переместился в гостиную, включил старый «Technics», топовый музыкальный центр прошлого века: «Пусть пока лампы прогреются», – и разложил пластинки на журнальном столике.

«Не уступлю ни копейки. Подборка редчайшая, если человек разбирается, то купит непременно. А вырученная сумма – ещё один шаг к намеченной цели».

Он взял в руки пару дисков и задумался...

«Семидесятые годы XX века! Расцвет рок-культуры. Уж тогда-то точно не было того, что в наши дни называют кризисом идей. Золотое время! Бурлящий музыкальный котел: группы создаются и так же стремительно распадаются, музыканты ищут единомышленников, свой звук. Молодые ещё, полные энергии люди покидают насиженные места, меняют города и страны для достижения своей цели. Конечно, большое значение имеет Его Величество Случай. Когда Холдер и Ли искали вокалиста и фронтмена, они по старой рок-н-рольной легенде обращались даже к Роберту Планту. Что-то в этих переговорах не сложилось, и почитатели рок-музыки получили две интереснейшие и совершенно непохожие команды: “Slade” и “Led Zeppelin”. Нодди Холдер сам встал к микрофону, а в результате “Slade” уже не спутаешь ни с кем другим. А это, как говорят представители точных наук, “необходимое и достаточное условие” возникновения великого коллектива...»

Звонок в дверь прервал приятные размышления, и Коля поспешил в прихожую. Он щёлкнул замком и остолбенел: вместо убелённого сединами коллеги-меломана перед ним стояла очаровательная девушка, лет двадцати с небольшим. Стройная брюнетка с нежной матовой кожей.

– Удивлены, Николай? – улыбнулась гостья.

– Не то слово, – вышел из ступора хозяин. – Проходите, пожалуйста, обувь можно не снимать.

Он смотрел на её стильные туфли на высоком каблучке.

– Меня зовут Рита, – девушка шагнула через порог.

Коля помог снять чёрное приталенное пальто и пригласил в комнату. Цокая каблучками, она прошла в гостиную, оставив приятный, но какой-то странный аромат дорогого парфюма. Необычная, но очень знакомая нотка витала в воздухе.

Через мгновение он вспомнил: так пахнет горящая спичка. Только запах этот был едва уловим.

– Располагайтесь поудобнее, Рита, – Николай показал на кресло. – И, пожалуй, приступим. У меня всё готово.

Девушка окинула взглядом комнату, на мгновение задержалась на стойке с «чёрной жемчужиной», одобрительно покачала головой, а затем подошла к стеллажам с дисками.

– Великолепная коллекция, Николай. Самая большая из тех, что я видела, – она с непритворным удивлением подняла ресницы, серебряные искорки блеснули в её глазах.

Николай Викторович, прекрасно знающий, что есть подборки и побогаче, воспринял это сообщение с чувством глубокого удовлетворения. А если говорить прямо, расплылся в счастливой улыбке.

Рита устроилась в кресле, напротив музыкального центра, и выдала ещё одну на редкость приятную реплику.

– А magic music box, – и тут же перевела на русский, – волшебная музыкальная шкатулка. Таких аппаратов с таким звуком ещё поискать надо.

– Риточка, посмотрите пока пластинки, а я приготовлю кофе.

Ещё час назад он и не помышлял о таком градусе гостеприимства. Встреча должна была пройти быстро, по-деловому: клиент оставляет оговорённую сумму и немедленно покидает помещение. Но жизнь иногда преподносит приятные сюрпризы.

Через несколько минут лёгкий сквознячок принёс из кухни аромат кофе, а потом появился Николай Викторович с двумя «праздничными» чашками. Гостья тоже времени зря не теряла и разложила на диване конверты с винилом.

– Пока вас не было, Коля, я посмотрела пластинки. Отличная подборка – всё то, что я очень люблю. Без

сомнения, приобрела бы их все, – здесь она сделала небольшую паузу, – но думаю, что мы могли бы поговорить о небольшой скидке. Как говорится, оптом дешевле.

«Началось, – с тревогой подумал Николай, – сейчас подключит обаяние, и пиши пропало. А великая цель?»

– Риточка, напомню вам, что продаётся лот, то есть все пластинки. К тому же, это ровно полцены от магазинной стоимости. Да и чтобы собрать этот винил, требуется время, и немалое. Просто пойти и купить – так не получится. Нужно ждать поступлений, звонить в магазины, самому наведываться.

Гостя скинула туфли и грациозно, как кошка, устроилась в кресле. С ногами. По-домашнему. А затем неожиданно и легко согласилась:

– Вы правы, давайте тогда послушаем. Поставьте для начала «Queen», «Ночь в опере» я уже отложила.

Николай установил пластинку, карбоновой щёткой снял пыль с крутящегося диска и опустил тонарм. «A magic music box» не подвёл и выдал чудесный аналоговый саунд. Глубокие бархатные басы, кристально-чистые высокие, прозрачные средние частоты, а голос Фредди был просто прекрасен.

Коля расчувствовался от этого великолепия, глаза у него подозрительно заблестели, появились некоторые сомнения в необходимости продажи.

Украдкой он посмотрел на девушку:

«Боже, как слушает. Такого не может быть! Если бы она проявила настойчивость... Пожалуй, о небольшой скидке можно было бы и подумать».

– Удивительно, Рита, как всего за несколько лет появилось столько гениальной музыки. Практически одновременно. Феномен какой-то!

Он пододвинул госте пепельницу и продолжил:

– Что вы об этом думаете? Да, и можно на «ты», Рита.

Именно в этот момент, здесь и сейчас, он считал её коллегой, тонким ценителем, да что там говорить – другом.

– А я скажу тебе, Коленька, почему так получилось, – Рита поудобнее расположилась в кресле. – Сейчас мы с тобой всё разложим по полочкам.

Она достала коричневую сигарету и как-то очень быстро чиркнула спичкой. Настолько быстро, что хозяин даже не успел предложить даме зажигалку. Опять запахло серой.

«Так вот откуда эта странная нотка в её парфюме».

Девушка глубоко затянулась, затем очень неприуждённо исполнила невербальный и старый, как мир, приём: «кончик носа – собеседник – кончик носа». Отметив изящество, с которым были сделаны «глазки», Николай с некоторым скепсисом поинтересовался:

– Ну и почему?

На этом его адекватное восприятие действительно закончилось.

– Давай вспомним время и место, где происходят так интересующие тебя события.

– Семидесятые-восьмидесятые годы прошлого столетия, старушка Англия, – послушно, как школьник, ответил Коля.

– Отлично, – поощрительно улыбнулась Рита. – Вот и ключ к разгадке этой нехитрой тайны. Сколько же было лет этим молодым людям в то время? Немножко за двадцать или около этого. Путём нехитрых математических вычислений мы с тобой выяснили годы рождения музыкантов – первые послевоенные годы.

– Согласен. Нодди Холдер родился в 1946-м, Роберт Плант – в 1948-м. А что из этого следует?

– А то, мой любознательный друг, что все они явились на свет в послевоенный бэби-бум. Во время Второй мировой на Острове было нелегко: бомбёжки, обстрелы, нехватка продуктов. Мужчины под ружьём, и, как ты понимаешь, совсем не до детей. И вдруг всё меняется: ПОБЕДА, всеобщая эйфория. Вчерашние солдаты возвращаются в семьи – приходит время любить. Все глубоко

спрятанные чувства, эмоции вырываются наружу, ведь они копились несколько тяжёлых лет. Видимо, откладывается это на генетическом уровне, потом следует колоссальный выброс энергии, и появляются дети любви. Всё то, что не смогли реализовать родители, передалось их чадам, у которых и собственный потенциал огромен.

Рита стряхнула пепел, а затем продолжила:

– Это первая причина, как ты говоришь, феномена. А может, и не первая. Потом всё сам расставишь в нужном порядке.

Итак, они уже пришли в наш мир. Выдумщики, фантазеры и на редкость трудолюбивые люди.

Огонёк сигареты, плавно перемещающийся перед глазами Николая, производил какое-то гипнотическое действие. А этот ароматный дымок её табака... На мгновение ему показалось, что перед ним сидит не юная милая девушка, а красивая умная женщина. Вот она, иллюзорная мечта взрослого мужчины: очарование молодости – это для сердца. Отличная собеседница с интересным внутренним миром – это для разума. Ну а когда эти половинки фантастического целого соединяются в одном человеке – сносит, сносит мужскую голову. Любую! И вообще ему вдруг показалось, что перед ним Наташа. Да-да, та самая... Её рука у него на плече...

Everyday when I'm away
I'm thinking of you...

– Э-эй, ты здесь? – Рита трясла его за плечо. – С первой пластинкой всё в порядке, я «Slade» поставила. Продолжим?

Николай вздрогнул и вернулся в реал.

– А жизнь идёт своим чередом. Правда, время всё ещё тяжёлое. У родителей проблемы с работой, в послевоенные годы всё непросто. Наши дети подрастают, младшие донашивают вещи старших братьев и сестёр. И с едой всё

ещё бывают проблемы. А игрушки? Их зачастую просто нет. Но ведь можно сделать и самому. Может быть, потом, через несколько лет, эти навыки пригодятся, когда они будут собирать свои электрогитары.

В это время и формируется самая первая, незамысловатая мотивация – жить лучше. Преодолевая трудности, не смотря ни на что, идти к своей цели.

– Всё правильно, Рита. Но ведь такая ситуация была в каждой воевавшей стране. Италия-то чем от Англии отличается? – спросил Николай Викторович. – Почему у них такая музыка не появилась?

– Я, Николай, даже и половины пока не рассказала. Сейчас я продолжу, и ты сам всё поймёшь.

Она взяла чашечку кофе.

– В пятидесятые годы на экранах кинотеатров идут американские фильмы, звучит американская музыка. Фабрика грёз оказывает огромное влияние на подрастающих мальчишек. Вот они – настоящие герои, сильные и успешные. А когда споют свои хиты Билл Хейли и Чак Берри, появятся пластинки Пресли и Ричарда, сформируется как стиль рок-н-ролл, то, как говорили в то время, «цели определены, задачи поставлены». Плюс ко всему – это язык, понятный и почти такой же английский язык. Это к твоему вопросу об Италии.

В Англии и свои музыкальные традиции весьма богаты. В школах есть уроки пения, и это не простая формальность. К тому же, навыки вокала можно получить в церковном хоре. Во многих семьях есть фортепиано, и в праздник кто-нибудь из родственников или друзей исполнит всем знакомую песню, а остальные подтянут. А если ребенок ходит в музыкальную школу, его удел – классика. Но как она поможет, когда он начнёт свои первые эксперименты в рок-музыке?

Не будем забывать, где происходят описываемые события. На ОСТРОВЕ! Этому месту на планете я придаю некий сакральный смысл, – сказала Рита с какими-то

таинственными нотками в голосе. – Вот уж точно облаканное богом место, – говорю, конечно же, о том времени. Я не очень высокопарно? – она изучающе смотрела на собеседника.

Николай отрицательно помотал головой. Когда человеку говорят то, что он хочет услышать, когда напротив приятный и умный рассказчик, которому веришь, как самому себе, всё кажется абсолютно логичным. А как созвучно собственным мыслям! И сомнений быть не может.

– Так вот... Мне иной раз кажется, что это просто большой дом, где все знакомы. Соседи приходят в гости, но не за солью и спичками, а за свежими идеями, новым звуком и, конечно же, в поисках единомышленников. На ОСТРОВЕ все друг друга знают, если не знают, то хоть раз видели, ну а если не видели, то слышали от своих знакомых. Разве не удивительно, что Холдер, уже получивший признание, покупает вещи у пока никому не известного труженика торговли Меркьюри? А тот верит в свою звезду и обещает Нодди, что скоро станет ещё более успешным музыкантом.

Это я немного в будущее забежала. А пока наступили шестидесятые годы. Будущие рок-звёзды в данный момент ещё очень молодые люди, но у них уже появились свои инструменты, кое-кто даже играет в никому не известных группах. А дома – многочасовое совершенствование техники, поиск новых гармоний, и всё это для того, чтобы завтра прийти на репетицию и доказать, что ты лучший.

И вот, представь себе: то, что уже есть в них, весь потенциал, о котором мы сейчас говорили, очень напоминает сжатую пружину, которая стремительно распрямится в семидесятые-восьмидесятые годы. Когда придёт их время.

Рита немного помолчала.

– Ну вот и всё, Коля. Вот вы всё и узнали. Как видите, нет здесь никакой тайны. Наоборот, всё очень

просто, – она неожиданно перешла на «вы» и посмотрела на часы. – Мне пора, десять вечера уже.

Состояние, в котором пребывал Николай Викторович, описать довольно трудно, но если попробовать передать одним словом, то слово это – катарсис.

Глаза его были закрыты, глубочайшее блаженство читалось на лице. Правда, в голове неожиданно возникла и так же стремительно исчезла странная мысль: «Большие знания рождают большие печали».

Он нехотя вернулся в реальность, молча упаковал винил в специально приготовленную коробку и повернулся к уже успевшей одеться Рите.

– Напомните, Николай, сколько я должна за эти великолепные пластинки, – она открыла сумочку.

– А знаете, Рита, – Коля помолчал, собираясь с мыслями. – Этот винил я вам подарю. Так хорошо мне давно не было. Вы отличный собеседник.

В этот момент он хотел лишь одного: увидеть её ещё раз. Для этого все средства хороши, конечно, в рамках Уголовного кодекса. Возможно, подарок меломана другому ценителю музыки поможет завязать продолжительные отношения. А сказать, что внешность Риты никак не повлияла на это решение, – значит погрешить против истины. Хотя Николай Викторович мысль эту отметил категорически.

– Это очень дорогой подарок, – она опустила глаза, в тёмных зрачках опять сверкнули серебряные искорки. – Девушка не может такой принять. И всё-таки, сколько?

Мысль, неожиданно пришедшая в голову, показалась Николаю гениальной:

– Раз вы не можете просто взять, я продам их вам. За один рубль! Вы спросили, сколько стоит, а я назначил цену. Всё честно.

– Спасибо, Коля. И до свидания. Очень рада знакомству, – Рита протянула монету и открыла дверь. – Не прожайте.

Николай Викторович дождался, пока закроются створки лифта, и подбежал к окну. Он увидел, как его необычная гостя обернулась и помахала рукой, будто знала, что тот приник к стеклу. Она села в большой автомобиль неразличимого в темноте цвета и завела двигатель. Через мгновение машина выбросила из выхлопных труб два огромных снопа искр, а потом растаяла в октябрьской ночи.

Коля опустил в кресло и окинул глазами изрядно поредевшую коллекцию.

«Интересно, увидимся ли мы ещё раз? В конце концов, электронный адрес остался. Через недельку, чтобы не быть чересчур навязчивым, обязательно напишу.

А вот захочет ли она? – он достал из кармана рубль. – Если решка – встретимся обязательно».

Николай высоко подбросил монетку, ловко поймал её и припечатал к тыльной стороне ладони. На реверсе рубля вместо двуглавого орла был отчеканен узколицый длиннобородый лик, немного похожий на одного известного рок-музыканта, и очень сильно – на какого-то персонажа из голливудского ужастика. Вот только на какого? Николай Викторович в задумчивости поднял глаза к потолку, а когда снова взглянул на монету, то с удивлением обнаружил, что ему хитро подмигивает сам Князь Тьмы.

ОЗЕЛЕНИТЕЛИ ЛУНЫ

– Хочу на Луну!

Дасти швырнул разделочный нож на столешницу, но, услышав деликатное покашливание господина Ё, нежно взял инструмент в руки, заботливо обтер салфеткой и уложил на специально отведённое место. С ненавистью покосился на запекаемые в противне тушки насекомых, а затем, избавившись от негативных эмоций, повернулся к бесшумно возникшему за спиной начальству. Лицо Дасти излучало радость от выполненной работы.

Хозяин обнажил два больших квадратных зуба и равнодушно напутствовал своего самого опытного работника:

– Хорошего уик-энда, Дасти. Деньги за неделю уже в твоём электронном кошельке.

– Спасибо, господин Ё, – молодой человек направился в раздевалку, снимая на ходу маску и поварской колпак.

Ещё два года назад этот маленький ресторанчик принадлежал ему, Дасти Хиллу. Здесь отродясь не бывало вычурных инопланетных блюд, элитных напитков, но любой житель его квартала мог утолить голод и выпить кружку пива. Без проблем! Не обременяя себя чрезмерными тратами.

Сейчас же всё изменилось: на улицах странные круглолицые существа, говорящие на незнакомых языках. Их поведение и обычаи пугают, хотя, надо признать, в городе спокойно. Правительство в столице строго следит за соблюдением порядка. Порядок-то есть, справедливости нет. Приезжие скупили всё, что можно... На самых законных основаниях. И что в итоге? Незваные гости поменялись местами с хозяевами. Коренных обитателей почти не видно, разъехались кто куда.

Или сидят по домам, в экраны уставившись. На другие развлечения просто нет денег. Да и откуда их взять, если предлагается только самая низкооплачиваемая работа. А в таком случае – лучше вообще не работать. Пособия худо-бедно хватает, и гори всё ясным пламенем. Пусть правительство думает: стабильность в обществе денег стоит. Страну они уже профукали, адвокаты дьявола.

– Привет, Дасти, – на экране коммуникатора возникла волевая физиономия Фрэнка, его старого приятеля. – На дачу, как обычно?

Слово «дача» пополнило словарный запас несколько лет назад, после того, как русские нашли залежи льда в Море Дождей. На Луне возник посёлок, начались промышленные разработки, но дела у россиян не пошли: в их стране такой же бардак. Домики были распроданы на аукционе в Сети, торги особого внимания не привлекли, и Дасти посчастливилось почти за бесценок приобрести участок или, как говорит его русский сосед, дачу. Несколько сотрудников прогоревшей компании решили не возвращаться на Родину и организовали товарищество собственников жилья со странным названием: «Озеленение Луны ЛТД». Ох уж эти русские! Не поймёшь иной раз, что у них на уме.

– Привет, Фрэнки, – обрадовался Дасти Хилл. – На дачу, и как можно скорее. Во-первых, меня ждут мои огурцы, а во-вторых, только там я по-настоящему отдыхаю. Передумал, решил присоединиться?

– Нет, к сожалению. В частях рейнджеров очередное усиление. Обеспечиваем порядок на правительственном сборище, – сокрушённо ответил приятель. – Так что в этот раз без меня.

– Жаль, дружище. Я думал, поговорим... жажнем «огурцовки»... Ведь так давно не виделись.

– Послушай, Дасти. Хочу попросить тебя о небольшом одолжении, – осторожно произнёс рейнджер. – Моей

знакомой нужно срочно попасть в ваш посёлок. Бизнес и всё такое...

– Интересно, какой там может быть бизнес? Ну и чем занимается твоя новая девушка?

– Она действительно просто моя знакомая. А вот что касается работы... Как бы тебе объяснить. Слово «эскорт» ты, наверное, слышал? В общем, сфера услуг. Маис нынче дорог, всё понимаю. Расходы на горючку она оплатит, не беспокойся.

– Ты очень благородно, Фрэнки, обозначил сферу её деятельности. Эскорт! Красиво и загадочно. Чем она расплатится, даже и не спрашиваю, – с сарказмом произнёс Дасти Хилл.

– Конвертируемыми денежными знаками, друг мой. Вижу, что согласен. Тем более, я ей обещал, можно сказать, дал слово рейнджера. Она уже ждет тебя на стоянке, – сказал Фрэнк с облегчением и отключился.

«Что ж, круг моих немногочисленных знакомых пополнился. Теперь кроме военных сержантского состава, тружеников общественного питания и русских колонистов буду общаться с представительницей древнейшей профессии. А что ты хочешь? Другие твои знакомые, приятель, в другой жизни и остались. Правда, есть один интересный собеседник: бывший учёный. Гляциолог! И скоро я его увижу», – обрадовался Дасти и нырнул в подземку.

Полчаса до конечной остановки Хилл провёл в переполненном составе, среди непривычно одетых и шумных сограждан. Его новых сограждан. Невыносимо пахло потом, табаком и тошнотворной пищей. Довольно невежливо растолкав попутчиков, Дасти стремглав выскочил из вагона и первым ступил на ленту эскалатора.

Ещё издали он заметил юное, с претензией одетое создание, неторопливо прогуливающееся у высокой стены паркинга. Нарядная девушка нелепо смотрелась

рядом с проржавевшим, разрисованным граффити трёхметровым забором.

– Привет, – улыбнулся Дасти Хилл. – Вы, наверное, меня ждёте?

Девушка покосилась на экран своего коммуникатора и продемонстрировала 32 идеально ровных зуба. Идентификация попугайчика прошла успешно.

– Здравствуй, Дасти. Я – Лиз, рада знакомству... а вот мой билет, – она протягивала свёрнутые в трубочку кредитки.

Они миновали входные ворота, где Хилл предъявил охранникам пропуск, и очутились внутри паркинга. На бетонной площадке циклопических размеров ровными рядами стояли челноки класса «Кобальт-18», дорогие и надёжные аппараты. Дасти подвёл девушку к своей тарелке, помог забраться в кабину и велел пристегнуть ремни.

А через пятнадцать минут челнок уже парил над Землей, ожидая разрешения на старт. Внизу нескончаемыми змеями еле ползли к Скалистым Горам вереницы монстрообразных автомобилей. В предгорьях ещё сохранились зелёные оазисы, но участки там стоят бешеных денег. Даже Дасти, имеющий постоянную работу, не мог себе такого позволить. Его удел – купол на Луне да тарелка эконом-класса.

– Долго лететь, Дасти? – девушка решила прервать затянувшееся молчание.

– Часов пять-шесть. Как дорога... Не знаю. Во всяком случае, доберёмся быстрее, чем они, – взгляд пилота был устремлён вниз.

– А что с дорогой? Межпланетные пробки? – пошутила Лиз.

Дасти не успел придумать достойный ответ: на мониторе пульта управления загорелась зелёная пентаграмма. На пару минут их вдавило в кресла, а потом в панорамном окне появилась удивительно красивая

картинка звёздного неба. Пилот приступил к работе, а Лиз достала из сумочки розовый коммуникатор. Общение с многочисленными знакомыми продолжалось, пока челнок не оказался вне зоны действия мобильной связи. За это время Дасти многократно умилился её коронной, с придыханием, фразе: «Я вас внимателно слушаю». А может, это были переговоры с клиентами? Впрочем, какая разница. Бог ей судья! Во всяком случае, все десять «симоков» её навороченного гаджета, наверное, раскалились добела. Воспитанный Дасти смог наконец сделать музыку погромче.

Через пять часов Луна в панорамном стекле выросла до гигантских размеров, и Хилл запросил разрешение на посадку. Диспетчер в ответ пробурчал что-то нечленораздельное и приказал лечь в дрейф.

– Вот и проблемы с дорогой, – пилот обратился к задремавшей пассажирке. – В наших «огородах» – метеоритный дождь. Дело обычное. Придется сделать пару лишних витков. А пока посмотри... Видишь вспышки прямо под нами...

Лиз прильнула к окну и выдала несколько восхищённых, но странных и понятных только ей комментариев:

– Золотой дождь, выдача! Полный трапон!

Увидев недоумение на лице Дасти, девушка пояснила:

– Не обращай внимания, малыш. Это профессиональный сленг. Да... Высади меня у вашего отеля. Я там остановлюсь. А если в воскресенье захватишь меня обратно, буду очень признательна.

– Нет проблем, – кивнул Дасти Хилл. – Любой каприз за ваши деньги. Хозяин отеля – мой хороший знакомый, кстати, русский. Сидит обычно в баре за чьим-нибудь столиком. Ты его сразу узнаешь.

– Интересно, как? У него что, четыре руки? – засмеялась Лиз.

– Нет, всего две. Но в одной – бутылка водки, а в другой – балалайка.

Пилот бросил взгляд на озадаченную девушку и усмехнулся:

– Местный фольклор. Не пугайся, Дасти шутит.

Шлюз гостиницы был свободен, высадка пассажирки не заняла много времени, и через десять минут Дасти Хилл переступил порог своего купола. Надел любимые тапки, а потом проверил почту локальной сети «Озеленение Луны ЛТД». В ящике сиротливо ожидало прочтения единственное письмо:

«Привет, Дасти.

Огурцы я поливал каждый вечер, как ты и просил. Вода заготовлена на неделю. Не беспокойся, в этом году без урожая не останешься. Правда, дожди идут часто, но система регенерации работает, пробоины затягиваются за считанные секунды. И это хорошая новость.

Но есть и плохая. Похоже, опять появились гости. Вчера видел чужую тарелку: пряталась в тени кратера. Думаю, что это саранча, а поэтому сразу же проверь парник. В прошлом году у меня весь крыжовник обожрали. Если встретишь супостата – гаси в роговой отсек, бейсбольная бита у тебя в прихожей. В нашем товариществе они не зарегистрировались, а значит – чужие. Чужих нам не надо, и пока я здесь главный, так и будет.

Дядя Леша».

Дасти Хилл вооружился битой, отодвинул многочисленные засовы и осторожно приоткрыл дверь теплицы. По обе стороны от дорожки ровными рядами, цепляясь усиками за толстые нитки, ласкали глаз узловатые стебли любимых овощных культур. Урожай действительно обещал быть приличным: в нижней части лиан огурцы уже созрели, а под куполом ещё продолжалось обильное цветение. Дасти повернул голову, намереваясь в очередной раз полюбоваться полуметровым овощем, своей гордостью, – семенным фондом следующего огородного сезона. Но чуда не произошло: любимый огурец был самым безжалостным образом обглодан.

– Мать твою... – выругался Хилл и обнаружил в дальнем углу парника свежую пробоину. – Успел пролезть, зараза, пока дыра не затянулась.

Глаза Дасти налились кровью, и он осторожно, стараясь не обнаружить себя раньше времени, начал движение к противоположному краю теплицы. Сначала он увидел брошенный на грядке шлем конической формы, а потом и его хозяина – метрового кузнечика, с удовольствием вгрызающегося в очередной огурец. На животе у насекомого виднелась сумка, очертаниями напоминающая кобуру. Медлить было чревато, и Дасти одним прыжком преодолел расстояние до противника. А затем с молодецким гиком опустил биту на вражью голову, аккурат в роговой отсек.

«Завалил зверюгу! И так будет с каждым...» – охотник с любопытством осмотрел поверженного кузнечика.

Редкозубое насекомое напоминало господина Ё, и это обстоятельство подарило Дасти чувство глубокого удовлетворения. Чужой нашёл последний приют в компостной куче, а Дасти Хилл вернулся в жилой отсек.

Парень плеснул в гранёный стакан «огурцовки» на три пальца, прокрутил в памяти события последних минут и задремал. Ему приснилась Лиз, но сюжет сновидений никакая бумага не стерпит, поэтому здесь мы поставим многоточие.

Увлечательный сон прервал пронзительный зуммер внутренней связи. Этот чёрный аппарат, стилизованный под телефоны середины XX века, издавал громоподобные скрежещущие звуки и был способен разбудить даже мёртвого.

– Да, – недовольно промычал Дасти.

– Просыпайся, приятель, – поведала трубка голосом дяди Леша – Ждём тебя в баре через полчаса. Будем думку думать силами членов правления. На повестке дня – несколько важных вопросов. Не опаздывай!

Всё правление было в сборе, и это неудивительно: попытки манкировать обязанностями дядя Леша

пресекал решительно и жёстко. Дисциплина в ТСЖ царила железная. Удивляло присутствие на собрании его сегодняшней попутчицы. В связи с чем Лиз оказано столь высокое доверие? Неужели? Нет, не может быть! А вообще-то русские – «ходоки» известные.

– Что ж, кворум есть. Начнём, пожалуй, – председатель окинул взглядом собравшихся. – Хочу вас огорчить, господа дауншифтеры. Судя по всему, наша спокойная и счастливая жизнь заканчивается.

– Дядя Леша, я попросил бы не выражаться. В присутствии дамы, – пошутил ревнующий Дасти, а потом продемонстрировал знание русского языка. – Какие есть ваши основания?

– Словами нашу красавицу не испугаешь, – улыбнулся председатель и серьёзно продолжил. – И она это доказала, поведав мне одну интересную историю. Её новый хозяин, господин У, имеет виды на нашу маленькую колонию. Здесь он планирует открыть большой бордель. Как вам это нравится?

В ответ последовали трудно переводимые идиомы на нескольких европейских языках.

– Грубо, но, по сути, верно, – констатировал дядя Леша. – Скажу сразу, номер не пройдёт. Деньги товарищества, пусть это будет приятным сюрпризом, потрачены правильным образом, и теперь мы владеем значительной частью Моря Дождей. Пока я здесь старший, перекупить участки не удастся никому. Но есть другие варианты развития событий. Чужие, будь то саранча или гости с Земли, уже замечены на нашей новой Родине. Так сказать, нелегально... Нам это надо?

– Леша, а ты не слишком преувеличиваешь? – усомнился его бывший коллега. – Ничего страшного не произойдёт, если появятся в колонии несколько продуктовых лавок или пара бригад сезонных рабочих. Лед-то рубить надо кому-то?

– Давай не будем делать дурацких ошибок, – дядя Леша кивнул на видневшуюся в окне Землю. – Слово «экспансия», я надеюсь, тебе знакомо. Это процесс, который невозможно остановить. А вот предотвратить вполне реально. Любой биологический вид будет стремиться к расширению сфер влияния, границ обитания и далее по списку. Окажись мы в такой ситуации, то делали бы ровным счётом то же самое. Поэтому, коллега, сам кайло в руки и возьмишь. На первое время. А потом, не сомневаюсь, рабочих рук в нашей колонии будет предостаточно. Людей, разделяющих наши ценности, на Земле много. Пусть прилетают, для всех места хватит.

– Ну, дядя Леша, у тебя целая программа, – усмехнулся Дасти. – Ты же на Луне спокойной жизни искал. А с твоими амбициями её точно не будет. Возвращайся на Землю, там для тебя много работы.

– На Земле для меня работы уже нет, – неожиданно завёлся председатель. – С системой бороться невозможно. Всё прогнило – что у вас, что у нас. Систему можно только поменять, и все ваши либеральные методы не работают. Выборы, парламенты, президенты – туфта это всё. Знаешь, наверное, что одна маленькая, но очень гордая страна в полном составе убыла на Марс. И бомбу с собой прихватила. Надоело ребятам слушать, как их жизни учат. Меня их ценности не устраивают, но поступили они мудро. Меряться, у кого бомба круче, это добром не кончится. Так что такой метод не для нас. Мы за мир, как говорили мои предки.

Лиз, до поры не принимавшая участия в споре, вдруг неожиданно сказала:

– А я бы осталась.

– Ну и правильно, – одобрил дядя Леша. – Работу мы тебе найдём, правда, придется профессию поменять. А ты, Дасти?

– Не знаю... – протянул парень. – Хотя почему нет? Здесь друзей у меня намного больше. Да и огурцы опять-таки.

Дядя Леша положил руку на его плечо.

– Ты же рейнджером служил, а нам бойцы потребуются. Не дай бог, конечно. А с другой стороны, не вижу ничего страшного, если у каждого из нас будет гранатомёт под кроватью. Так, на всякий случай. Как в Швейцарии! Чужого нам не надо, но и своего не отдадим.

Посчитав, что официальная часть закончена, председатель вытащил из сейфа бутылку «огурцовки», а Лиз принесла из холодильника пару тарелок с бутербродами. Пока она ловко собирала на стол, дядя Леша шепнул Дасти:

– Оставайся, ей-богу. Невесту я тебе уже нашёл, из девчонок её профессии, говорят, верные жены получают.

– Кто говорит? – засомневался оттаявший Дасти.

– Русские классики! – прошептал со священным трепетом дядя Леша. Сказал, как отрезал!

А потом поднял свой стакан с шестнадцатью гранями и торжественно произнёс, почти пропел:

– Мы наш, мы новый мир построим!.. За нас! За озеленение Луны!

ГЛАЗЛИВАЯ

Чувство вины. Яд или лекарство? Оно не даёт покоя. Приоткрывает дверь во тьму и приходит в страшных снах, подавляя или гипертрофируя обычные человеческие чувства.

Если остались хоть какие-то чувства...

В конце августа на побережье стояла изнуряющая жара. За завтраком старожилы-отдыхающие рассказывали, что дождя не было более трёх недель, а синоптики на предстоящую декаду обещают около тридцати градусов тепла и такую же солнечную погоду.

«А мне – на руку. Свои десять честно заработанных дней я хочу провести на пляже. Купаться, загорать и ни о чём не думать. Сутки уже бездарно пропали, зато отоспался на месяц вперёд. Усталость накопилась, и тут уж ничего не поделаешь. Вот только этот страшный сон, неужели вернутся давно забытые кошмары?»

Дима прогнал дурные мысли, перевернулся на лежанке, подставив солнцу живот, и осмотрелся. Людей на пляже было немного, всё-таки до города далековато, и это не могло не радовать. Свои, пансионатовские, как-то научились рассредоточиваться меж многочисленных волнорезов. Каждому хотелось заполучить несколько метров жизненного пространства, и, что удивительно, получалось. Ведь чистый песок и невзбаламученная вода – маленькие радости приморского отдыха.

«Вечером тоже есть чем заняться, – Дима закрыл глаза. – В пансионате несколько кафе, в самом большом даже танцуют. Приходят “дикие” отдыхающие, местные девушки заглядывают, а если в цивилизацию захочется – нет ничего проще. Махнул рукой на автостраде, и за пару сотен тебя в центр доставят».

На Дмитрия упала чья-то тень, и он с неудовольствием поднял голову. Прямо перед ним раздевалась девушка. Она уже сняла джинсы и, скрестив руки, пыталась стянуть с головы выцветшую футболку. Лица видно не было, зато фигуру можно было оценить.

«Хорошо сложена, – он с удовольствием осмотрел незнакомку. – Хотя и не в моём вкусе, мне всегда тоненькие девушки нравились, тонкая кость. Да, именно так! Эта, пожалуй, тяжеловата, хотя лишних килограммов точно нет. А какая загорелая, просто шоколадка. У меня так никогда не получалось».

– Прекрасная туземка, – он негромко хмыкнул, а потом почему-то добавил: – Погоды, меж тем, стояли хорошие. К чему это я?

Девушка повернула голову, украдкой посмотрев на Дмитрия, а затем медленно, как бы приглашая, пошла к воде.

«Интересно, она из этих, вечно находящихся в поиске? Есть здесь такая категория местных барышень. Они легко знакомятся, а когда узнают, что ты из пансионата, очень интересуются, на каком этаже живёшь. Если не на двух последних, где располагаются люксы, сразу следует другой вопрос – на какую сторону окна выходят. Сначала было непонятно, какая разница. Сосед по столику объяснил. Если окна выходят на море – номер одноместный, а значит, и шансов у тебя больше. На интересное продолжение».

Девушка зашла на мелководье, остановилась, соединив ладошки на затылке, и повернулась лицом к солнцу. С десяти шагов она выглядела ещё привлекательней.

– Прекрасное видится на расстоянии.

Дима привстал с лежака.

«Давай поднимайся, нас ждут великие дела».

Уже в воде он догнал незнакомку.

– Не возражаете, если я с вами...

– Попробуйте, мне не жалко. Окунуться вам точно не мешает. Обгорите ещё. Вон кожа-то как покраснела, – южно-российским говорком ответила девушка.

– А мне казалось, что я уже прилично загорел. В Москве специально этому несколько выходных посвятил.

– Из Москвы? – с интересом посмотрела незнакомка. – Не хочу вас огорчать, но вы совсем белый. А плавать-то умеете? Спасать не придётся?

– Я плыву, как дельфин, – улыбнулся Дима.

– Ну, тогда до буйков, дельфин?

Через двадцать метров он отставал на корпус, а когда, тяжело дыша, подплывал к финишу, понял, что форму потерял окончательно. Обхватив качающийся на слабой волне буюк, девушка снисходительно посматривала на Дмитрия и улыбалась.

– Так кто здесь дельфин?

Он уцепился за поплавок и вдруг увидел прямо перед собой огромные, в поллица, чёрные глаза.

– Вот это глазищи, даже зрачков не видно, – удивился Дмитрий. – Сдаюсь, вы победили. Я – Дима, а вас как зовут?

– Жанна.

– Чувствую, Жанна, мне нужно взять у тебя несколько уроков плавания. Давайте на «ты».

– И мне на «ты» привычнее. Дима. А насчёт уроков... Я редко здесь бываю.

– Предлагаю сегодня вечером встретиться вот в том кафе и поговорить об этом, – Дима кивнул на хорошо видную отсюда веранду – Скажем, часов в восемь. Придёте?

– Постараюсь, – Жанна оттолкнулась от буйка и быстро поплыла к берегу.

Когда Дима добрался до отмели, девушка уже подобрала вещи и, не одеваясь, шла к волнорезу. Она ловко взобралась на бетонный монолит и помахала Дмитрию рукой.

Без четверти восемь он занял двухместный столик у парапета. Отсюда, с высоты второго этажа, хорошо видны все подходы к кафе. Пандус, по которому можно спуститься с автострады, подземный переход на пляж. В любом случае, пропустить появление Жанны было бы нереально.

«Придёт или нет? Пятьдесят на пятьдесят. Хотя нет, думаю, шестьдесят к сорока, что появится.

Жанна... интересно. У меня ещё не было девушки с таким именем».

– Жанна. Желанная, жгучая, жаркая, живая, – Дима попробовал слова на язык.

А с другой стороны: «Жестокая, жалиющая, жуткая», – этот вариант ему совсем не понравился.

– Привет, – раздался сзади знакомый голос.

Дмитрий вздрогнул и обернулся. У столика стояла Жанна, улыбалась и гипнотизировала его своими огромными глазами. Она была в каком-то старомодном платье и в туфлях на высоком каблуке. Чёрные длинные волосы, прямые ещё утром, сейчас были завиты и пушистой волной лежали на плечах. С лицом тоже произошли перемены, и не в лучшую сторону. Цвет помады не сочетался с её смуглой кожей, да и с глазами что-то произошло, но здесь Дима, не очень сведущий в тайнах макияжа, был пас.

«Пришла бы в джинсах, подумаешь – светский раут, – недовольно подумал он. – И косметика всё испортила, такой естественной утром была. А с другой стороны, старалась. Готовилась».

– Добрый вечер, присаживайся.

Дима посмотрел по сторонам и заметил ехидные взгляды из-за соседних столиков.

– Отлично выглядишь. Что закажем, есть пожелания?

– Я не голодна. На твой вкус, немного.

– Хорошо. Тогда сухое вино, ну и мясо какое-нибудь, – Дима помахал рукой официантке.

После дежурных «за знакомство» и других банальностей вдруг выяснилось, что Жанна разговор не очень-то и поддерживает. Дима рассказал немного о себе, о перспективной работе, с которой связывает большие надежды, но найти темы, интересные обоим, не получалось. Она была немного напряжена, и если не оглядывалась по сторонам, то как-то странно смотрела Диме в глаза.

– Жанна, расскажи о себе. Почему ты молчишь, тебе не интересно?

– Наоборот, очень интересно. Настоящая жизнь – только в большом городе. А здесь ничего не происходит. Ну, может быть, летом, в сезон. Я бы так хотела уехать отсюда.

– Где ты работаешь?

– По медицинской части...

– Так ты врач?

– Да, почти... Скоро буду, я ещё учусь, – и опять замолчала.

– Какая тебе музыка нравится? – Дима вытягивал клещами слова из собеседницы. – Какие певцы, группы, а может быть, ты классику любишь?

– Мне вообще музыка нравится...

«Куда же девалась бойкая, весёлая девушка, – думал Дмитрий. – Похоже, пора завязывать, вечер не получился, а перспектив на ночь вообще никаких».

– Послушай, Жанна, я, наверное, перегрелся на солнце. Голова разболелась. Сейчас я тебя в такси посажу, а завтра увидимся.

– Давай я тебя вылечу, – она сразу оживилась. Чувствовалось, что ей не терпится уйти.

– Как? Лекарств в номере нет, а хирургическое вмешательство преждевременно, – Дмитрий с интересом взглянул на собеседницу.

– У меня есть всё, что нужно. Пойдём к тебе.

Перспективы на постель начали неясно вырисовываться, и Дима решительно встал из-за стола.

Они поднялись в номер, и Дмитрий, пропустив её вперёд, незаметно закрыл дверь на ключ.

Девушка выдвинула кресло на середину комнаты и кивнула:

– Садись.

Дима устроился поудобнее и вдруг почувствовал её ладони у себя на висках. Руки были горячими, и он ощутил лёгкое покалывание.

– Зачем ты меня обманул, – разочарованно сказала Жанна. – У тебя ничего не болит.

– Всё прошло неожиданно. У меня так бывает, – соврал он и отодвинул кресло в сторону.

Тогда у Дмитрия не возникло никаких вопросов, ему просто была нужна женщина. Немедленно.

Он обнял её и поцеловал. В плотно сжатые губы. Попытался расстегнуть змейку на платье, но Жанна отвела его руки и пересела на краешек кровати.

– Я тебе нравлюсь? – её огромные глаза были на расстоянии вытянутой руки. – Скажи.

Дима сел рядом и положил руку на её колено.

– Очень, – в этот момент он уже ни в чём не сомневался.

Рука поползла вверх, обнажая загорелое бедро, и он опять попытался найти её губы.

Жанна отодвинулась, натянула платье на колени и сверкнула глазами:

– Дима! Не надо!

Желание мгновенно пропало. А ведь ещё секунду назад... Странно. Никогда такого не было.

– Насиловать я тебя не собираюсь.

Он достал сигарету и вернулся в кресло.

– Успокойся. Что мне было думать? Ты же пошла со мной в номер. Мне казалось, что ты тоже этого хочешь.

– Ты очень торопишься, Дима.

– Извини. Попробуй конфеты, для тебя купил, – он распечатал пеструю коробку.

Жанна взяла шоколад и опять замолчала. Казалось, она чего-то ждала. Каких-то особенных слов, и Дима, похоже, знал, каких.

– Давай я тебя провожу, поздно уже, – а ему хотелось, чтобы всё это скорее закончилось.

– Хорошо, – разочарование сквозило в её голосе.

Они поднялись к автостраде, и Дима поднял руку, намереваясь поймать машину. Неожиданно Жанна заскочила в подъехавший рейсовый автобус, и ему ничего не оставалось, как последовать за ней. Ехали минут двадцать и молчали. Автобус еле полз, останавливался на каждой остановке и всё дальше и дальше увозил их от побережья.

Они перебежали автостраду, даже ночью здесь сильное движение, и сразу же очутились в каком-то другом, совсем не праздничном месте. Дмитрию показалось, что шоссе – это своеобразная граница, разделяющая яркий, цветной мир побережья и унылый, серый мирок повседневной жизни. Где-то там, далеко, остались пальмы и магнолии, морской ветерок, даже в жару приносящий свежесть, звуки музыки, шум голосов. Здесь было тихо и очень душно. Тополя и кусты акации засыпаны пылью. Пока встречались фонари, на листьях можно было увидеть серый налёт, потом в полумраке ощутить мельчайшие крупинки на языке. Или это мнительность? Диме здесь всё не нравилось, появилось неприятное чувство тревоги.

«Скорей бы пришли, – подгонял он время. – Ну, где же она живёт?»

Они миновали улочку, застроенную частными домами, и оказались в квартале древних пятиэтажек. Когда-то здесь жизнь была ключом, следы её были видны повсюду. Вот развалившаяся детская площадка, вот магазин с заколоченной крест-накрест дверью, заросшее сорняками футбольное поле с покосившимися воротами. На них даже сохранилась полуистлевшая сетка.

– Пришли, – Жанна остановилась у тускло горящего фонаря. – Вот мой подъезд. Спасибо, что проводил. Не жалеешь? Получилось не так, как ты хотел.

– Пожалуйста. Одной, наверное, страшно по ночам ходить, – Дима ушёл от ответа.

– Я не боюсь. Со мной ничего не случается. Никогда.

– Не зарекайся. Ты девушка красивая, всякое может быть.

– Всё-таки я тебе понравилась?

«Начинается, – раздражённо подумал он. – Сколько можно? Я просто хочу домой, лечь и уснуть, а завтра что-нибудь более интересное произойдёт».

– Если бы не нравилась, меня здесь не было.

Жанна нашла его глаза.

– Дима, я хочу уехать из этого города. Уехать с тобой.

– Уехать из рая? Ты шутишь? Ласковое море, тепло круглый год. Я бы ни за что отсюда не уехал, – Дима совсем не был готов к такому повороту.

– Это тебе кажется. Через пару месяцев закончится сезон, и здесь нечего будет делать. Заштормит, начнутся дожди. Скука! Возьми меня с собой.

– Жанна, мы же совсем не знаем друг друга. Одного вечера, поверь мне, недостаточно.

– Всё, что надо, я о тебе узнала. Возьми, и ты не пожалеешь.

– А я ничего о тебе не знаю, – её настойчивость начинала утомлять. – Ты молчала весь вечер. Я так и не понял, что тебе интересно, чем ты живёшь. Секс у нас тоже не получился. Просто не понимаю, что у нас общего.

– Всё у нас будет, знаю. Ты станешь у меня первым.

«О господи, она ещё и девочка. Бывает же такое», – Дима опустил глаза.

– Милая девушка, люди живут вместе по разным причинам. По привычке, по расчёту. Но лучше это делать по любви, хотя бы с этого начать. Для меня это важно.

– Но я же тебя люблю. Ещё тогда, на пляже, я поняла, что ты – мой.

– Так не бывает, для этого нужно время. Мы же, в конце концов, взрослые люди. Давай завтра поговорим, – Дима пытался закончить надоевший разговор.

– Я всё поняла, ты хочешь уйти. Иди, упрасивать не стану. Только помни, что завтра у нас не будет. И без меня у тебя ничего не будет. Ничего и никогда. Я знаю.

– Это ещё почему? Бред какой-то!

– Потому, что я глазливая.

– Прощай, Жанна, извини, если что не так.

– До свидания... – она пристально посмотрела Диме в глаза и скрылась в чёрном проёме подъезда. – ...с Павликом...

Дима вздрогнул. Почудилось? Поднимался ветер, может, это прошелестели тополиные листья.

«Откуда она может знать про Павлика? Точно, послышалось».

Ветер становился всё сильнее, и Дмитрий побежал к автостраде. На пыльную дорожку упали первые капли, а через несколько секунд яркая вспышка прочертила небо. Загремел гром. Разверзлись хляби небесные, начался сильнейший ливень. Дима укрылся под старым тополем, прижался к морщинистому стволу, стараясь спрятаться от тугих струй. Бесполезно. Спустя пару минут одежда промокла. Впереди, в какой-то сотне метров, он увидел заколоченный магазин и по лужам помчал к крыльцу, укрытому козырьком. У дверей здесь даже было сухое место. Дима встал на светлый пяточок и перевёл дух.

«Вот ведь угораздило! Лежал бы сейчас в своей постели и десятый сон досматривал. Надо было посадить барышню в такси, так нет, провозать потащился».

Глазливая? А это ещё что такое? Наверное, ясновидящая какая-нибудь. Обалдели они тут от скуки провинциальной».

Он вытащил зажигалку и над огнём подсушил изрядно промокшую сигарету. Прикурил и задумался, глядя на пламя...

– Павлик, оставил бы свою машину внизу. Там ведь было где спрятать.

Мальчишка покраснел, но бросать игрушку не собирался. Упрямо сопел и перебирался со ступеньки на ступеньку, стараясь не отстать. На крыше он поставил машинку на колёса и потащил за собой. На неровной бетонной плите игрушку потряхивало, стук пластмассовых колёсиков был неприятен, и, казалось, его могли услышать на нижних этажах.

– Тише, Павлик. Вдруг здесь кто-нибудь есть.

Димка оглянулся и приложил палец к губам. Мальчишка снова взял машинку в руки, и, осторожно ступая, стараясь обходить кучи строительного мусора, они пошли дальше, к лифтовой шахте, рядом с которой из кирпичей и досок старшие ребята соорудили скамейку.

– Садись пока... – Дима достал из кармана игрушечный маузер, чудный пистолет с длинным стволом. Пошарил под грудой битых кирпичей и извлёк длинную «макаронину» артиллерийского пороха.

– Я так и знал, что подойдёт, – он вставил «макаронину» в отверстие.

Порох идеально разместился в канале ствола, не болтался и выступал на пару сантиметров, как раз для того чтобы поджечь.

– Димка, дай мне. Я буду огнёмчиком, пожалуйста.

– Ладно, держи пистолет. Только на меня не направляй.

Дима вытащил из кармана спички.

– Оставь ты эту машину, держи маузер двумя руками.

Павлик не хотел ничего слышать и левой рукой сжимал капровую веревочку. При малейшем движении игрушка елозила по бетонной крошке, колёса скрипели и неприятно постукивали.

– Ну, ты готов? Зажигаю, – Дима чиркнул спичкой.

Порох загорелся мгновенно. Метровый язык пламени вырвался из ствола, ярко осветив чёрную дыру лифтового проёма. Дима увидел, как покраснел от высокой температуры пистолет и исказилось от боли лицо брата. Запахло палёным.

Павлик завизжал, уронил изрыгающий пламя маузер и отскочил назад, в сторону шахты. Пистолет как волчок закрутился на полу, выплюнув огненную струю под ноги мальчика.

Ещё шаг назад, ещё полшага, Павлик оказался на краю бездны, неловко взмахнул руками и скрылся во тьме. Машинка, в последний раз противно скрипнув колёсиками, полетела вслед за хозяином. Короткий крик и тяжёлый удар там, внизу.

– Паша, Павлик, ты живой? – Дима испуганно приблизился к краю плиты.

Было очень тихо. И страшно.

Дима попятился, сдвинул ещё горячий пистолет и побежал к лестнице, размазывая слезы по щекам.

На вычищенной пламенем бетонной плите остался пожелтевший след, точно повторяющий контуры игрушечного маузера.

Сильнейший раскат прямо над головой, и спустя мгновение – ослепляющая вспышка, настолько яркая, что в ней потерялось слабое пламя зажигалки.

Тополь, под которым он ещё недавно стоял, развалился на две части, словно рассечённый гигантской бритвой. Тяжёлый удар упавшего дерева, и в воздухе

появился запах озона. Дима запоздало вздрогнул и выронил зажигалку.

– Ну, братка, с тебя причитается. Бутылка коньяка как минимум.

Он зябко поежился, представив возможные последствия: обугленный труп неизвестного, без документов. Малосимпатичная картинка.

Ливень прекратился так же неожиданно, как и начался.

Дима вышел из-под козырька и направился было к автостраде, но потом повернул к сломанному тополю. Молния поразила дерево на высоте двух метров, сделав косой неровный срез. Дмитрий поднял руку и с опаской дотронулся до тёплой обугленной сердцевины.

– Рассказать кому, не поверят.

Когда впереди послышался шум автострады, он перешёл с бега на быстрый шаг и через минуту стоял на обочине, подняв руку. Водяная пыль, взбитая сотнями колёс, висела над дорожным полотном и причудливо искрила в лучах фар. Жёлтые огоньки автомобильной оптики казались в несколько раз больше, чем были в действительности. Секунда-другая, и рядом пронесётся машина, обдав фонтанами брызг.

Лишь через десять минут Диме улыбнулась удача. От плотного потока отделилась легковушка и, зачистив сигналом поворота, остановилась на обочине.

Дмитрий увидел на крыше фонарь с шашечками, а затем без лишних переговоров залез в салон.

– До пансионата, знаете, где это? Только по дороге остановите у какого-нибудь магазина, за сигаретами схожу, – обещанный самому себе коньяк следовало купить как можно скорее.

– Пятьсот. Ночной тариф, – ответил низкий женский голос.

Дима повернул голову и увидел на водительском месте даму предпенсионного возраста.

– Нормально. Поехали. В первый раз вижу женщину-таксиста.

– Загадывай желание. Здесь я одна такая.

Она лихо выкрутила руль и довольно бесцеремонно перестроилась в крайний левый ряд.

– Скажите, вы отсюда родом?

– Всю жизнь тут прожила, здесь и на погост отнесут. А что?

– Слово новое услышал. Глазливая. Может, знаете, что это такое?

Машина дёрнулась и заметно сбавила скорость.

– Неужто с глазливой познакомился? Не повезло тебе парень, коли так.

– Это ещё почему? Расскажите, мне интересно.

– Сглаз, порча. Слышал, наверное? Есть в наших краях бабы такие, темноглазые. Ведьмы. Знаю, что и здесь одна живёт. Сама, правда, не видела, врать не стану. Но люди говорили.

– Бред всё это. Средневековье какое-то.

– Хочешь – верь, а хочешь – не верь. А только, что слышала, то и рассказываю. Говорят, они и лечить могут, но только делают это редко. Близких людей пользуют да тех, кто понравился. Но если возненавидят кого, то и до беды недалеко.

– Да ладно? Что же они могут такого?

– Год назад здесь один отдыхающий повесился. А незадолго его с глазливой видели. Вот и думай. Когда с делом этим разбирались, всю комнату перерыли. Ни записки предсмертной, ничего. И дома у него всё в порядке, семья хорошая. Не было причины в петлю лезть. А только это глазливой дело.

– Допустим, всё – правда. Что же, ничего с порчей поделывать нельзя? Снимают её ведь как-то?

– Сглаз от глазливой только глазливая и снимет. А лучше от них подальше держаться. В глаза им, главное, не смотреть. Как там по науке, не знаю, но вот что думаю. У

каждого человека есть ангел-хранитель, у самого, наверное, такие случаи были, когда чудо какое-нибудь происходило. Подумаешь, так обязательно вспомнишь. Глазливые как-то делают, что хранитель своего подопечного видеть перестаёт, как будто и нет человека такого. А если у тебя какая-нибудь беда впереди, так она обязательно случится. Рано или поздно. Ну, бабка, придумала, – довольно усмехнулась женщина и дальше не проронила ни слова.

В номере Дима сбросил мокрые тряпки и переоделся. Дунул в казённый стакан, а потом наполнил его до краев. Взял конфету из открытой для Жанны коробки и торопливо, без должного уважения выпил янтарный напиток. Несколько минут в голове беспорядочно вертелись какие-то обрывки мыслей. Прощальный взгляд Жанны, обугленный тополь, женщина из таксомотора, – всё это, помноженное на озноб не успевшего согреться тела, вызывало сильное беспокойство. Дима посмотрел на будильник. Начало пятого. Через пару часов солнце взойдёт, начнется новый день.

– Как там у классиков. До первых петухов продержаться.

Он поудобней устроился в кресле, зажёт сигарету и, не торопясь, смакуя, допил коньяк. Напиток наконец подействовал, Дима согрелся, и беспокойство отступило.

– Сказки провинциальные, дурью народ мается. Повесился, говорите? Не дождётесь, у меня и веревки-то нет.

Он лениво потянулся и задремал.

Из стены вышел Павлик. Штукатурка, выкрашенная светлой краской, вдруг потемнела, обрела человеческие контуры и треснула, а затем беззвучно рухнула на пол.

Мальчишка был в тех же коротких штанишках, в испачканной мелом синей футболке с номером десять. Игрушечная машинка, противно поскрипывая колёсами,

выкатилась вслед, повинуюсь маленькой, в ожогах руке, сжимающей капроновую нить.

Медленно, с опаской глядя под ноги, он направился к тёмному проёму балконной двери.

– Паша, Павлик, подожди. Иди ко мне, это же я, – Дима поднялся из кресла.

Мальчишка не слышал. Он шагнул на балкон и растаял, как бестелесный фантом.

Дима сунул ноги в кроссовки и, не зашнуровывая, бросился вслед.

Некоторое время он бежал в полной темноте, ориентируясь по стуку автомобильных колёсиков.

– Чёртовы шнурки, лишь бы не упасть.

Внезапно крошечная тьма сменилась полумраком. Серые бетонные стены излучали слабый мерцающий свет. И Дима увидел брата.

Волоча за собой машину, он приближался к лифтовой шахте. Она находилась в какой-то паре шагов от мальчишки. В опасной близости. А вот и он – пожелтевший след, повторяющий контуры игрушечного маузера.

Павлик уже занёс ногу над пропастью, когда Дима догнал его. Схватил за плечо и, стараясь не напугать, выдохнул:

– Стой, не надо.

Тот обернулся, и на расстоянии вытянутой руки Дмитрий увидел пожелтевший, покрытый мелкими трещинами череп. В глазницах антрацитово блестящие чёрные радужки, окружённые фарфоровыми, в розовых прожилках белками.

Чужие, очень знакомые глаза! Он уже их где-то...

– Ничего и никогда, – отчётливо прошептал женский голос и отразился от стен многократным эхом.

Дима в ужасе отпрянул от мертвеца и застыл, пригвождённый страшным гипнотизирующим взглядом.

– Я знаю! – Павлик потерял равновесие и, беспомощно закричав, скрылся в чёрном проёме.

Страшный, ледяной крик. На одной пронзительной ноте. Казалось, он никогда не кончится. Дима вздрогнул, открыл глаза и увидел внизу, десятью этажами ниже, мигающий габаритными огнями автомобиль. Оглушающий ревун сигнализации в предрассветной тишине был способен разбудить и мёртвого. Дима судорожно схватился за холодную перекладину парапета и выпрямился, восстанавливая равновесие. Он сидел на тонкой металлической решётке, ограждающей балкон, свесив босые ноги над многометровой пропастью. На капоте машины в неярких сполохах световой сигнализации можно было увидеть его белые кроссовки.

ЮНА

Тем летом Диме повезло. Коллега по работе, человек мира, за год планирующий свои путешествия и собиравшийся отдохнуть в августе, неожиданно явился к начальству и попросил перенести отпуск на декабрь. Бывает же такое! Ещё пару дней назад он ходил по офису с пачкой буклетов, дразня сослуживцев экзотическими пейзажами маленькой страны в Юго-Восточной Азии. Народ завидовал счастливчику – уж очень вкусно тот рассказывал о грядущих приключениях. И Дима не был исключением.

В конце рабочего дня директор пригласил его в свой кабинет. Появилось пока ещё не ясное, но крепнувшее с каждой секундой предчувствие чего-то очень хорошего.

– Дмитрий, у Орлова возникли, как он говорит, семейные проблемы, – осторожно начал шеф, изучая невозмутимое лицо подчинённого. – Я не мог ему отказать. Сам понимаешь, отсутствие двух сотрудников в отчётный период, это нонсенс. А у тебя ведь отпуск в декабре? В конце года наш славный коллектив и без того работает почти на износ. Я, конечно, понимаю: у тебя свои планы, но ты человек неженатый... Давай-ка, соберись, две недели в августе – это подарок судьбы, потом спасибо скажешь. Приказ я уже подписал.

Особых планов на декабрь у Дмитрия не было, и поэтому он согласился, внешне выказав чуть заметное недовольство. В конце концов, лёгкий намек руководству на недопустимость подобных решений, то есть без длительных, с взаимными уступками согласований, Дима посчитал правильным. Ну, это так... с расчётом на будущее.

Времени до отпуска оставалось немного, и он тем же вечером приступил к поиску горящих путевок. Через пару дней выяснилось, что сумма отпускных и стоимость приглянувшихся вариантов абсолютно исключали друг

друга. И это было, пожалуй, единственным минусом подарка судьбы. Каких-либо серьёзных накоплений он не сделал, полагая, что трёх предшествующих декабрю месяцев хватит с избытком.

Ничего-ничего, бывает. В трудный момент ему позвонил друг и рассказал, каким образом который год поступают его продвинутые родственники. Молодая, не обременённая излишками денежных средств супружеская пара вдумчиво подходила к единственному и долгожданному отпуску. Оказывается, ребята через Сеть искали доступные варианты жилья, просчитывали дорожные расходы, визы, еда и развлечения также не оставлялись без внимания. А в результате и волки сыты, и овцы целы.

А сыты ли волки? После той поездки в Волчью пустошь прошло почти два года, но страшные воспоминания, видимо, навсегда останутся в его памяти. Время идёт, и события сентябрьской ночи порой кажутся ему фантастическими и нереальными. Это может продолжаться месяцами, но лишь над городскими крышами восходит полная Луна, Дмитрию, случайно оказавшемуся у окон, вдруг становится не по себе, и он тотчас закрывает шторы. Рассказать кому – не поверят, а, быть может, покрутят пальцем у виска. Пусть всё останется по-прежнему.

Главное, не поддаваться унынию, найти занятия, способные отвлечь от неприятных воспоминаний. Путешествие в маленькую дружелюбную страну – чёрные горы, лазурное море – не самый плохой способ решить собственные проблемы. Так и надо поступить, а интернет станет в этом помощником. Вариант, на котором он в итоге остановился, был бесконечно далёк от исхоженных туристических троп, и это вызывало некоторое беспокойство. Но всё сложилось как нельзя лучше...

Десять дней в маленьком семейном отеле, в трёх минутах ходьбы от немногочисленного песчаного пляжа, подарили ему удивительные впечатления. Здесь-то он и

познакомился с Юной. Стройная темноволосая девушка с южнославянскими корнями неплохо говорила по-русски, и вскоре Дмитрий знал о ней очень много. Юна приехала из большого города на севере страны, где жила и работала последние пять лет. А родом она была из этого чудного местечка, знала здесь всё и почти всех. Знала, где вкусно и недорого накормят, где можно купить терпкое молодое вино. Ночные прогулки и купание нагишом в тёплом фосфоресцирующем море, большие зелёные глаза на расстоянии девичьей ладошки, и Дмитрий влюбился. Последние дни они почти не расставались: девушка лишь под утро уходила к себе, оставляя в номере у Димы странный и будоражащий запах. Нежный, еле уловимый. Долго не дающий заснуть.

Юна, свернувшись клубочком, уютно, по-кошачьи, рассказывала о местных обычаях, странных суевериях. Интересно рассказывала, с «картинками», и Дмитрий, поначалу чуть заметно хмурящийся при любых упоминаниях о нежити, быстро привык, да и сидящая рядом девушка почему-то вселяла уверенность и спокойствие. Однажды ему даже захотелось поделиться собственными воспоминаниями, но, представив, что черед ужасных сцен опять пройдёт перед глазами, вовремя остановился. Девушка долго смотрела ему в глаза: ждала и молчала. А потом, как ребенка, погладила по голове.

Иногда кошка выпускала коготки: однажды вечером, когда всё предвещало ещё одну удивительную ночь, Юна оделась, поцеловала его и, сказав, что ждёт гостей, направилась к двери. Странно! Какие гости на ночь глядя? Дима попытался остановить её, но, увидев, как странно изменились глаза девушки, немедленно снял руку с талии. Ему даже показалось, что зрачки на мгновение изменили форму: большие, круглые, совершенно естественные для полумрака номера вдруг стали похожими на кошачьи. Ладно, пусть идёт. Кошки, как известно, гуляют сами по себе, но всегда возвращаются.

Дмитрий немного покурил у открытого окна, но когда из-за горки появился краешек Луны, задёрнул шторы и лёг в постель.

– В полнолуние жди гостей... жди гостей... жди, – тихо и убаюкивающе звучал в голове чей-то голос.

Уснул он быстро, и ему даже приснился сон. Сюжет не сохранился в памяти, но осталось очень хорошее чувство, чувство уверенности и защищённости.

Через две недели он, загорелый и отдохнувший, переступил порог родного офиса и первым делом совершенно искренне поблагодарил шефа. Ведь прошедший отпуск действительно стал самым настоящим подарком судьбы. Юна тоже возвратилась в свой город, пообещав приехать в Санкт-Петербург перед Новым Годом. Говорят, как его встретишь, так и проведёшь. Они уже не сомневались, что лучше это сделать вместе. Раз в неделю, по субботам, Дмитрий звонил девушке, писал письма, по несколько раз в день заходил в свой почтовый ящик, ожидая ответа. Молодой человек не сомневался, что полностью в курсе её планов, но каким же неожиданным и очень приятным сюрпризом стал утренний звонок. А случилось это на исходе сентября.

– Здравствуй, – услышал он знакомый голос. – Я – в Пулково, только что прилетела. Сейчас – в гостиницу, а вечером – в твоём распоряжении.

– Юна?! Удивила, не скрою! Что же ты не предупредила? Какая гостиница? Я отпрошусь с работы на пару часов и отвезу к себе.

Девушка на мгновение замолчала, видимо, обдумывала его предложение, а потом продолжила – медленно, словно подбирая слова:

– Всё неожиданно получилось, я только вчера почувст... узнала, что нужно в Петербург. У меня здесь срочные дела, и сегодняшний день, надеюсь, поможет их решить. А завтра опять домой. Не беспокойся, в гостинице мне будет удобнее. Правда-правда. Увидимся чуть позднее.

– Ну хорошо. Вечером жду тебя... часов в восемь. Адрес ты знаешь, на такси от центра доедешь максимум за полчаса. Не опаздывай, я очень соскучился.

Дмитрий, наверное, с минуту смотрел на погасший экран телефона, прокручивая в памяти прошедший разговор.

«Интересно, какие у неё здесь дела? Да ещё и срочные. Работа Юны никак не связана с командировками, к тому же, нужна виза. А её за день не сделаешь».

Странной показалась оговорка «почувствовала», какая-то озабоченность в голосе Юны. Да нет, показалось. Чувствовать – это от слова «чувство», значит, от сердца. Просто она тоже соскучилась и решила сделать сюрприз. Билеты и визу подготовить за неделю вполне реально, а последний телефонный разговор был шесть дней назад. Это единственное и правильное объяснение. Что ещё может быть?

Солнце скрылось за огромными, окутанными сизой дымкой елями. На небе, радуя глаз человеческий, показались одинокие звёздочки, самые яркие ориентиры знакомых созвездий. Но совсем не надолго. С севера на деревушку уже надвигалась чёрная гигантская туча – хищная туша, равнодушно пожирающая еле тлеющие небесные искры. Сильный порыв ветра, и волна пробежала по крапивным зарослям, окружающим избу. Почерневшую, согнутую временем, с дранкой, заросшей седым мхом. Холодная морось, предвестница затяжного дождя, чёрной тушью пролилась на крышу, и в Волчью пустошь пришла ночь... лаская глаз звериный.

Скрипнула дверь, и на крыльце появились две тени в длинных дождевиках: коренастый мужчина с руками до колен и subtilный подросток лет пятнадцати. Они

смотрели во мрак дверного проёма, внимательно слушая невидимого собеседника.

– До города вам часа четыре на машине, времени хватит, но всё же поспешите. Плохо, если оборот в дороге случится. Тогда точно не доедете, да и водителю вашему не повезёт, – проскрипел старушечий голос. – Сегодня Димочку нужно увидеть, поговорить по душам. А дальше – как получится.

– Увидим и поговорим. Я сам по нему скучаю, – ухмыльнулся мужик. – Малой заодно город посмотрит, там есть чем поживиться.

– Ладно, ступайте. Хорошей еды, малой.

Мужчина и подросток спустились по гнилым ступеням на едва заметную тропу и побежали на восток, к темнеющему в сотне метров лесу. Шквальный ветер согнул некошеную траву, разверзлись хляби небесные.

Они миновали накренившийся столб с открытым настезь трансформаторным шкафом, перепрыгнули через спутанный клубок проводов и потерялись среди гигантских деревьев. В избе тотчас захлопнули дверь.

Напарники бежали не останавливаясь, уверенно и быстро, оказавшись через пару километров на краю старой вырубки. Меж пней уже поднялась шмура, труднопроходимая листовенная поросль, но это ничуть не замедлило бег. Звериная тропа, малозаметная неискушённому глазу, вела в нужном направлении – на восток, к Волчьему ручью. Справа остались слуды, полуразвалившиеся штабели из догнивающих бревен, чем-то напоминающие пирамиды ацтеков, слева – бивак лесорубов с высыпанной в кострище грудой мусора.

– Хорошие времена были, малой, – оживился мужчина. – Сытые!

Спустя четверть часа они достигли ручья. В этом месте хозяева – бобры, это их владения. Здесь вброд не перейдешь: русло запружено, и на сотни метров простираются глубокие водяные блюдца, окружённые

заболоченными берегами. Неопытному путнику пришлось бы долго идти вверх или вниз по течению, чтобы обнаружить переправу, но только не аборигенам, умеющим видеть в темноте. В зарослях тростника напарники нашли край бобровой плотины и по узкой глиняной полоске, чуть возвышающейся над уровнем воды, ловко протискиваясь меж стволами густого кустарника, устремились на восток. Пятиметровая глиняная дуга смыкалась со следующей, короткие прямые участки опять переходили в причудливые лекала – так до противоположного берега. ...И чёрная вода по обе стороны плотины, с высокими фонтанчиками от дождевых капель. Мужчина раздвинул заросли и показал малому бобровую хатку: для неискушённых – высокую кучу хвороста, сваленную на крохотном земляном пятчке.

Они ступили на берег, без труда нашли новую звериную тропу и всё так же уверенно и быстро побежали к автомобильной трассе. До неё оставалось полчаса пути.

Напарники вышли к автобусной остановке, сняли плащи – дождя здесь не было и в помине, и мужчина извлёк из кармана модной куртки белую тряпицу. На ней большими буквами, начертанными бурой заскорузлой краской, сообщалось, что путешественникам нужно в Санкт-Петербург – срочно, а водительский труд будет щедро оплачен. Но так, чтобы не вызвать подозрений и в то же время пробудить алчность человеческую.

Дмитрий решил накрыть стол на балконе, благо что для этого здесь было всё необходимое: два мягких стула с подлокотниками, хорошие динамики в обшитых деревом стенах, шаговая доступность к плите и холодильнику, а самое главное – из окон открывался прекрасный вид на лесопарк. Достаточно перейти асфальтовую дорожку,

опоясывающую дом, и сразу очутишься на зелёной до сих пор траве, среди белоствольных берез. В глубине рощи есть глухие места, но здесь, под окнами, красиво и ухожено.

В восемь часов приехала Юна. Дмитрий расплатился с таксистом, и через минуту девушка сидела за столом, напротив, на расстоянии вытянутой руки. Она улыбалась, но Дима почувствовал какую-то еле заметную напряжённость.

– Как твои дела? Всё удалось сделать?

– Да, почти. О них сейчас говорить не хочется. Ничего интересного, правда. Ты обещал удивить меня ужином. Удивляй, немедленно, – девушка неловко ушла от ответа.

Сегодня Дима старался как никогда: мясо по-аргентински получилось на редкость вкусным. Даже Юна, знающая толк в готовке, отметила его кулинарные таланты. И за разговором три часа пролетели незаметно. Бутылка вина, того самого – молодого и терпкого, которую он приберег для такого случая, опустела, и Дима пошёл за другой. А вернувшись, увидел, что девушка приникла к окну.

– Смотри, облака уходят. На горизонте уже звёзды видно, – она смотрела в небо. – Сколько сейчас времени?

Дмитрий остался за её спиной и обнял за плечи. Поцеловал, чуть сдвинув в сторону волосы.

– Скоро полночь. Устала?

Девушка обернулась, положила руки ему на грудь – между ними сразу образовалась дистанция – и виновато сказала:

– Дима, мне пора. Самолёт утром.

Такого поворота Дмитрий и представить себе не мог: оба мечтали о встрече, дни считали, и вот...

– Я тебя не отпущу. Переночуешь у меня, а прямо сейчас закажем такси... Мы всё успеем. В конце концов, я соскучился.

– Не обижайся. Мне нужно собраться, – она поцеловала его и холодно отстранилась.

«Отлично! Вот это подарок – подарок судьбы. Как легко всё испортить, несколько бесцветных слов, равнодушный поцелуй... А что делать дальше? Сделать вид, что понял? Что поверил наивным объяснениям?» – подумал Дмитрий, но вслух произнёс:

– Я провожу, поздно уже.

Юна, направившаяся было в прихожую, вдруг остановилась:

– Зачем, не нужно! До такси я сама дойду.

– Что случилось, Юна? Мне всё это не нравится. Посажу в машину, запомню номер. Так мне будет спокойней.

Девушка немного помолчала, изучающе разглядывая Дмитрия, а потом улыбнулась:

– Наверное, ты прав. Останусь у тебя, завтра заскочу в гостиницу за вещами и сразу в аэропорт. Мне только нужно хоть немного поспать, я действительно устала.

Злость мгновенно улетучилась: вот ведь как мало надо для счастья.

– Умница! Полотенце я тебе приготовил, всё остальное в ванной. Душ – в твоём распоряжении, а мне нужно постель застелить.

– Это не мужское дело, я сама всё сделаю. Лучше ты иди первым, а я – потом. Знаешь ведь, что у меня быстро не получается, – она подтолкнула его к двери.

Дмитрий услышал, как девушка прошла в комнату, как откатилась створка шкафа, и только потом включил воду, тугие горячие струи быстро сняли напряжение. Отсутствовал он не более десяти минут, а когда вышел из ванной – Юны уже не было. В комнате остался лишь её запах: странный, будоражащий, еле уловимый. На столе под пустым бокалом он нашёл короткую записку.

«Извини, и до свидания.

Целую.

Юна».

Дмитрий вышел на балкон и, достав сигарету, развернул стул к окну. Западный ветер разогнал облачность, почти полностью открыв звёздное небо. Уже появился краешек Луны – ещё несколько минут, и жёлтый диск повиснет над верхушками берез.

«Даже не знаю, как поступать в таких случаях. Вот передумает она, вернётся... И что? Сделать вид, будто ничего не случилось? Тапки в зубах принести? Не выйдет! Я мужчина или нет? Провожу до такси и... Дальше будем думать», – он открыл бутылку и наполнил до краев бокал.

«За подарки судьбы!» – тост получился с горчинкой.

Телефон в ночной тиши зазвенел чересчур громко, и Дмитрий вздрогнул. На дисплее высветился номер Юны. Не прошло и полгода, только что о вас вспоминали.

– Да, – ответил он, стараясь сохранять хладнокровие.

На другом конце отвечать не торопились: слышалось тяжёлое дыхание запыхавшегося человека, и скорее всего, мужчины. А вот теперь всё понятно – герой появляется в последнем акте. Зачем нужна была эта комедия!

– Здравствуй, Димочка, – после паузы произнёс низкий мужской голос. – Вот мы и пришли. Как обещали.

– Где Юна, кто вы?

– Молчи и слушай. Времени мало, а нам нужно сначала поговорить. Привет тебе из Волчьей пустоши.

Дима почувствовал, как задрожали ноги, как ледяными стали кончики пальцев, сжимающие телефон. Стараясь побороть оцепенение, он косноязычно выдохнул в трубку:

– С-слушай-те... вас.

– Молодец, хороший мальчик. Выгляни в окно, ты увидишь, что мы совсем не страшные... пока. Спускайся, и поговорим, о тебе, о девушке твоей. Только помни, что у тебя очень мало времени. Луна зовёт!

Дмитрий посмотрел вниз: от деревьев отделились два силуэта и вышли на освещённую фонарём лужайку. Обычные, неплохо одетые люди. Очень знакомые: взрослый мужчина и подросток.

– Обо всём можно договориться: и волки будут сыты, и овцы останутся целы. Ждём пять минут, а потом пеняй на себя, – подвёл итог мужчина и отключился.

Дмитрий вздрогнул, кинул трубку на стол, а потом бросился на кухню. Схватил разделочный нож и застыл, чувствуя, как опять отнимаются ноги.

«Запереть дверь на все засовы, что-нибудь тяжёлое придвинуть. Да и вообще, маловероятно, что они в квартиру полезут. Тут такой шум поднимется. А Юна? Ей уже не поможешь, шансов – ноль. Вот ведь угораздило, осталась бы на ночь, так нет...» – мысли путались, мешая принять окончательное решение.

«“И волки сыты, и овцы целы”. Что это значит? Может, всё-таки есть шанс, похоже, они что-то от меня хотят. Надо идти и торговаться, использовать эту возможность. Немедленно, пока они ещё не обернулись».

Дмитрий сунул нож в потайной карман ветровки и открыл дверь.

– Ну вот, а ты сомневался, – ухмыльнулся мужчина, обращаясь к подростку. – Говорил, не выйдет, испугается. Плохо ты нашего Димочку знаешь.

Гости остались стоять в тени деревьев, поджидая, пока Дмитрий приблизится.

– Где Юна? – спросил он, стараясь обуздать страх. – Пока её не увижу, говорить не о чем.

– Увидишь и домой заберёшь, если договоримся. Сегодня играем по нашим правилам. Советую, обращай быстрее. Малой уже от Луны глаз не отводит.

– Что вам нужно?

– Эдика вспоминаешь? Хороший был мальчик, исполнительный. Только жадный немного. Это ведь ты его подставил. Ну так вот. Будешь работать вместо него.

Будешь-будешь, и не дергайся. Деньги на машину мы тебе дадим. Прямо сейчас. Да и вообще не обидим, как сыр в масле будешь кататься. И всего-то за одну поездку в неделю. В пятницу привезешь человечка, в субботу будешь дома.

– Отпустите Юну, и я сделаю, что вы хотите.

– Красавицу твою мы сейчас покажем, ничего с ней не случилось. А вот заберёшь её после первой ходки. Заберёшь и деньги получишь. Не бойся, отдадим, ты уже кровью будешь повязан, да и мы за долгосрочное сотрудничество. А пока от страха наобещаешь всё что угодно. Иди за нами.

Мужик направился вглубь рощи, Дмитрий был вынужден встать ему в затылок, шествие замыкал помалкивающий до поры мальчишка. В тишине они прошли пару сотен метров и очутились на небольшом, свободном от деревьев пятачке. В центре стоял двухметровый огрызок с зазубренным концом – всё, что осталось от столба старой линии электропередач.

На земле перед ним лежали какие-то тряпки вперемешку с обрывками веревок.

Дмитрий оттолкнул мужика и подбежал к одежде, – Юниной одежде. Луна висела над головой, и ошибиться было невозможно. На веревках и платье ещё не высохли пятна крови.

– Зачем? – Дима обернулся, доставая нож.

– Похоже, не договоримся, – подросток в первый раз открыл рот. – А жаль! Живая она была, да, видно, кто-то ещё здесь охотится. Всё – пришло время, прощай овца.

Малой, закрыв глаза, вытянул шею к Луне и на мгновение замер, словно прислушиваясь к чему-то.

«Сейчас, или будет поздно, – Дмитрий шагнул вперёд, неумело выставив перед собой нож. – Несколько секунд – пока он беспомощен».

Мужчина мгновенно вырос у него на пути, сжимая в руках совершенно неподъёмную перекладину с блестящими в лунном свете клыками-изоляторами.

– Даже и не думай.

Мальчишка присел, широко расставив ноги, – в этот момент он стал похож на гигантскую, прильнувшую к земле жабу. По телу его прокатилась судорога, в груди тряпок хлопком превратилась одежда, и Дима обречённо понял, что опоздал. Эту картину он уже видел два года назад. С неестественным хрустом трансформировался человеческий костяк: лицо вытянулось и приобрело форму звериного рыла, конечности обросли узловатыми мышцами, вширь раздалась спина, обтянутая смуглой лоснящейся кожей, из которой шевелящимися пучками поднималась шерсть. Ликантроп выпрямился во весь рост, оказавшись на голову выше Дмитрия, и скопил глаза на жертву. Из пасти выпал на траву смрадный сгусток слюны.

Кровь в жилах превратилась в колючие ледяные кристаллы, Димины руки безвольно опустились, нож выскользнул из разжавшейся ладони и беззвучно вошёл в мягкий дёрн. Он на инстинкте сделал шаг назад, но уперся спиной в огрызок телеграфного столба. Подогнулись ноги, и Дмитрий сполз на подёрнутую инеем траву. Ужасало то, что он не мог отвести взгляд от немигающих глаз-угольков оборотня.

– Ну и мне пора, – мужик аккуратно повесил на сучок свою модную куртку. – Вещь хорошая, может, завтра пригодится.

Он упал на корточки и под ужасающий вой малого стремительно обернулся в квадратного безобразного волколака с выступающими буграми позвонков. Вздрыбились спутанная, с проплешинами шерсть, и он подхватил эту страшную песню.

– Вот и всё, – Дима обречённо ждал, прикованный яростным взглядом ликантропов. – А я – овца!

Вой неожиданно оборвался – наступила гнетущая тишина. Оборотни одновременно, как по чьей-то неслышимой команде, повернули головы направо, к густым

зарослям ивняка. Крылья носа у малого завибрировали – он отчётливо уловил посторонний запах. Из кустов, заполняя опушку, сочилась угроза. Уверенно и неотвратимо. Жертвенная овца была немедленно забыта – приближалась по-настоящему серьёзная опасность. Волколаки согнулись, касаясь передними конечностями травы, и приготовились к схватке.

На поляну, мягко ступая, вышла чёрная кошка. Неестественно крупная, но размерами почти в два раза уступающая ликантропам. Она обнажила огромные клыки и припала к земле, вытянув хвост в струну. Прижала уши и угрожающе зашипела.

Оборотни атаквали первыми: малой бросился вперёд, намереваясь когтями вспороть подбрюшье обнаглевшей твари, опытный напарник мгновенно оказался с противоположной стороны. Но кошка оказалась быстрее: удар малого пришёлся в пустоту – в воздух лишь взлетел огромный кусок дёрна. Скорость, с которой она перемещалась по опушке, казалась фантастической. Неожиданно для всех кошка оказалась за спиной акселерата, прыгнула на загривок и сомкнула челюсти на его голове. Череп лопнул со звуком переспелого арбуза. Тело ещё не успело упасть, а кошка, увернувшись от броска квадратного волколака, сбила его с ног и вырвала передними лапами сердце. Пульсирующую плоть она брезгливо стряхнула с когтей на землю – всё было закончено.

Победительница повернула голову в сторону Димы и лениво спрыгнула с безобразной туши.

«Какая разница, кто тебя сожрёт, – равнодушно подумал Дмитрий. – Она хоть сначала убивает».

Кошка занесла лапу над головой, и он закрыл глаза, лихорадочно пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь молитву. Тщетно... А потом провалился в чёрную бездонную трубу. Последнее, что осталось в памяти, это тепло кошачьих подушечек. Что-то очень знакомое, напоминающее ласковое прикосновение человеческой ладони...

Очнулся Дмитрий от холода, руки на скованной инеем траве онемели, начав ощутимо побаливать. Он осторожно открыл глаза и с удивлением обнаружил, что поляна пуста: ничто не напоминало о произошедших событиях. Лишь в центре пятачка лежал побелевший кусок дёрна.

Дима глубоко вдохнул морозный воздух и вдруг почувствовал еле уловимый запах. Будоражащий, нежный и очень знакомый.

ДЕНЬ ВСЕХ СВЯТЫХ

В этой маленькой, обласканной богом стране лето незаметно переходит в уютную тёплую осень, и даже в конце октября под ковром из опавших листьев проглядывается зелень ухоженных газонов. Лужайка перед домом – своеобразный стандарт местной жизни, а вот сами коттеджи здесь, в тихом уютном пригороде, абсолютно не похожи друг на друга. И уж совсем нетрудно догадаться, что строились они в разное время – современные «умные» дома соседствуют с основательными, но какими-то безликими представителями прошлого века, островерхие домики-пряники – ровесники ветряных мельниц – располагаются рядом с роскошными дворцами времён заморских колоний. Земля в этих местах – дорогая, хозяева – люди обеспеченные, вкусы у всех – разные. Главное, что домики симпатичные и ухоженные, а эклектика квартала глаз даже радует. Необычно и свежо.

«Интересно, где буду жить я, – подумала Кира, незаметно взглянув на своего «остепенённого» соседа. – Хочется побыстрее сбросить туфли, босиком проскакать в душевую, а потом обрести покой на каком-нибудь уютном буржуазном диване. Желательно с ноутбуком на коленях, ведь именно завтра, в последний день октября, может решиться судьба».

Лукас Бремер, доктор медицины, профессор местного университета, а в данный момент её персональный водитель, словно почувствовал нетерпение пассажирки:

– Ещё несколько минут, госпожа Логинова, и мы будем на месте. Надеюсь, вам понравится гостевой домик. Он, можно сказать, ровесник нашей alma mater. Не пугайтесь, за эти годы дом пережил несколько основательных ремонтов, последний, кстати, был нынешним летом. Осталось несколько недоделок, но на качестве

жизни они не отразятся. Я говорю о системе охранной сигнализации: через несколько дней рабочие завершат монтаж, закопают траншеи, и на этом можно будет поставить точку. Внутри – всё готово на сто процентов.

Асфальтовая дорожка закончилась у нарядного домика с высокой черепичной кровлей, и водитель мягко притормозил у ворот.

«А избушка-то на отшибе, завез девчонку молоденькую, – подумала Кира. – Правда, местечко очень живописное: перекрёсток двух близнецов-каналов».

Берега водоёмов заросли травой, но было видно, что и сюда периодически заходили обученные люди с триммерами. На неподвижной поверхности воды плавала жёлто-красная листва, промелькнула байдарка с атлетичным гребцом нордической внешности.

– Хо-ро-шо, – прошептала Кира.

Бремер обошёл машину, предложил руку даме и помог сделать первый шаг на посыпанную ракушечником дорожку. Занёс чемодан в прихожую и опять взял Киру за руку, беззастенчиво вторгшись в личное пространство госпожи Логиновой. Доктор медицины благоухал дорогим, но каким-то странным, «тяжёлым», «мускулистым», не соответствующим внешнему облику парфюмом. Бледно-голубые, чуть навывкате, глаза Бремера остановились на безымянном пальце девушки, его тонкие губы чуть дрогнули, а потом расплылись в белозубой самоуверенной улыбке.

– Отдыхайте, Кира, – он сжал её ладонь, личное пространство затрещало по швам. – Завтра в 16.00 ваше выступление, не забудьте. Коллеги ждут с нетерпением, да я и сам в предвкушении... Кроме того, придут гости из центра эстетической медицины, возможно, ваши будущие работодатели. Вечером я покажу вам город: сначала мы погуляем в его историческом центре, а потом отметим, не сомневаюсь, успешную презентацию в уютном ресторане. Не попробовать местную кухню – это

непростительное легкомыслие, граничащее с тяжёлым преступлением. Никаких возражений! В три часа за вами заедет мой водитель, будьте готовы.

Лукас Бремер отпустил наконец её руку и, легко исполнив поворот на 180 градусов, прикрыл дверь снаружи. В окно можно было увидеть, как худосочный, убеждённый сединой профессор прыгнул в салон, и его brutalный автомобиль задним ходом рванул к развилке.

«Наверное, по утрам круги нарезает в местном парке... в кроссовках «Nike», – улыбнулась Кира. – А что, достойно уважения. Как там у классика? «В комнату вошёл сорокалетний старик...». Это точно не про него, хотя лет Бремеру явно побольше».

Девушка остановилась у зеркала, сбросила туфли и придирчиво изучила собственное отражение.

«А вот мне точно следует поработать над фигурой, – она, нахмурившись, положила ладони на бедра. – Сидячий образ жизни, что поделаешь. Стыдно, Кира Павловна, тебе – двадцать девять лет. Хотя есть такая категория мужчин, утверждающих, что женщины должно быть много. Врут! Если будет выбор – выберут других: гибких и стройных... Диета и спорт, а не поможет – есть одно радикальное средство, уж мне ли не знать».

Настоящий учёный должен опробовать изобретение на себе, – Кира лукаво улыбнулась. – Ха! Кто сказал? Это не наш метод, только в самом крайнем случае».

Она прошла в гостиную, скользнула взглядом по невысокой уютной мебели, по средневековым гравюрам, украшавшим стены, и остановилась на широком кожаном диване – возделенной точке её сегодняшнего путешествия.

– Хо-ро-шо, – она с удовольствием погладила кремовую, приятную на ощупь подушку.

Кира выглянула в окно: по периметру лужайки шла узкая канавка шириной от силы двадцать сантиметров. Желтоватый, усыпанный листьями грунт лежал рядом аккуратной горкой.

«Разве это траншея? Вот у нас – траншеи. Всерьёз и надолго! – шутливо возгордилась госпожа Логинова. – Напугал! Совсем незаметно».

Она переместилась к окну на противоположной стене и приоткрыла створки. Здесь, как бы сказали земляки, «на заднем дворе», стояла невысокая постройка хозяйственного назначения, и была выкопана квадратная яма шириной около метра, к которой и приходили вышеупомянутые траншеи. Обилие листьев подсказывало, что строители не появлялись на рабочем месте как минимум несколько дней.

«Вот и славно. Надеюсь, в ближайшее время никто меня не потревожит. Люди, где вы? А в ответ тишина... Хо-ро-шо!»

Кира с удовольствием посетила ванную комнату, облачилась в любимый халат и с ногами устроилась на диване. Включила телевизор, пробежалась по каналам, числом не менее сотни, а потом вернулась к местным новостям. Диктор говорил быстро, и с её знанием языка понять что-либо было затруднительно: английские титры совсем бы не помешали. Лишь когда на экране появился светильник Джека, сушёная тыква с глазницами, Кира поняла, что граждане страны готовятся к празднику.

«Ересь какая-то! У нас тоже пытаются отмечать, но ничего из этого не выйдет. Не приживётся, никогда, абсолютно точно».

Девушка погасила экран и достала сигарету, третью и последнюю позволенную. Решила – значит, так тому и быть. Открыла окно и с удовольствием затянулась, выпустив тонкую струйку в вязкую темноту.

«Вот и первый минус, – Кире вдруг стало не по себе. – С наружным освещением – проблемы: шарик-фонарики на лужайке не работают. Не-хо-ро-шо».

Она нашла распределительный щиток, пощёлкала тумблерами, но чуда не случилось.

На противоположном берегу канала озорно подмигивали огоньки, огненные змейки извивались на ближней воде, а здесь лишь узкая полоса света упиралась в засыпанную листьями яму. Девушка в последний раз глубоко затынулась и закрыла окно. Сквозь дымное облачко, тающее за стеклом, ей вдруг показалось, что по листе пробежала лёгкая волна. Жёлто-красный ковер вздыбился на мгновение, а потом плавно опустился на земную твердь.

«Ерунда! Ветер», – она задёрнула шторы и, открыв ноутбук, устроилась на диване.

Кира честно, до конца прочитала текст завтрашнего выступления, а потом быстро уснула.

– В заключение хочу ещё раз остановиться на проверенных к настоящему времени областях применения углеродных нанороботов, – Кира посмотрела в аудиторию. – Это удаление повреждённых клеток, а в некоторых случаях, возможно, их полное восстановление, транспортировка лекарств в нужную точку тела, синтез новых тканей. Всё то, что уже сейчас можно использовать в эстетической медицине, пластической хирургии.

Она с облегчением перевела дух: не сбилась ни разу, голос не дрожал. Хо-ро-шо!

– Я готова ответить на ваши вопросы, коллеги. А в заключение вы сможете увидеть практическое применение этой технологии. Господин Бремер, спасибо ему большое, нашёл пациента, готового пожертвовать собой ради науки.

Кира кивнула сидящему в первом ряду доктору медицины.

– Скажите, госпожа Логинова, – не преминул воспользоваться ситуацией Бремер. – Неужели вы в одиночку решали эти сложнейшие вопросы? Ведь

нанороботы, управление ими – вотчина узких специалистов, а вы, насколько нам известно, выпускница медицинского института.

– В одиночку с такой задачей справиться невозможно, вы совершенно правы. Как обычно и бывает, свою роль сыграл Его Величество случай. Я познакомилась с увлечённым человеком, инженером-робототехником, который и повлиял на мою судьбу, дал некий толчок к моей работе, – перед глазами Киры возник образ немногословного, но очень симпатичного соседа по площадке. – Это именно он заставляет крохотные частички размером около микрона двигаться, обрабатывать и передавать информацию, выполнять заданные программы. Поначалу он просто пугал меня непонятными терминами, такими, как точность позиционирования, скорость распознавания и многими другими. А потом самым естественным образом они пополнили мой словарный запас.

Кира улыбнулась и с удовлетворением отметила реакцию зала. Шутка, сказанная к месту, помогает расположить к себе аудиторию.

– Правда, и ему пришлось познакомиться с плазмой, лимфой, эпителием и альвеолами. Взаимное обогащение не прошло даром – теперь мы имеем готовую и опробованную технологию.

Сосед Бремера поднялся со стула, дождался тишины и спросил:

– Госпожа Логинова, у меня два вопроса, первый: инородные тела в организме – это мощная атака на иммунную систему человека. Как вы справляетесь с этим? Мои опасения, согласитесь, не беспочвенны. И второй вопрос: к каким последствиям может привести программный сбой? Может ли это привести к фатальному исходу?

– Начну со второго вопроса, – Кира стала серьёзной. – Такого, я говорю о программном сбое, в моей практике ещё не было. На данный момент мы готовы к

двум десяткам операций, к двум десяткам, и не более, побочные эффекты отсутствуют, это я могу гарантировать. Программная часть неоднократно проверена и абсолютно надёжна. Поймите, пока есть какие-либо нерешённые вопросы, мы не берёмся за практическую реализацию. Выглядит довольно непривычно на первый взгляд: тысячи углеродных пылинок в человеческом теле... хаос. Но это не совсем так, точнее, совсем не так. Мы научились управлять хаосом, и ему никто не позволит управлять нами.

Кира опять улыбнулась.

– Диагностика, распознавание поражённых клеток, сведение к минимуму реакций иммунной системы на присутствие инородных тел и прочие, чисто медицинские аспекты, – это задачи, которыми занималась я. Детальное описание, за исключением know-how, вы сможете найти в буклетах, они будут розданы в конце нашей встречи. А теперь я приглашаю наших vip-гостей пройти в операционную. Остальные смогут посмотреть видео трансляцию.

В холле перед медицинским блоком Кира Логинова с удивлением заметила клетку с огромным чёрным котом, пушистым персом.

– Хозяйка – на операционном столе, – пояснил Лукас Бремер и расплылся в улыбке. – Боюсь, что кот не узнает её в новом облике.

Зверь привстал, проводил делегацию строгим взглядом и лишь потом улёгся, просунув мощные лапы между прутьями решётки.

Операция прошла успешно, а в результате пациентка похудела на несколько килограммов. Кот остался доволен.

В небольшом уютном ресторанчике в восемь вечера уже не было свободных мест. Бремера здесь встретили

как родного и под белы руки провели к единственному незанятому столику.

«Завсегдагай! – усмехнулась про себя Кира. – Какой важный, сейчас с удвоенной энергией приступит к осаде. Чрезмерные знаки внимания начинают утомлять».

– Не стесняйтесь, госпожа Логинова. Заказывайте всё, что пожелаете – выбор здесь богатый, – Лукас протянул солидную кожаную папку. – Я возьму на себя смелость предложить что-нибудь лёгкое, но с местным колоритом. А вот горячее придётся немного подождать.

Кира пошелестела страничками – перечень незнакомых блюд казался бесконечным.

«С Бремером, что ли, посоветоваться? Ну нет, он только и ждёт, чтобы придвинуться ближе. Выдерживаем паузу. Я изучаю меню, он деликатно молчит. Хо-ро-шо!»

Она дождалась, пока Бремер начал ерзать, а потом отложила папку. «Гулять так гулять, тем более, с утра ничего не ела. Кофе не в счёт».

– Тушёный кролик и можжевельная водка, её я никогда не пробовала, – девушка подняла глаза на визави. – Это ведь местная кухня?

– Отличный выбор, Кира, – Лукас важно кивнул стоящему поодаль официанту. – Я, пожалуй, присоединюсь.

Пока Бремер расхваливал собственноручно выбранные закуски, наполнял рюмки и давал распоряжения персоналу, девушка украдкой посматривала в окно. На противоположной стороне улицы, у входа в пафосное заведение, собралась причудливо одетая толпа. Феи и ведьмы, вампиры и странные персонажи в ролевых костюмах на сексуальную тематику. Настроение у граждан уже сейчас было приподнятым, а впереди ещё весёлая ночь.

– Да, Кира, – Лукас Бремер перехватил её взгляд. – 31 октября, канун Дня Всех Святых. Не могу сказать, что этот праздник прижился у нас, но молодежи нравится.

– Интересно, но я совершенно не в теме. Для моих соотечественников это милые забавы.

– Конечно, для большинства – это всего лишь развлечение, но... – здесь голос собеседника вдруг стал приторно пугающим. – В такую ночь грань между реальным и сверхъестественным мирами становится прозрачной. На планету опускается таинственный и призрачный сумрак. Сонмы бесов выходят из преисподней и расхаживают по земле, пугая живых. Ночью можно погадать, девушки обычно любят это делать. Как? Очень просто. В доме следует погасить свет, подняться по лестнице спиной вперёд и провести свечой перед зеркалом. Возможно, Кира, вам повезёт, и вы увидите в нём своего будущего жениха.

– У меня есть молодой человек, – она оградила личное пространство высокой стеной. – Да и гадать я не люблю.

– Молодые люди далеко не всегда становятся женихами. Если в зеркале девушки отразится череп, то она умрёт, так и не выйдя замуж, – очень буднично произнёс Бремер, но потом снова продемонстрировал белозубую улыбку. – Суеверие, не обращайте внимания.

Кира натянуто улыбнулась и кивнула в окно:

– А это что за персонаж? Вот, в конце очереди, похожий на орка из «Властелина Колец».

– Гоблин, – не поворачивая головы, ответил Лукас Бремер.

– Забавное существо. А у нас это слово приобрело ругательный оттенок. Недалёкий, тупой, вульгарный и так далее... Кто же они на самом деле?

– Их мало кто видел, – с иронией произнёс Бремер. – А те, кто видел, почему-то помалкивают. Так что о внешнем облике судить трудно. Тупыми их точно назвать нельзя. Они испытывают маниакальную страсть к технике, разобраться в устройстве любого механизма для них не составляет труда. Живут гоблины под землей, отлично видят в темноте, вечно голодны, перемещаются на варгах, оборотнях, ну, что ещё... Не знаю...

С огромным удовольствием насылают мучительные ночные кошмары.

– Напугали! Но я редко вижу сны, мне это не грозит, – засмеялась Кира. – Откуда такое знание предмета, доктор?

– Интересовался, – усмехнулся в ответ Бремер. – За вас, Кира, – он поднял рюмку. – Уверен, что мои коллеги предоставят вам место в клинике. Не в этой, так в другой. В городе их несколько.

– Спасибо, – девушка выпила водку. – Это был хороший тост.

Она попробовала закуски, которые оказались на удивление вкусными, выслушала похвалы Бремера, приятное тепло разлилось по телу.

– Кстати, о технике, – доктор закончил с комплиментами. – Вы нашли интересный образ в своем выступлении – хаос. Так как же вы им управляете, я не заметил, что вы пользуетесь своим компьютером. Или это страшная тайна?

– Очень страшная, но не для вас. Ведь вы мне действительно помогли.

Кира немного помолчала, собираясь с мыслями.

– Я пользуюсь своим компьютером, – она провела ладонью по лбу. – И он – здесь. Небольшой органический имплант, его не видно под волосами. Именно он управляет хаосом. Есть ещё маленькая энергетическая установка – углеродные пылинки нужно заставить двигаться, но это не моя тайна. Да и деталей я, честно говоря, не знаю. Поэтому – всё свое ношу с собой, а кроме того, работа ещё не запатентована. У нас всё происходит не так быстро, к сожалению.

– Вот как? – Бремер быстро отвёл глаза и задумался, по его лицу пробежала тень, но через мгновение он опять приступил к расспросам. – А это не опасно? Органический имплант, значит, задействованы нервные окончания, значит, существует обратная связь с мозгом и,

следовательно, бесконечное множество абсолютно непонятных вещей, непредсказуемых последствий.

Кира с интересом взглянула на профессора. Что за странная реакция? Зависть? Вряд ли, просто доктор уже много лет занимается исследованиями мозга. И, как пишут в научных изданиях, успешно. В этой области он большой специалист, а следовательно... понятен его интерес. Всё логично!

– Такие органические компьютеры начали применяться несколько лет назад, об этом много писали. Мы лишь программируем имплант. Элемент риска, конечно, есть, но удалить его можно быстро и без особых проблем. Жаль только, информация не сохранится.

– Я надеюсь, дело до этого не дойдёт, прекрасная девушка-киборг, – Бремер опять принялся шутить. – Как прекрасен мир машин! А мне стыдно, что я всё ещё человек.

– Поменьше голливудских фильмов смотрите, Лукас, – поддела в ответ Кира. – Хотя... всё поправимо, как говорят у нас, «ещё не вечер».

– Ещё не вечер... поправимо, – эхом отозвался Бремер, а потом с сарказмом произнёс: – С этим трудно спорить.

Доктор, похоже, исчерпал свое любопытство и с нетерпением поглядывал в сторону официанта.

– А вот и наш кролик.

Под горячее Лукас Бремер ещё трижды наполнял рюмки, и, когда тушёный зайка был доеден, Кира почувствовала, что пора остановиться: иногда она не успевала за ходом мыслей профессора.

Кира достала пачку сигарет и придвинула пепельницу.

– Спасибо, Лукас, за прекрасный вечер. Но... я, честно говоря, устала. Столько событий... Не обижайтесь, мне пора.

К её удивлению, Бремер не стал возражать, он тут же распорядился, чтобы вызвали такси.

– Извините, Кира. Сам отвезти не смогу, – доктор покосился на пустую рюмку и пошутил. – Да и у водителя рабочий день закончен. Нам не нужны революции – он тоже имеет право на отдых.

Некурящий Бремер вдруг достал из кармана портсигар жёлтого металла и ловко открыл крышку.

– Угощайтесь, госпожа Логинова. Это сигареты ручной набивки. Их делает мой друг, большой ценитель элитного табака. Знакомство с местной кухней правильно будет закончить местными табачными изделиями. Угощайтесь, смелее, вам понравится.

Кира взяла светло-коричневую сигарету и прикурила от поднесённой официантом зажигалки. Тонкий аромат, необычный, чуть сладковатый привкус, приятное послевкусие – такой табак действительно стоило попробовать. Удивительно, но в голове прояснилось, пришла необычайная лёгкость.

Через десять минут радушный хозяин посадил гостью в такси, поцеловал руку на прощание и был таков.

«Ловко я расставила точки над «i», – довольно подумала Кира. – Даже в гости не стал напрашиваться. Иногда стоит упомянуть о своём молодом человеке. Так, небрежно, но к месту».

Кира наполнила ванну, нашла в шкафчике упаковку с ароматизированной солью и высыпала её содержимое на дно. А потом целый час пролежала в зеленоватой, пахнущей водорослями воде. С великим наслаждением. Надела свой любимый шёлковый халат и обрела наконец долгожданный покой на диване.

«Боже, как хо-ро-шо. Уютно, даже вставать не хочется. А надо! Устройство для инъекций и оставшаяся капсула с углеродными «друзьями» стоит убрать».

Как говорится, подальше положишь, поближе возьмёшь».

Она достала из сумочки металлический, тускло блестящий контейнер и спрятала его в сейф. Этот скромных размеров железный ящик она ещё утром обнаружила в верхнем отделении комода. Почему именно здесь? Наверное, сейф, как предмет обстановки, не соответствовал задумкам дизайнера. На полированной крышке комода красовался витой подсвечник с единственной свечой. А вот этот бронзовый аксессуар, похоже, отвечал вкусам мастера.

«Погадать, что ли? После местной кухни – местные суеверия. Бремер бы точно порекомендовал, для полноты ощущений. Ну уж нет! Вдруг череп увижу! За месяц до свадьбы!»

Девушка зажгла свечу, а затем вернулась на диван. Чуть колеблющееся пламя производило странное гипнотическое действие, и веки опустились сами собой. Фитиль еле слышно потрескивал, разбавляя звенящую тишину. Во рту опять появилось приятное послевкусие бремеровской сигареты, пришла необычайная лёгкость. Хотелось, чтобы это состояние продолжалось как можно дольше, чтобы пропало ощущение времени... навсегда... А потом Кира задремала.

Кратер свечи переполнился, мгновенно созрела большая горячая капля и, устремившись вниз по сахарной боковине, с громоподобным шлепком упала в чашу подсвечника. Кира испуганно вздрогнула и открыла глаза.

Что-то изменилось. Ушла лёгкость, стало трудно дышать, появилось ощущение давления, словно в набирающем скорость гоночном болиде. Девушка включила свет и подбежала к окну, намереваясь распахнуть створки, да так и застыла с поднятыми руками.

Листья в яме зашевелились, и на лужайку выпрыгнул кот, чёрный и пушистый, очень похожий на знакомого перса. Зверь встретился взглядом с Кирой, нырнул в

траншею и припустил, задрвав хвост, вокруг дома. На его месте появился близнец и, не мешкая, отправился тем же маршрутом. Коты один за другим выпрыгивали из ямы, как черти из табакерки. Через мгновение чёрное пульсирующее кольцо стремительно закружилось на лужайке. Узкая, падающая из окна световая полоска превратилась в мерцающий круг, в комнату со всех сторон проникало зеленоватое свечение.

Давление росло, гоночный болид разогнался до предельной скорости. Свинцом наливались лёгкие, завибрировал пол под ногами... А потом спрессованный воздух со страшным дребезгом выдавил оконные створки, и Кира смогла наконец вздохнуть. Но это не принесло облегчения: в комнату вполз смрад тлена и свежевскопанной земли.

Невидимый пиротехник замкнул контакты, и столб прелых листьев с лёгким хлопком ушёл в чёрное небо. А потом наступила злоецащая, не предвещающая ничего хорошего тишина.

Пестрый дождь, кружась, падал на плечи существа с лицом доктора Бремера. На Киру равнодушно взирал двухметровый атлет с накачанными до безобразия мышцами. Серая, нездорового вида кожа контрастировала с пурпурной тканью его дорогого костюма.

Коты сгрудились под окном, образовав ступеньку, и существо шагнуло в комнату. Кира попяtilась, уткнулась в диван и неуклюже рухнула на кожаные подушки. В мокрую тряпку мгновенно превратился шёлковый халат.

– Управлять хаосом? Вы много на себя берёте, госпожа Логинова. Это мания, психическое заболевание или, как вы говорите, «программный сбой», – саркастически произнёс гоблин. – Я вылечу вас.

Он рывком поднял её с дивана, огромными ладонями сжал голову, а потом зубами вырвал имплант. Выплюнул на пол клок спутанных волос и улыбнулся, обнажив острые мелкие зубы.

– Вот и всё, вы здоровы. Не забудьте отблагодарить своего доктора.

Гоблин, как куклу, качал её на руках. Кира даже не пыталась сопротивляться, дикая головная боль пронзала мозг при малейшем движении.

– Один поцелуй, Кира. А может быть, что-то большее? – он похотливо облизал окровавленные губы. – Я подумаю...

Смрадный запах изо рта, ледяное прикосновение и этот страшный немигающий взгляд, – омерзительно. Кира Логинова нырнула в чёрную бездонную яму. Хо-ро-шо!

– Что случилось? – Лукас Бремер затормозил у кареты скорой помощи.

– Бабушка сошла с ума, это бывает в их возрасте, – врач равнодушно взглянул на хорошо одетого господина – Сидела в яме, листьями играла. Говорить не может, ни на что не реагирует. Привезём в клинику, разберёмся.

Он приоткрыл ворота, выпуская санитаров с носилками. На них, опутанная ремнями, лежала неопрятная седая старуха в замусоленном халате.

– Голова, осторожно, – доброволец, брезгливо морщась, помог занести женщину в салон. Секунды хватило, чтобы нащупать бугорок под её волосами.

«Отлично: есть с чем поработать. Череп, к счастью, она не разбила. Хорошие сигареты получились, но курить вредно. Доказано!»

Он с облегчением улыбнулся, проводил взглядом карету и зашёл в дом. Без труда открыл сейф, вынув из него металлический контейнер. На дне в целости и сохранности лежали устройство для инъекций и стеклянная капсула.

Бремер неторопливо обошёл гостиную, по пути распахнув закрытые оконные створки, и с удовольствием вдохнул осенний воздух.

«Я держу свое слово, Кира Логинова. Для вас нашлось место в ХО-РО-ШЕЙ клинике».

СТРАННЫЕ ИГРЫ

САША

Снегопад... Уже который день... Похоже, сегодня он побьёт рекорды, и дежурный синоптик обнаружит «сенсацию» в вечерних новостях. Видимость отвратительная – метров пять от силы, а дальше сплошная белая стена. Саша чуть не пропустил поворот на парковку: придорожные поребрики утонули в забрызганных грязью отвалах, и въезд был едва заметен.

«Хонда», продавив слежавшийся наст, еле «вползла» на персональное, добытое хозяином место. Александр повеселел, заглушил двигатель и огляделся. В половине восьмого утра стоянка не была заполнена даже на треть. Почему-то строго по центру размещалась живописная группа из нескольких разноцветных сугробов. Красно-белый – машина охранника, сине-белый – «Форд» знакомого из службы эксплуатации, остальные транспортные средства плохо идентифицировались. Радовало отсутствие больших чёрных автомобилей: начальство ещё досматривало сны.

Саша натянул капюшон и нехотя выбрался из салона.

«Стихия разбушевалась», – усмехнулся Александр, провалившись в снег чуть ли не по колено.

От хронического недосыпа в голову кроме заезженного штампа ничего не приходило.

Сипло посвистывая, гнал позёмку западный ветер. За минувшую ночь он повесил лохматую бороду на фасаде серого дома с массивными колоннами. «Осиное гнездо» ещё не проснулось: свет виден лишь в нескольких окнах на втором этаже. Зато вечером здание будет ярко освещено, зажжётся неоновая реклама, побегут огоньки по

многочисленным растяжкам. Стоянка до отказа заполнится машинами всех цветов и размеров. И загудит «осиное гнездо» пороков человеческих. Музыка, голоса, звон жетонов создадут этот причудливый акустический эффект. А пока только белые мухи безмолвно кружатся и, обессилев, падают под ноги.

Александр повернулся спиной к ветру и нажал кнопку звонка. Через пару минут загремели засовы, в дверном проёме появилось бдительное лицо охранника.

– А, это вы, Сан Саныч. Здравствуйте.

«Кому Саша, а кому Сан Саныч, – подумал главный механик. – Для Бориса – по имени-отчеству, и никак иначе. В отсутствие директора я – начальник. Да и охранник этот – субъект неприятный».

– Привет. Как дежурство?

– Происшествий нет. Ночью посетителей много было, наверное, выручка неплохая.

Пока они поднимались по центральной лестнице, Александру было доложено, что механик Кирилл привёл десяток друзей, нагло занявших два бильярдных стола. Кассирша Наташа по окончании смены набрала казённых жетонов и попыталась счастья на «одноруких бандитах». Попытка не увенчалась успехом. Раздосадованная барышня нанесла «тяжкие телесные» ни в чём не повинному автомату.

«Всех сдал, – ухмыльнулся про себя Саша. – А я ведь ничего не спрашивал. С другой стороны, пришлось бы долго гадать, почему статистика на «бандитах» не совпадает с реальной выручкой. Наташка на крючке».

– Ладно, Борис. Можешь собираться, – он посмотрел на часы. – Пост принял.

Охранника нужно отослать. Присутствие посторонних мешает работе, да и может быть просто опасным.

Александр подождал, пока за Борисом захлопнулась дверь «дежурки», и открыл кассу. Включил свет и бегло осмотрел помещение. Всё вроде бы на месте. Коробки для

жетонов полупустые, нужно добавить из автоматов. Кии в ложементах, шары в наличии, мелков хватит на сегодня. Записок с пожеланиями также не наблюдалось. Начало хорошее.

Саша откинул крышку на распределительном щитке и включил полное освещение. А затем с удовольствием осмотрел владения. Справа ровной шеренгой стояли «однорукие бандиты», подняв в приветствии руки-рычаги. Слева соблазнительно шелестели картами «покер-автоматы», предлагая померяться интеллектом. В полумраке балкона, как на подиуме, демонстрировали зелёное сукно бильярдные столы. В дальних углах зала подмигивали и довольно громко «обеспечивали» звуковое сопровождение «детские стрелялки». Всё это создавало причудливый и ласкающий ухо шум.

«Музыка сфер, звуки космоса, – улыбнулся Александр. – А я – командир Вселенной».

Саша выключил свет, оставив работающим единственный светильник у последней в ряду «слот-машины». В этом ничем не примечательном аппарате, а точнее, в шкафчике под ним находился тайник, где дежурная бригада прятала выручку и отчёты за прошедшую смену. Обычный шкафчик: немного поцарапанная дверца да несколько синих от бильярдного мелка отпечатков пальцев.

«Посмотрим, как они поработали».

Александр открыл тайник. Под его чутким руководством в дверцу был врезан хороший немецкий замок, внутренние стенки усилены металлическими пластинами, а в результате получился неплохой сейф. На дне ящика лежал пухлый конверт и листок бумаги, исписанный торопливым неровным почерком.

«Судя по величине пакета, выручка неплохая».

Саша поднёс отчёт поближе к глазам, в этом углу всё же было темновато.

«Так, что там? Ого! Директор будет доволен.

«Происшествий не было». Это хорошо.

«Покер-автомат №11 “глючит”». Ладно, посмотрим.

«Не работает жетоноприёмник на “флиппере”». Знаю, в чём там дело».

Александр закрыл сейф, взял отчёт и переместился в офис. Сейчас долго и нудно придётся считать выручку, но не ту, которая имеет место быть, а другую, единственно верную. Как говорит директор, «распиленную». Пилить, как правило, нужно пополам. Но не всегда. Бывают дни, когда изымаются куда более значительные суммы. Скорее всего, это получки, авансы и премиальные шефа. Главный механик должен выполнять его распоряжения и не задавать лишних вопросов.

Распил – дело для настоящих профи. Тем, кто не дружит с математикой и не обладает определёнными навыками, выполнить подобную операцию невозможно. Саша полистал журналы со статистикой за предыдущие дни и быстро набросал черновик, где разнёс на пяток игровых автоматов денежные суммы, подлежащие корректировке. Взял толстую связку ключей и пошёл в игровой зал.

«Правку» электронных счётчиков он выполнил довольно быстро, а вот с дублирующими, механическими, возился более часа, но всё равно не успел. До 11.30 полагается всё закончить. Автомат №8 придётся вообще на денек вывести из эксплуатации. На него главный механик повесит табличку «ремонт», выкрутит все лампы, но, подойдя вплотную, имеющий уши сможет уловить едва заметное пощёлкивание. Это «трудятся» механические счётчики.

Александр вернулся в офис и заполнил журналы отчётности уже в окончательном варианте. Ещё раз пробежал взглядом по колонкам с цифрами, минутку посидел, закрыв глаза, затем в последний раз окончательно всё перепроверил.

«Идеально!»

Он подошёл к зеркалу, трепетно любимому предмету главного бухгалтера, и проверил, не испачкался ли свитер.

«Ну, так и есть, пыльное пятно на спине. Надо сказать уборщице, чтобы автоматы не забывала протирать».

Подарок Марины сидел на нём безупречно. Этот крупной вязки свитер оказался весьма практичным и удобным в носке. С утра в зале было довольно холодно, а клубный пиджак хоть и выглядел нарядно, нужными свойствами не обладал. Глядя на собственное отражение, Саша почему-то представил себя скандинавским политиком в непринуждённой домашней обстановке.

«Политик, да ещё скандинавский. Бред какой-то, перетрудился, не иначе, – засмеялся Александр и отошёл от зеркала. – Перекурить, что ли?»

Достал сигарету, прилёг на кожаный диван, устало закрыв глаза.

«В полдень директор заявится. Начнёт “строить”. Что-то в этот раз придумает?»

Щёлкнул зажигалкой и отправил в полёт большое кольцо.

«Вчера прочёл лекцию на тему “надо быть честным”. Заглядывал в очи и недвусмысленно намекал: “Всё знаю”.

Я был хорош, ни один мускул не дрогнул на лице. Всячески демонстрировал лояльность фирме и лично – руководству. Ну знаешь, а дальше-то что? Я тоже всё знаю, ну, или почти всё. Понимаю, что насаждают учредители. Им всё мало.

Понимаю, что немецкие партнёры требуют свою долю. С контролирующими органами нужно жить дружно. Но я знаю, что и себя ты не обижаешь. Опять машину поменял, наверное, у старой – пепельница переполнилась.

Попросил зарплату увеличить. Всё-таки работаю по 12 часов почти без выходных. Что в ответ? “Я тебе и так хорошие деньги плачу”.

Это я себе деньги плачу. Твоей зарплаты только на бензин хватает.

В конце концов, что посеешь, то и пожнёшь. После рюмки-другой директора обычно тянет на откровенность. Оказывается, это политика у него такая. Платить мало, но закрывать глаза на небольшие шалости. Говорит: “Знаю, что воруют, знаю, кто, и знаю, сколько. Давайте, пока можно. Но я единолично буду определять предел”. В общем, все и всегда виноваты, ими можно управлять, достаточно только раз схватить за руку. Всех он уже поймал, один я остался. Попробуй! Для этого нужно очень постараться и быть на работе с 8.00 до позднего вечера. А не четыре часа максимум.

Впрочем, это его проблемы. Меня должно беспокоить совсем другое. Я единственный, кто владеет информацией о реальной выручке. Бухгалтеру даются откорректированные цифры, учредители тоже не совсем в курсе, а немецких партнёров просто обвели вокруг пальца. Рано или поздно придут злые и любопытные дяди и поинтересуются: “А всё-таки, сколько?”

И первыми, скорее всего, спохватятся хозяева. Хотя список желающих обещает быть длинным... Тут-то директор на меня все стрелки и переведёт. “Кто счётчики крутит? Сан Саныч! А я так ему верил...” Учредители – люди серьёзные, душещепательными беседами не отделаешься, братка. Сразу перед глазами объявление появляется: “Ушёл и не вернулся...”

Ладно. Я в системе, знал, куда шёл. Держи нос по ветру и соблюдай правила, иначе проиграешь».

Саша посмотрел на часы. Начало первого.

«Где же мой шеф? Да и бухгалтера что-то не видно. По графику у меня работа в “лаборатории”. Можно смело двигаться в сторону подвала, не дожидаясь промывания мозгов».

Он запер офис и вышел в полумрак зала. Толстая ковровая дорожка гасила звук шагов, и Александр бесшумно добрался до главной лестницы. Незаметно улизнуть не удалось. По ступеням бодро поднимался директор в

сопровождении главбуха и какого-то толстого гражданина с кейсом в руках.

– Саша, ты куда? Пойдём, доложишь ситуацию, – вместо приветствия бросил босс.

– Происшествий не было, Сергей Николаевич. Отчёты для бухгалтерии я подготовил, всё сошлось идеально. Остальные бумаги у вас на столе.

– Ты что, торопишься?

– Да, одиннадцатый автомат капризничает, – Саша продемонстрировал захваченную материнскую плату. – Нужно срочно «вылечить». Если будут вопросы, звоните. Я тут же поднимусь.

Александр быстро спустился по лестнице и достал толстую связку ключей, намереваясь отпереть бар. К его удивлению, дверь в помещение уже была открыта. Саша зашёл внутрь и увидел за стойкой Марину, которая, напевая, загружала в холодильник бутылки с пестрыми этикетками.

– Марин, слова спиши.

– А, Сашка, это ты. Напугал, – смутилась хозяйка. – В лабораторию идёшь?

– Точно. Сейчас приду, запрешь и до обеда не выйду. Покормишь сегодня?

– Часика через два, не раньше. Продукты ещё не привезли. Пива хочешь? – Марина продемонстрировала запотевшую бутылку.

– Вечером обязательно. Начальство уедет, сразу заскочу. Жди.

– Ох, как я буду ждать! – засмеялась девушка.

Александр пересек бар, спустился в подсобку и в конце длинного коридора остановился перед тяжёлой металлической дверью. Осмотрел замок, проверил «метку». Дверь в его отсутствие не открывали.

Саша вошёл в помещение и сразу почувствовал амбре, к которому так и не привык за три года работы. В «лаборатории» пахло специфически: букет из ароматов канифоли, пластика и отсыревшего дерева. Да и все

предметы, хранившиеся в комнате, вносили посильный вклад в формирование запаха.

Вдоль длинной стены плечом к плечу стояли три неучтённых «покер-машины», наполовину разобранный «бандит» ждал донорских органов, на стеллажных полках лежали платы различных размеров и назначений, коробки с жетонами, упаковки электронных компонентов.

Сан Саныч включил паяльник. Положил на стол «материнку», внимательно осмотрел её и обнаружил покоробившуюся от высокой температуры деталь.

«Похоже, микросхема “умерла”».

Не прошло и двадцати минут, как в дверь постучали. Саша впустил в «лабораторию» директора и сделал «предданное лицо».

– Чем занимаешься? – глаза Сергея Николаевича подозрительно обшарили помещение.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Послушай, Саша. Мой знакомый хочет поиграть в одиночестве. Включи ему три «покера». Сделай всё, как обычно. Я с собой журналы захватил. Времени до открытия у нас с тобой мало, а денег у клиента много. Так что не подкачай.

Александр запер за шефом дверь и открыл прошнурованную тетрадь. Предстояло обнаружить «насосы», то есть автоматы, на которых только что были крупные выигрыши. Вероятность, что в ближайшее время они позволят одержать победу, ничтожно мала. Саша пролистал статистику и обнаружил искомые «покеры». Размещались они, к счастью, рядом, у игрока не должно возникнуть никаких подозрений. Александр быстро поднялся в зал и включил «насосы», дополнительно установив на платах минимальный процент отдачи. К приёму клиента всё было готово.

– Сергей Николаевич, – механик заглянул в офис. – Оживил три «машины». К сожалению, не могу включить все автоматы. Остальные – на профилактике.

– Плохо, Сан Саныч. Я настаиваю, чтобы к 12.00 зал был полностью готов к приёму посетителей. Идите и работайте.

«Директор, как всегда, в ударе», – подумал Саша, пряча улыбку и подобострастно кивая.

Клиент был препровожден к «покерам» и усажен на малиновую банкетку, а если называть вещи своими именами, на эшафот. Он, видимо, хотел завладеть крупной суммой денег одновременно, так как решил сразиться с тремя автоматами.

– Послушай, как там тебя, – дядька протягивал деньги. – Поставь по тысяче кредитов на каждый.

«А вы, мужчина, хам, – взгрустнул Александр, вставляя ключ в гнездо на боковой крышке “покера”. – Сейчас начнётся – мальчик, любезный или что-нибудь в этом роде. Ну ничего, сейчас мои “мальчики” тебе покажут».

«Насосы» свое дело знали, и как клиент не старался, денежка постепенно перемещалась в Сашины карманы.

Дядька морщил чело, страстно молотил по кнопкам, ругался и нервно курил. Бусинки пота покрывали его обрюзгшее лицо, едкий запах кожных выделений чувствовался за пару шагов. Прощание с «честно заработанными» проходило весьма тяжело.

Через полчаса он заискивающе стал заглядывать в глаза Александра, от былой фамильярности не осталось и следа. Саша был строг и невозмутим.

Без четверти два мужчина расстался с последними купюрами и, не прощаясь, покинул помещение.

Директор, наблюдавший за поединком из офиса, выбежал в зал и отобрал у Саши выручку. Пошелестел банкнотами и подозрительно спросил:

– Здесь всё?

– До копейки! – в кармане у Александра лежали справедливые 10 процентов от сделки.

Ежесекундный контроль обстановки и тонкая «мониторика» пальцев позволили незаметно отделить несколько купюр от пухлой пачки денежных знаков.

– Подчисти тут как следует, – отдал распоряжение шеф и пошёл считать выручку.

В два часа дня новая смена приступила к работе. Саша быстро проинструктировал сотрудников и направился в «лабораторию». В зале зажгли освещение, из динамиков, встроенных в подвесной потолок, полилась музыка, и у кассы появились первые клиенты.

Минут через тридцать Сашу пригласили на обед.

Марина заперла дверь, предварительно повесив табличку «Перерыв. 15 минут». На столе уже находилась тарелка с большим и аппетитным лангетом. Гарнир из хорошо прожаренного картофеля выглядел тоже очень привлекательно и стимулировал слюновыделение.

– Попробуй, Саш. Полуфабрикаты сегодня привезли хорошие. А мы с микроволновкой очень старались.

– Я всегда верил в ваши кулинарные способности, – Саша взял в руки нож и вилку. – Послушай. Мне удастся когда-нибудь попробовать домашней еды?

– На работе? Никогда! Найди время и приезжай. Когда у тебя был последний выходной?

– Давно. И, кстати, я был с тобой.

– Что же ты тогда отказался от ужина? Я старалась.

– В тот вечер я не хотел есть, я хотел другого.

– Другое ты тоже получил. Доволен?

– Марина, я думал только о тебе. Мне самому так мало надо, – отшутился Саша.

На серьёзные разговоры в середине дня что-то не тянуло.

Александр украдкой взглянул на сидящую напротив девушку и с удовлетворением обнаружил свой подарок – колечко с красным камнем.

Он молчал, делая вид, что занят едой, и всё так же незаметно посматривал на Марину.

Средней длины чёрные волосы, смуглая кожа, наверное, кто-то из родственников южных кровей. Вообще, полукровки очень часто симпатичными получаются. Да, пожалуй, именно так, симпатичная. Красавицей сложно назвать, но насколько привлекательна. Матушка-природа постаралась. Такую фигурку ещё поискать надо. Как там у зодчих? «Золотое сечение», если это уместно по отношению к женскому телу.

«Интересно бы узнать, о чём она думает. Может быть, ей тоже что-нибудь от меня надо».

Марина появилась в баре три месяца назад и спустя пять недель стала старшей с подачи Александра. Директор хотел кого-то из своих пристроить, но Саша «втихую» переговорил с одним из учредителей, и вопрос был решен нужным образом.

Назначение это произошло после их первого «настоящего» свидания, но, справедливости ради, Марина разговор на эту тему даже не заводила.

«Какая-то параноидальная подозрительность. Совсем плох стал, – Саша прогнал дурные мысли. – Работа способствует. Бытие определяет сознание».

Вторую половину дня он провёл в зале.

Починил «флиппер», а затем устроил «тестовое испытание». Так было доложено вышедшему в зал директору. На самом деле он в течение часа просто поиграл от души. Аппарат сверкал и переливался разноцветными огоньками, издавал космические звуки и привлек тем самым несколько клиентов, образовавших даже небольшую очередь.

Потом зашёл в кассу, выпил с Ольгой чаю, выслушал её размышления о том, что было бы неплохо изменить график дежурств, освободив её на выходные. Напиток был с печеньем, и Саша обещал подумать.

В разгар чаепития он увидел поднимающуюся по лестнице Марину. Она, конечно, заметила Александра, но не подошла, а быстро направилась в сторону офиса.

Наверное, шеф на ковер вызывает. Однажды Саша присутствовал на этом мероприятии. Та же самая полуденная промывка мозгов, только в специальном обрамлении.

– Меня не устраивают эти копейки, – кричал директор, потрясая пухлой пачкой денег. – Мне нужны прибыли и сверхприбыли. Буду проверять вас ежедневно. Вы должны требовать от своих подчинённых...

В общем, типичная психическая атака, ничего нового. Александр подобные мероприятия больше не посещал.

В шесть вечера он проводил бесконечно усталого шефа и спустился в бар. Хотел поговорить с Мариной, но не удалось. Зал был переполнен, гремела музыка, да и Маринка помогала девчонке, в одиночку не справлявшейся с заказами.

В половине восьмого неожиданно погас свет. Саша нашёл нужный телефон и уже было начал набирать номер, как электропитание восстановилось. Он с облегчением достал сигарету, но повернуть колёсико зажигалки не успел. В комнату влетел взъерошенный дежурный механик.

– Сан Саныч, иди поговори с клиентом, – оглянувшись на дверь, тихо сказал Олег.

– Что случилось?

– Ты же видел, свет на пару минут погас. На пятом «покере» счётчик обнулится, и игрок революцию устроит. Кстати, выглядит как олигофрен. Иди, сам полюбуйся.

– Послушай, Олег. Поставь ему сотню-другую, только потом мне скажи, – попытался отказаться Саша.

– Клиент говорит, что у него больше тысячи кредитов. Врёт. Я, конечно, специально не следил, но столько – точно не было. И вообще, он директора требует. Не нравится мне это, наезд похоже. За вторым столом двое его знакомых шары катают, имей в виду.

– Ладно, скажи, что сейчас главный механик выйдет. Пойди, успокой его.

Саша взглянул на часы. До прихода охраны минут двадцать. Они знают об этом, или всё случайно случилось? Тянуть нет смысла, нужно идти разбираться.

«Чёрт бы побрал это руководство. Экономят на всём, даже на охране. Денег, видите ли, нет на круглосуточное дежурство. Смеху подобно, правда, сейчас мне будет не смешно».

Саша вышел в зал и сразу заметил нависавшего над Олегом широкоплечего громилу с явно спортивным прошлым. Нос у гражданина был сильно приплюснут, наверное, в результате встречи с боксерской перчаткой.

– Ты директор? – с места в карьер взял громила.

– Директор будет завтра, в 12.00. Приходите к этому времени, он решит все вопросы, – Александр попытался обеспечить шефа работой.

– Зайдём. Передай ему, разговор есть. Только пусть не бегаёт, ценит наше время. А сейчас я хочу выигрыш получить. На полторы тысячи кредитов.

«Ого, аппетиты растут», – подумал Саша, изучая физиономию клиента.

Кривая улыбка гражданина говорила о серьёзности намерений.

– Послушайте, мне нужно проверить счётчики, а автоматы опломбированы. Ключи у директора, – импровизировал Александр, встав на всякий случай вполорота к собеседнику.

За время работы всякое случалось, трижды пытались по голове настучать. В нашем случае всё может закончиться нокаутом, клиент в более тяжёлой весовой категории. К тому же, двое его угрюмых товарищей побросали кии и, демонстрируя неподдельный интерес, приблизились к месту событий.

– Тогда поставь по триста кредитов мне и моим друзьям на других автоматах. Мы поиграть хотим.

– Завтра я посмотрю счётчики, и вы получите ваш выигрыш. Если он есть, на самом деле. А сегодня могу

поставить сто кредитов за счёт фирмы, – Саша пытался погасить конфликт.

– Ты чё, терпила, мне не веришь, – дипломатические выражения, похоже, закончились. – Тебе чё, в падлу пацанам нормальным по триста очков поставить? Нет, ты скажи, чё, в падлу?

Александр оказался внутри треугольника, в вершинах которого стояли ласково улыбающиеся соотечественники. В радиусе десяти метров ни одной живой души не наблюдалось, и это навевало грустные мысли. Несколько игроков, предчувствуя возможные неудобства, удалились на перекур, а Олег переместился в район кассы.

«Силы неравны. А как хочется жить», – подумал Саша.

Чёрный юмор иногда бодрит. Особенно в критические моменты.

Конечности начали предательски вибрировать, и он незаметно переступил с ноги на ногу.

«Вариант «герой умер молодым» что-то не устраивает. Думай, Саша, думай.

А посажу-ка я их за «нормальные и правильные», как говорят подобные граждане, автоматы. Вряд ли они что-нибудь выиграют, а счётчики я завтра поправлю».

– Ладно, садитесь вон туда, – Александр кивнул на «насосы».

Видимо, и плохие парни устают от «нервной» работы. Они нарушили свои боевые порядки и неторопливо рассаживались у «покеров», явно довольные одержанной победой. Старший даже как-то «по-доброму» проинструктировал Сашу:

– Шевели ногой, примерз, что ли. Сейчас ключ отберу.

Александр, стараясь не суетиться, выставил на «насосах» по двести кредитов.

– Не понял. Плохо считаешь или на память жалуешься? – отреагировал клиент.

– Больше двухсот не могу, – тянул время Саша. На часах было 20.00. – Автоматы так устроены.

– Будешь должен, – подвел черту старший и приступил к игре. – Далеко не уходи.

Александр обернулся и с удовлетворением заметил двух бойцов, стоящих у кассы. Олег находился рядом, и, судя по тому, что он время от времени кивал головой в сторону «покеров», охрана получала вводную.

Спустя пару минут ребята рассредоточились и с двух сторон подошли к месту конфликта, заняли позиции в нескольких метрах от автоматов и стали наблюдать за происходящим.

Как и следовало ожидать, «кредиты» быстро закончились, и старший оглянулся, собираясь подозвать Александра. Увидев охрану, он изменил намерения и что-то тихо сказал своим соседям. Парни посидели ещё пару минут, делая вид, что собираются продолжить игру, а потом неторопливо поднялись с банкеток. Бойцов они старательно игнорировали.

– Продолжение следует. В 12.00. Директору передай, – громила невозмутимо смотрел на Александра.

Всё так же, не торопясь, тройца удалилась из зала.

– Что, Саня, мы вовремя? – ехидно улыбнулся охранник.

– Я бы и один справился, да решил у вас хлеб не отбирать, – теперь можно было и пошутить.

Александр подошёл к окну и отдернул штору. Посмотрел на стоянку, нашёл машину, в которую садились плохие парни, и попытался рассмотреть номера. Безуспешно. На улице творилось что-то невообразимое. Снегопад усилился, и вычищенная днём площадка опять превратилась в труднопроходимую целину. Неприятельская машина, пробуксовывая, с трудом выехала из сугроба и на большой скорости умчалась по направлению к центру города.

«Клиентов сегодня будет немного, – Саша устало смотрел на полупустую парковку. – Ну и ладно. Главное, что мои игры сегодня закончились. Завтра, похоже, будет интересный день».

БОСС

В часы, свободные от добывания денег, Сергея Николаевича интересовали две вещи: автомобили и охота. Он вооружился пультом и оживил «плазму», свое последнее, ещё не успевшее надоесть приобретение. Быстро найдя любимые телеканалы, он вывел обе картинки на экран. Слева – два увлеченных товарища вертели в руках вертикалку-беретту, глаза у них горели, и им явно не терпелось пульнуть прямо в студию. На правой половинке экрана шла реклама «лексуса». Автомобиль, безусловно, хорош. Правда, если бы Николаевича спросили, какой должна быть машина, то он бы не задумываясь ответил – немецкой. Это первое и обязательное условие. Второе – полный «фарш». В автомобиле должно присутствовать максимальное количество опций.

«Кстати, о фарше. Что там жена сегодня приготовила?»

Сергей Николаевич снял крышку с кастрюли и обнаружил тёплые ещё котлеты. Именно те, из лосятины, мясо для которых он добыл в минувшие выходные. Если удалить плёнки, сухожилия и прочие несъедобности, пропустить через мясорубку, добавить свиного фарша в пропорции этак пятьдесят на пятьдесят, хотя жена лучше знает, то полдела сделано. Потом котлетки следует хорошо прожарить, чтобы корочка появилась, и можно на стол.

Николаевич подумал и достал из холодильника бутылку водки.

«Не ради скотского удовольствия, а от стресса. А как ещё напряжение снять?»

Налил большую стопку, а потом залпом выпил. Подцепил вилкой половинку котлеты и с удовольствием закусил. Через минуту водка справилась с возложенной задачей. Захорошело.

«Неплохое ружьишко, надо о нём узнать поподробнее».

Взгляд его переместился на другую половину экрана.

«“Лексус”, говорите? Всех на “Жигули” – по записи и членам профсоюза», – лёгкий первый кайф располагал к шуткам.

Да, давно это было. Старая разбитая «тройка», первая машина. Сколько вечеров провозился, чтобы восстановить «лохматку», убитую прежними хозяевами. Сейчас даже страшно вспомнить. Если бы моя сегодняшняя «немка» так ломалась... А с другой стороны... Какие были соседи по гаражу! Как хорошо иной раз сидели вечерами. Все друг друга по имени знали. Портвейн, яблоки с дачи. Разговоры, байки. Каждый готов помочь.

Да и на работе всё шло неплохо. Ведущий инженер, перспективы в карьере. Гибкие производственные системы, средства автоматизации – это престижно и интересно. Приходилось ездить на пуско-наладку по всей стране, многое тогда стало получаться. После успешной сдачи объекта, после рюмки-другой казалось – «догоним и перегоним» супостата. Дайте только срок. Правда, в конце каждого квартала идиллия на какое-то время пропадала. Плановое хозяйство неуклонно требовало побед, и немедленно. Победы тут же организовывались на бумаге. А потом опять настоящее дело. Всё можно было исправить, не торопясь, тщательно обдумывая. Эх, какую страну...

Зазвонил телефон. Сергей Николаевич поставил рюмку и недовольно посмотрел на аппарат. В последнее время от поздних звонков он не ждал ничего хорошего.

– Да, – недовольно процедил шеф. – А, это ты, Сан Саныч. Что у нас плохого?

– Сергей Николаевич, сегодня около восьми вечера опять свет отключали. На «покере» электронный счётчик обнулится, и клиент потребовал выигрыш. Но это так, предыстория. На самом деле – была «пробивка», плохие парни заглянули. Хотели с вами пообщаться.

– Что же у тебя, Саша, аппараты так хреново работают, – раздражённо сказал шеф. – То одно, то другое, понимаешь.

– «Покеры» старые. Где они работали до нас и сколько? Я в одном даже «никель» нашёл, монетку в 5 центов.

– Ладно, знаешь, чьи это люди?

– Понятия не имею.

– Как одеты, какая машина? Давай подробнее.

– Одеты? Прилично одеты, не из секунд-хэнда. Машину не рассмотрел, снег очень сильный шёл, да и темно уже было. «Японка», по-моему, из последних.

– Как думаешь, это серьёзно?

– Трудно сказать... Но голову они мне чуть не оторвали. Хорошо хоть охрана вовремя пришла. Обещали завтра в 12.00 заглянуть, очень хотят вас увидеть. Я с утра посмотрю механические счётчики и точно скажу, есть ли выигрыш. Но думаю, что нет, а всё это только повод. Не удивлюсь, если и отключение – их рук дело.

«В принципе, они могли в главный распределительный щит залезть, – подумал Сергей Николаевич. – Напугали или денег предложили, очень даже легко».

– Хорошо, Александр, разберусь. Завтра до 12.00 я должен иметь всю информацию, – преувеличенно бодро сказал шеф и отключился.

Он выпил тёплую невкусную водку и задумался.

«Позвонить, что ли, учредителям, пусть пошевелиятся. Хотя, что они ответят, и так ясно. “Не наш уровень, разбирайся сам”».

Сергей Николаевич посмотрел на часы и набрал номер Игоря – начальника охраны.

– Алло, это органы правопорядка? – шеф решил начать с шутки, люди это любят. – Сергей Николаевич меня зовут.

– Звоните 02, – Игорь поддержал шутливый тон. – Доброй ночи, босс. Проблемы?

– Сегодня нашего Сан Саныча пытались обидеть. А завтра обещали добратся и до меня. Так что ваш выход, «оборотни», пора проявить себя.

– Так. Сергей Николаевич, давайте всё по порядку, – Игорь сразу стал серьёзным.

Директор кратко пересказал всё, что узнал от главного механика, и добавил от себя:

– Игорь, мне нужно, чтобы не было шума. Мирно встретились, поговорили и разошлись. А после я бы никогда этих бандосов не видел.

– Хорошо, Сергей Николаевич. Давайте встретимся завтра в половине двенадцатого и окончательно всё решим. А сегодня я подумаю и приготовлю достойный ответ.

– Игорек, это не мой уровень, – строго сказал шеф. – Разберитесь без меня и доложите, когда всё будет закончено. У меня своих дел хватает.

– Есть, босс. Враг будет разбит, победа будет за нами.

– Очень на это надеюсь. Только в зале мне ничего не разбейте. Помни: тихо, мирно, спокойно.

Ночью Сергей Николаевич долго не мог уснуть. Завтрашний, а точнее, уже сегодняшний разговор с немецким партнёром вызывал сильное беспокойство. А тут ещё эти разборки ненужные, слишком много для одного дня. Забылся он только под утро.

На краешке бильярдного стола сидели двое в серой форме с полковничьими погонами. Головы офицеров

украшали высокие папахи. Саша, поднимавшийся по лестнице, даже вздрогнул от неожиданности.

– Саня, иди, перекурим.

Голос был знакомым, и Александр, присмотревшись, узнал Игоря, начальника охраны.

– Парни, что за маски-шоу?

– Внеочередное звание, за особые заслуги, – улыбаясь, ответил Игорь.

– А серьёзно?

– Тебя же вчера обидеть хотели. Вот мы и пришли разобратся.

– Лучше бы взвод ОМОНа подтянули. Сколько их сегодня зайвится? Я, например, не знаю.

– А спецназ не хочешь? Мы и так здесь нелегально.

Саша достал сигарету и ногой пододвинул к столу напольную пепельницу. Прикуривая, он, не торопясь, с головы до ног осмотрел ряженных: «Хороши. Но видно, что нервничают. Сидят на краешке стола, как-то несолидно, не по-полковничьи».

Все ребята, вечерами дежурившие в зале, были в основном лейтенантами. По каким-то внутренним служебным циркулярам офицерам не разрешалось заниматься подобной деятельностью, и на работе они появлялись с сержантскими погонами. В общем, «маскерад».

– Когда «хулиганы» появится? – Игорь посмотрел на часы.

– В 12.00 обещали.

– Ну, если обещали, будут вовремя.

– Ладно, парни. Пойду в офис, директору покажусь, заодно морально подготовлю, – Саша затушил окурок.

– Можешь не спешить, твоего босса ещё нет. Вчера сказал, чтобы мы тут все вопросы порешали, а потом отзвонились. Сказал, что верит в нас и ждёт победного рапорта. Так что гуляй, развлекайся, можешь с нами постоять. Для количества.

Этого Александру хотелось меньше всего, но понаблюдать за развитием событий было бы интересно. Он подошёл к окну и отдернул штору. На стоянке, прямо перед входом, присутствовали две незнакомые иномарки с тонированными стеклами. Тех, кто сидел внутри, видно не было.

– Игорь, у нас, похоже, гости.

Охрана слезла со стола и быстро переместилась к окну.

– Что-то они не торопятся, – Саша вопросительно посмотрел на близнецов-полковников.

– Придут. Домой не уедут, не надейся.

В 11.59 двери машин распахнулись, и на свежий воздух выбралась четвёрка серьёзных мужчин, возглавляемых вчерашним громиллой. Сколько человек осталось в автомобилях, определить не удалось.

Охрана опять уселась на стол и закурила, а Александр остался у окна, маячить в первых рядах не хотелось. Вчерашних впечатлений – предостаточно.

Тактически, надо признать, позиция у бильярдных была выбрана верно. Любой, оказавшийся на верхних ступенях лестницы, сразу же мог лицезреть живописную группу в серых папахах. Плохие парни не оказались исключением. Они, замедля шаг, преодолели последние ступеньки и остановились у кассы. Постоили пару минут, тихо переговариваясь и посматривая в сторону бильярдных столов, а потом молча направились к выходу. Спустя несколько секунд внизу захлопнулась дверь.

– Ну вот. А ты боялся, – солидно произнёс Игорь, погладив кожаную макушку папахи. – Наша крыша выше! Можем и огорчить... до «невозможности».

Лоб у него подозрительно блестел, наверное, шапка тёплая.

– Можно теперь и шефа твоего обрадовать. А вообще, что-то здесь не то... Чувствую... Парни не местные, по

рожам видно. Южане! Да и номерные знаки из тех краев. Обнюхали тут всё, жалом поводили, а общаться не захотели. Разведгруппа какая-то.

В 13.00 Сергей Николаевич ступил на гранитный пол вестибюля.

Окинув взглядом полутёмное помещение, шеф обнаружил выдвинутую из ниши кадку с искусственной пальмой.

«Уборщица, наверное, забыла».

Он ботинком вернул предмет декора на место и внешне услышал голоса и смех, доносящиеся из бара.

Шеф решительно толкнул дверь и вошёл в помещение. У стойки друг напротив друга сидели главный механик и Марина. На столешнице – чашечки с казённым эспрессо, в руках – дымящиеся сигареты.

«Роман, что ли, у них? Служебный. Этого мне ещё не хватало. За Александром надо смотреть внимательней, деньги теперь другие понадобятся. Как бы не замутил чего».

– Здравствуйте, Сергей Николаевич, – первой шефа увидела Марина. – Кофе хотите?

– Спасибо, нет. Как вчерашняя выручка? – он сразу приступил к работе.

– Меньше, чем обычно, – Марина протягивала отчёт. – Посетителей немного было. Опять приезжал Дима, сын учредителя. В этот раз с двумя подругами, выпили две бутылки коньяка, не расплатились. Хорошо покушали и ещё взяли блок сигарет.

– Я же говорил, чтобы ему ничего не отпускали бесплатно, – Сергей Николаевич повысил голос.

– Меня уже не было, он приехал около часа ночи, – Марина заметно нервничала. – Девочек запугал, обещал

всех на улицу выставить. Сказал, что у него «открытый кредит».

– Сергей Николаевич, он в последнее время совсем обнаглел, – пришёл на выручку Саша. – В зале тоже проблемы.

– Ладно, Марина, готовьтесь к открытию. Сан Саныч, потом кофе попьёшь, пошли наверх. Доложишь обстановку.

Они молча поднялись по лестнице и вошли в офис. За столом, напротив зеркала, сидела и что-то писала Наталья. Безупречная причёска и умелый макияж главбуха доказывали способность быть красивой без отрыва от производства.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич, – Наташа оторвалась от бумаг. – Через полчаса всё закончу, а потом в банк. Подпишите, пожалуйста, платежки.

– Наталья Олеговна. Нам нужно с главным механиком посоветаться. Спуститесь пока в бар, выпейте кофе. Я вам позвоню.

Едва за главбухом закрылась дверь, шеф вопросительно посмотрел на Сашу.

– Что произошло?

– Да всё как обычно. Дима погудел в баре, а потом поднялся в зал. Заставил механика поставить на «покерах» себе и своим подружкам и, естественно, проиграл. Сказал, что папа заплатит. В конце вечеринки обкурился так, что разбил стекло в кассе. Стекло уже поменяли.

– В итоге? – директор уже начинал заводиться.

– В итоге – если сейчас придёт проверка, то увидит громадное несоответствие между реальной выручкой и показаниями счётчиков. Хотя бы играл на одном аппарате, так он мне три покера «испортил».

– Сколько проиграл?

– Я сделал расчёты, посмотрите сами, – Саша протягивал листок бумаги.

– Скотина, урод, – прорвало шефа. – Да за эти суммы нам такие штрафы подвешат, что все без зарплаты сидеть будем, а могут вообще лицензию отобрать. Задушил бы подонка.

– Сергей Николаевич, вы бы поговорили с его отцом. Пусть приструнит парнишку.

– Сегодня и позвоню. Но... Саша, – директор доверительно посмотрел на главного механика, – ты же понимаешь, что денег нам не видать. Надо как-то выходить из этой ситуации. У нас завтра плановая проверка. Я, конечно, постараюсь, чтобы инспектор дальше моего кабинета не пошёл. Однако всё может быть. Делай, что хочешь, оставайся на ночь, но чтобы завтра к 12.00 вопрос был снят. Премию я гарантирую. Иди работай.

Без четверти два Сергей Николаевич отправил Наталью в банк и наконец остался один. Надо было подготовиться к разговору с немцем. Что сказать, как сказать, не сказать бы чего лишнего. К великому сожалению, ничего нового он сообщить партнёру не сможет. Денег как не было, так и нет. Учредители играют в свои игры, а прибыль вкладывают в сторонние проекты. Один магазин достраивает, второй купил недвижимость в маленькой спокойной стране и, скорее всего, отъедет на ПМЖ. Эх, выкупить бы у них бизнес, да где ж взять столько.

Шеф достал из сейфа коньяк и плитку шоколада, наполнил рюмку до краев и, как водку, одним глотком выпил. Настроение не улучшилось, но в желудке стало тепло.

«Сейчас немец позвонит, – директор посмотрел на часы. – Опять несколько минут унижения. Хорошо хоть всех отправил».

В 14.00 ожил телефон. Немецкая пунктуальность. Сергей Николаевич вздрогнул и с ненавистью посмотрел на аппарат.

«Послушаем, что нового на “Немецкой волне”».

Попытка привести себя в тонус не очень-то удалась, и шеф медленно побрёл к столу. Со стороны это напоминало восхождение на эшафот. Выражение его лица по мере приближения к трубке несколько раз менялось. Маска уверенности в правом деле – на маску нашкодившего мальчишки, промелькнули ещё какие-то неясные лики, наконец, его лицо приобрело откровенно испуганное выражение. Чёрный, истошно звонящий прибор был похож на готовую к прыжку чёрную мамбу. Шеф тяжело вздохнул и представился.

Господин Майер немедленно начал вещать. Говорил он по-русски безукоризненно, но с характерным акцентом. После кратких и корректных приветствий он сразу приступил к делу.

– На нашем счёте в конце месяца опять появилась сумма, ничего общего не имеющая с договорённостью. В чём дело?

Вражеский голос был спокоен и деловит.

– Выручка упала, господин Майер. Это временные, сезонные затруднения. Сейчас в городе сильные морозы, и количество клиентов резко сократилось, – шеф начал выстраивать оборонительные редуты.

– В прошлом месяце тоже были морозы, и в позапрошлом. Я стал интересоваться прогнозом погоды. У вас сейчас всего минус пять.

– Сегодня действительно не холодно, но последние дни идёт сильный снег. Объявили штормовое предупреждение, – в первый и последний раз Сергей Николаевич сказал чистую правду.

– Всё это – детский лепет, у нас есть филиалы и в других городах. Там почему-то климат не мешает собирать хорошую выручку.

– Буду с вами откровенен, господин Майер, есть ещё две причины, влияющие на нашу работу, – шеф сделал паузу.

– Не тяните, я жду.

– Первое – криминальная обстановка в городе, второе – некоторое недопонимание со стороны налоговых органов. Это наши постоянные и, к сожалению, не уменьшающиеся расходы.

– Почему только у вас находятся какие-то причины? Мне они совершенно не интересны, – голос немца на секунду изменил тональность, но сразу же вернулся в заданную октаву. – Мне нужны деньги. А от вас требуется решение этих проблем на месте, как там у вас говорят, в рабочем порядке.

– В ближайшее время мы всё исправим, – чересчур оптимистично произнёс директор. – И вернём все задолженности.

Собеседник оптимизмом не проникся и начал выходить из себя.

– Я всё это слышу уже который месяц. Мне сложно с вами работать, я буду говорить с учредителями.

– Учредители в курсе, им всё своевременно докладывается. Они попросили меня принести извинения немецкой стороне и донести до наших партнеров, что необходимые действия предпринимаются, – смиренно произнёс босс, чувствуя, что перестарался.

Далее Майер перестал сдерживаться, и речь его, чётко артикулированная мгновение назад, вдруг стала напоминать лай вражеской овчарки.

– Криминальная обстановка? В городе? У вас в фирме криминал! Бандиты! Наше терпение закончилось. Воры!

Шеф замолк, давая немцу выговориться, и с удивлением заметил в майеровской речи нечто знакомое по кадрам военной кинохроники.

«Бесноватый»!

В голове совсем не вовремя зазвучал армейский марш. Медь военного оркестра, литавры и чеканный шаг одетых в чёрное людей.

«Дойчен зольдаттен унтер официррен... марширрен, марширрен».

Сергей Николаевич чуть не засмеялся и потерял нить разговора.

– ...последний срок. Иначе мы будем думать о закрытии вашего филиала.

Ставя жирную точку, немец издал тирольский йодль «швайн» и бросил трубку.

Переговоры можно было считать успешными – отсрочка в очередной раз получена. Учредители будут довольны. Несколько портил настроение последний штрих, понятный и без перевода.

«Сам ты хряк», – громко и запоздало выдал шеф. На душе стало немного легче.

МАРИНА

В маленькую щель меж низко висящими облаками выглянуло солнце. Слабый лучик чуть коснулся щеки, зажгёт редкие снежинки, застывшие в плотном морозном воздухе, и растаял, так и не успев порадовать редких прохожих. Свинцовые снежные тучи неторопливо уходили на север, и хотелось верить, что до следующей зимы.

Марина улыбнулась, помахала отъезжающему автомобилю и, стараясь ступить в чьи-то следы, направилась к большому серому зданию.

«Всего-то две недели, и весна, а потом день рождения, 26 лет. Уже или ещё? Мама бы сказала «ещё», а вот мне иной раз кажется...

Ладно, пусть будет «ещё». Немного солнца, и настроение поднялось. Ещё 26, у меня всё впереди, всё будет хорошо. «Уже» оставим на какой-нибудь серый вечер...»

Марина поздоровалась с охранником и, стуча каблучками, направилась к знакомым, потемневшим от времени дверям. Зажгла свет и сразу же включила вентиляторы. Воздух тяжёлый: табак и алкогольные

ароматы, – хоть ножом режь. Она взглянула на кофемашину и достала любимую чашку. Начать рабочий день с горячего ароматного напитка было бы очень правильно. Пока варился кофе, Марина подошла к зеркалу и раскрыла сумочку.

«Я сегодня очень хороша, выспалась наконец, да ещё и Олег подвез. Так бы ловила машину или тряслась в маршрутке. Интересно, он случайно мимо остановки проезжал или поджидал? В засаде.

Нет, правда, я выгляжу просто замечательно.

И вообще, я похожа на Сельму Хайек. Да, что-то есть. Или она на меня?»

Марина повернулась на каблучках и показала язык зеркалу.

«Зато у меня фигура лучше».

Скрипнула дверь подсобки, и на пороге появился Саша, заспанный, лохматый и с зубной щёткой в руках.

– Привет, Марин, это я. Не напугал?

– Привет. Ты что, в «лаборатории» ночевал?

– Пришлось ночью поработать, не успел вчера закончить.

– Не бережёшь ты себя. Саш, я похожа на Сельму?

– Какую ещё Сельму? Не доставай меня, я голодный, невыспавшийся и злой.

– На Сельму Хайек, актрису. Сейчас я тебе кофе сделаю и поесть что-нибудь найду.

– Точно? Тогда ладно. Ты лучше, Сельма отдыхает.

– Ответ правильный. Иди чисти зубы, через полчаса экспедитор придёт, мне будет некогда.

Она покормила Сашку, приняла машину с продуктами, и до половины второго ей так и не удалось толком присесть.

Минут за двадцать до открытия в бар пришла Света, села за столик и сразу задымила.

– Марин, налей кофе, пока директор не пришёл. Вечно он в самый неподходящий момент появляется.

– Успеешь, он сейчас в офисе, я только что с ним по телефону говорила. Что же ты Кирилла с собой не взяла, он бы тоже от чашечки не отказался.

– Так ты не в курсе? – Света с удивлением посмотрела на Марину. – Его от работы отстранили. Пока на две недели. Я сегодня с новым механиком работаю.

– Интересные дела. А за что?

– Точно не знаю, – Светка глубоко затянулась и пристально посмотрела на Марину. – Сан Саныч, Сашенька твой постарался. Он что-то директору рассказал, а тот Кириллу допрос с пристрастием устроил. Бедный мальчик красным вышел из офиса, хоть прикуривай.

Не прошло и пяти минут, как в дверь заглянул директор. Быстро осмотрев помещение, он остановился у столика, недовольно процедив:

– Заканчивайте посиделки, на работу пора. Света, у тебя всё готово? Иди с новым сотрудником познакомься, введи его в курс дела. Быстрее, быстрее давай. А ты, Марина, помнишь, я тебя вчера предупреждал? У меня важный гость, собери в офисе стол, как обычно. Что нужно, надеюсь, ты знаешь?

В два часа открылись, как всегда.

Марина отругала девчонку, опять опоздавшую на смену, и пока та переодевалась, сама стояла за стойкой. Народ подходил и подходил, наверное, окончание снегопада так на всех действовало. Через полчаса все места были заняты.

Она занялась подготовкой меню для директорского мероприятия, но разговор со Светкой не выходил из головы. Осуждение, с которым та говорила о Сашинем поступке, было неприятно.

«Вот так и узнаешь человека, по делам. Можно вести душевные беседы, заниматься приятными вещами, но только по поступкам видно, что тот из себя представляет. Я же не бегаю к директору на сотрудниц жаловаться, а поводов сколько угодно. Стараюсь сама эти вопросы решать.

Да и вообще, это как-то не по-нашему. Не принято у нас так. Обязательно с ним поговорю. Может, эта Светка мне просто завидует».

В три часа заглянул Александр, недовольно покопился на занятые столики и подошёл к стойке.

– Что это у вас за столпотворение, присесть некуда. У меня, кстати, обеденный перерыв.

– Саш, иди в лабораторию. Я туда принесу, – Марина ставила тарелки в микроволновку.

Через пять минут она толкнула тяжёлую металлическую дверь. Поставила поднос на столешницу, на маленький пятачок, свободный от каких-то непонятных шуток-вин, и укоризненно сказала:

– Ты бы хоть стол убрал.

– Я ещё работу не успел закончить. Боюсь, что-нибудь потеряется.

Он с удовольствием придвинул поднос.

– Саш, а правда, что Кирилла от работы отстранили? Что случилось?

– Отстранили? Наш директор верен себе. Опять какие-то хитрые комбинации придумывает. Мне сказал, что уволит без «выходного пособия». Я бы так и сделал.

– Расскажи, я ведь ничего не знаю. А ты вечно молчишь как партизан. Кирилл – хороший мальчик, вежливый, всегда улыбается. Не верю, чтобы он мог что-нибудь натворить.

– Доулыбался твой мальчик, – усмехнулся Саша. – Если коротко – на выручку позарился.

– Мне сказали, что ему очень деньги были нужны. Он даже к директору ходил, просил в долг на пару месяцев. А тот не дал. У парня, говорят, кто-то в семье болеет.

– Интересная версия! Проиграл твой Кирилл в бильярд какому-то профи. Думать надо было!

– Мне очень обидно, Саша, что это ты шефу всё рассказал. Можно было как-то по-другому поступить.

Предупредить, что ли. Просто деньги отобрать. А пойти и заложить – это, по-моему, подло.

– Послушай, выбирай выражения. Подло! – Александр резко отодвинул тарелку. – Что ты вообще знаешь?

– Так расскажи. Ты никогда мне о своей работе не рассказываешь.

– Предупреждал я его. Дважды. В последний раз сказал, что больше покрывать не буду. А он стоял и улыбался, подонок. То, что он в карман к фирме залез, меня, честно говоря, не очень волнует. В этом кармане все шарят по мере возможности. А вот то, что он меня подставил... Я здесь за всё отвечаю, с меня и спросят, в случае чего. Директор скажет, что не знает, с какой стороны к автомату подойти, его дело – организовать работу. А я останусь один на один или с учредителями, или с соответствующими органами. Если выявят какие-либо нарушения, могут и лавочку прикрыть. Все за воротами окажемся. Тебя устраивает твоя работа?

Не Голливуд, конечно. Здесь не походишь, как твоя Сельма Хайек, в бикини, с коктейлем перед камерой. Но всё же лучше, чем китайскими тряпками торговать.

– Напекаешь, что это ты меня сюда устроил. У меня, кстате, высшее образование, не пропала бы.

– Может быть. Что же ты тогда к нам пришла, да ещё в бар, работать? Стояла бы за стойкой по 12 часов за зарплату копеечную. А сейчас, наверное, ещё что-нибудь перепадает.

– Перепадает, не жалуюсь. Можно подумать, ты у нас кристально честный. Девчонки говорят, что у тебя деньги к рукам прилипают.

– Девчонки... Говорят, – передразнил Саша. – Потому и не рассказываю ничего, сболтнёшь кому случайно. Меньше знаешь, лучше спишь. Это как в дешёвых голливудских фильмах, если есть баба, значит, жди неприятностей. Там хоть понятно – законы жанра. Кого-то ведь

надо спасать из рук злодеев. Сам себе проблемы я создавать не намерен.

– Ты уже никому не веришь, даже мне. Это обидно, Саша, – Марина резко встала и пошла к дверям.

– Отлично поговорили, – он бросил ложку на стол – Спасибо, сыт по горло. Если хочешь, чтобы тебе доверяли, сама должна верить, а не слушать всякую ерунду. Подло, видите ли.

Марина хлопнула дверью так, что зазвенели стекла в шкафу.

Сегодня Сергей Николаевич решил не изображать крутого бизнесмена и лично вышел для встречи важного гостя. По задумке предполагалось провести инспектора по залу, поведать о проблемах, можно сказать о кризисе, а потом слегка утомлённого экскурсией гостя плавно, под белы рученьки, препроводить к скромному столу, соответствующему текущему моменту.

– Здравствуйте, Валерий Васильевич, – директор протягивал руку. На лице его читалось безграничное уважение к представителю власти.

– И вам не кашлять, – негромко пошутил гость. Лишних глаз поблизости не наблюдалось.

Их последняя встреча прошла в тёплой непринуждённой обстановке. Сопровождалось это дегустацией элитных алкогольных напитков и пением на два голоса.

– Я надеюсь, у вас всё в порядке?

– За ваше отсутствие никаких происшествий не произошло – улыбнулся Сергей Николаевич.

Он заглянул в бар и начальственным тоном обратился к Марине:

– Будьте на телефоне, я позвоню.

В течение получаса директор водил гостя по залу, отдавал распоряжения «вышколенному» персоналу и рассказывал о проблемах текущего момента.

Когда делегация подошла к «покер-машинам», очень кстати зазвучала так ненавидимая шефом музыка. На одном из «покеров» клиенту выпало «каре», и железный ящик громко исполнил регтайм «Миссурийский почтальон». Далее игрок обычно забирал выигрыш, чем очень расстраивал Сергея Николаевича, но в данном случае следовало извлечь максимальную пользу из этого события.

– Большинство «покеров» сейчас в «отдаче», так уж совпало. Это обычный цикл. В следующем месяце всё поменяется, – импровизировал директор, хорошо помня, что заветный конверт, приготовленный для гостя, был несколько тоньше обычного.

– Ну что ж, бывает, – согласился тот. – Надо бы пломбы на аппаратах проверить. А где этот спортивный молодой человек, главный механик, что ли?

– Проверим, обязательно, – шеф выразил немедленную готовность. – Я предлагаю сначала пройти в офис и начать с журналов отчётности. Сан Саныч сейчас в местной командировке, за комплектующими поехал.

Александр тем временем отсиживался в «лаборатории», о существовании которой посторонним знать не полагалось.

Делегация двинулась было в сторону кабинета, но внимание инспектора вдруг привлёк последний в этом ряду аппарат. На погасшем экране висела табличка «ремонт».

– По каждому неисправному аппарату мне нужен акт вывода из эксплуатации.

Тренированное ухо Сергея Николаевича ещё за пару шагов уловило чуть слышное потрескивание шестеренок в блоке механических счётчиков, поэтому ответ осуществлялся командирским голосом, сопровождаемым громким кашлем.

– Есть такой акт, уже подготовлен.

На этом обход был завершён, и директор пригласил гостя в офис. Подвёл к журнальному столику, укрытому салфеткой, и лихо сдёрнул накрахмаленную материю. Для начала здесь было всё необходимое. Бутылочка настоящего армянского коньяка, тарелка с бутербродами, салаты и ваза со свежими фруктами.

– Предлагаю перевести дух и восстановить силы, – Сергей Николаевич вопросительно смотрел на проверяющего. От его ответа зависело дальнейшее развитие событий.

Тот, наверное, в самом деле был утомлён экскурсией и гнуть пальцы не стал.

– Отличная мысль.

Пока директор открывал бутылку и разливал содержимое в коньячные рюмки, Валерий Васильевич завладел толстым прошнурованным журналом и перевернул несколько страниц. Там, где и следовало, точно в середине, он обнаружил заветный конверт. Силы начали стремительно восстанавливаться. Гость вопросительно посмотрел на Сергея Николаевича, увидел ответный кивок и потряс журналом над собственным кейсом. Через мгновение конверт обрёл нового хозяина.

– Ну что же, особых нарушений я не обнаружил, – официальным тоном начал Васильевич, а потом по-свойски добавил. – Так держать, Серёжа.

Конечно, можно было сразу пройти в офис, получить конверт и обмыть это дело. Знали они друг друга не первый месяц, но работа – это святое.

Когда коньяк подходил к концу, покрасневший Валерий Васильевич выглянул в окно. Уже начинало смеркаться.

– Вот так пашешь от темна до темна, света белого не видишь.

А потом неожиданно затянул:

– Подкрался сзади вечер, весь город им укрыт...

Директор был готов к такому развитию событий и немедленно подхватил:

– И надо бы развлечься, как нам быть...

Следующие строчки исполнялись дуэтом, очень близко к первоисточнику. Нота в ноту. Правда, со словами были небольшие проблемы.

И мы ещё закажем, монет не хватит, пусть,
Ведь я платить не тороплюсь.

Давай дадим друг другу руки,
Ведь этот вечер – не для сна,
И лихо спляшем буги-вуги,
А что ещё осталось нам.

– Сейчас я насчёт горячего распоряжусь, да и горячее на исходе, – шеф снял телефонную трубку и коротко распорядился. – Несите.

Когда Марина подошла к офису, то услышала негромкое пение. Слов нельзя было разобрать, но выглядело это вполне музыкально.

Она постучала и толкнула дверь. У журнального столика друг напротив друга сидели возбуждённые исполнители и допевали куплет. На вошедшую они не сразу обратили внимание. Волшебная сила искусства.

Дым табака укроет плечи,
И будет плавиться капрон.

Последнюю строчку директорский гость допевал в одиночестве, устремив пламенный взор на Маринины колени.

– Мариночка пришла. Как поживаете, солнце мое, – красная физиономия гостя излучала неподдельную радость.

Сказав в ответ пару слов, подходящих моменту, она поставила горячее на стол и сразу же ушла.

«Папик слюни распустил. И будет плавиться кальсон. Скорее бы день закончился».

Около десяти вечера вокалисты разъехались по домам, удовлетворённые проведённой работой.

Марина забрала посуду из офиса и уже подходила к главной лестнице, как вдруг увидела Сашу, мелькнувшего в окошке кассы. Светка что-то говорила ему и улыбалась.

«Вот ведь гад, уже со Светочкой развлекается. Никогда не прощу, пусть только попробует подойти. Нет, ну какой же всё-таки гад. И на день рождения не приглашу».

В уголках глаз созрели две большие капли, и она опустила голову. Не дай бог увидит кто-нибудь.

Саша стоял на коленях перед стойкой с аудиоаппаратурой и пытался разобраться, почему пропал звук из колонок у бильярдов. Соображалось плохо. Во-первых, было уже поздно, из-за проверки пришлось отсиживаться в «лаборатории», во-вторых, больше суток дома не появлялся, устал, голова тяжёлая. С Маринкой поругался, мог бы сдержаться, но характер такой, копишь-копишь в себе неприятности разные, а потом как выплеснешь на кого-нибудь. Молодец, в этот раз на близкого человека, сподобился. На начальство так голос не повышаешь, здесь голова хорошо работает. Самокритично. Проехали. Она тоже хороша – «подло», могла бы и поаккуратней слова выбирать. Ладно, извинюсь, язык не отвалится. Но не сегодня и не завтра, пусть подумает, это полезно. А если сама захочет помириться, пойдём девушке навстречу.

Александр осторожно потянул за толстый жгут проводов, выходящий из-за стойки, в руке у него остался отвалившийся «шнурок».

– Елозят тут ногами своими, – глаза Александра остановились на коленях кассирши.

Света заметила взгляд и ехидно посмотрела сверху вниз.

– Как приятно – мужчина у твоих ног. Марина, наверное, такого и не видела?

«А вот это ты зря», – подумал Саша и вслух добавил:

– Что ты сегодня ей наговорила? О напарнике своём честнейшем, обо мне – стукаче, о моих доходах нетрудовых.

– Саша, это не я. Вообще ничего не понимаю. О чём ты? – Света перестала улыбаться.

– Дурочкой не прикидывайся, – разозлился он. – Держи язык за зубами. Если ещё раз что-нибудь подобное услышу, я твоей смене особое внимание уделю.

Света обиженно отвернулась, загремев жетонами.

Александр вытащил усилитель и быстро вернул «шнурок» на место. Настроение было испорчено окончательно, какая-то мутная волна проникла в душу, не сорваться бы опять. Домой, и как можно быстрее.

– Эй, красавица, организуй нам бильярд, – в окошке кассы маячила чья-то пьяная физиономия. – Пойдём с нами, поиграем.

Парень поймал Свету за локоть.

Александр поднялся и увидел троих прямоходящих, которые что-то громко обсуждали, размахивали руками и в выражениях не стеснялись.

– Молодые люди, – Саша через силу улыбнулся. – Пройдите к пятому столу, там вас уже ждут.

Парень отпустил Светкин локоть и недобро посмотрел на Александра.

– Идём-идём, – пошатываясь, клиенты отправились на балкон.

Он собрал инструменты, покосился на обиженную Светку и открыл дверь, намереваясь наконец-то закончить трудовую вахту.

– Можешь включать музыку.

– Саш, смотри, там что-то начинается, – девушка кивнула в сторону бильярдных столов.

Клиенты окружили дежурного механика, возбуждённо размахивая киями. Раздался звон битого стекла, и погасла лампа над пятым столом.

– Где охрана?

– Кажется, ужинать пошли.

– Оба, что ли? Сколько раз им говорить, чтобы по очереди ходили. Закрой кассу и найди их, срочно. Эти ребята мне сейчас все плафоны перебьют, – Саша побежал на балкон.

Между столами уже начиналась нешуточная драка. Парни побросали кии и в шесть рук дубасили слабо сопротивляющегося механика. Нос, похоже, ему уже разбили, белая рубашка была в капельках крови. И это в первый рабочий день. Повезло!

– Достаточно, ребята. Я сейчас наряд вызову, – Александр остановился в паре шагов.

Один из бойцов отделился от группы, сократил дистанцию и сильно ударил, метя в челюсть. Саша нырнул под руку и остановился, выжидая. Драться не хотелось.

– Эй, – возбуждённо крикнул нападавший. – Здесь ещё желающий.

Один из клиентов остался добивать механика, а второй рванул на помощь соратнику.

«А вот это – зря», – Саша начинал заводиться. Предчувствие боя, выброс адреналина, и ушла накопившаяся за сутки усталость.

Дождаться, пока бойцы слаженно приступят к делу, было чревато, и Александр коротким «джебом» пробил в челюсть ближнему сопернику. Прицел у того сбился, больно, надо думать, и он как-то вяло атаковал Сашу в голову. Полшага в сторону, и быстрый «кросс» в ту же бедную челюсть. Парень, трясая головой, упал на пятую точку, мириады маленьких точек перед глазами ему обеспечены. Как минимум на пару минут.

Второй времени зря не терял, ногой ударив Александра в спину. Саша не стал упираться, сдвинулся на пару шагов, разорвал дистанцию и повернулся к сопернику.

– Каратист, что ли?

Нападавший застыл в какой-то замысловатой стойке.

– Смотри не ошибись.

Саша легко ушёл от прямолинейного пинка в живот и разрядил длинную серию в голову. Вместе со «стойкой» сенсей закатился под бильярдный стол.

– Сзади! – успел предупредить подоспевший охранник.

Саша пригнулся, у головы, задев волосы, просвистел кий. Раздался треск ломающегося дерева, и в руках у парня остался зазубренный конус длиной в полметра. Стол помешал отскочить в сторону, и следующим ударом нападавший сумел-таки попасть в Александра. Обломок порвал рубашку, сильно оцарапав правый бок. На одежде мгновенно проступило тёмное пятно. Если бы не охрана, с огромным наслаждением пинавшая скрюченные тела, Александр добрался бы до обидчика. Первобытная злоба уже была готова выплеснуться наружу.

Саша прислонился к бильярдному столу и поднял глаза. Вокруг собралась толпа, подошли игроки, привлечённые бесплатным зрелищем, подтянулся народ из бара. Прямо перед собой, во втором ряду, он увидел Марину. Глаза у неё были очень испуганные.

Александр заправил в брюки уже изрядно намокшую рубашку и ушёл в офис.

«Где же эта чёртова аптечка», – правой рукой он шарил по полкам стеллажа, левой расстегивал пуговицы на рубашке.

– Сан Саныч, повязали уродов, – на пороге стоял охранник. – Сейчас всё сделаем как положено. Органы правопорядка, группа дознания.

– Делайте, что хотите, но никакого дознания. Если ещё и дознаватели будут по залу бродить, директор нас не поймёт. Нам своих проверок хватает. Всё, идите.

Саша снял наконец рубашку и осмотрел рану.

«Ничего, бывало и хуже, – он вытащил пару заноз, обработал йодом и прилепил большой кусок пластыря. – Зашивать вроде не надо, само зарастёт».

Сильное возбуждение не проходило, начали немного дрожать ноги. Александр достал директорский коньяк и сделал пару глотков прямо из горлышка. Через минуту отпустило, сигарета в руке перестала вибрировать.

А через полчаса Саша забылся.

Разбудил его стук в дверь. Александр посмотрел на часы – три часа ночи.

– Кто там ещё? – он поднялся и повернул ключ в замке.

За дверью стояла Марина.

– Саш, мне сказали, что ты домой не поехал. Я беспокоюсь.

– Всё в порядке. Куда я поеду? – он кивнул на пустую бутылку. – А ты почему не дома?

– Я не смогла, – тихо сказала она, а потом с иронией добавила. – Ты же сегодня такое шоу устроил, народ в баре весь вечер обсуждал, расходиться не хотел. Я поговорить с тобой собиралась.

– Вызови такси, утром поговорим. У меня всё хорошо, правда, – он легонько подтолкнул её к двери.

Марина щёлкнула замком, вытащила ключи из скважины и бросила за стеллаж. Связка звякнула несколько раз, падая с полки на полку, и затихла на полу.

– Зачем, Марина? Завтра же не найдём.

– Это будет завтра, – улыбнулась девушка и погасила свет.

GAME OVER

В конце апреля в город пришла весна. Долгожданная, солнечная, с тёплыми короткими дождями. Набухли почки на старых каштанах-близнецах, появилась первая зелень на узких, обрамлённых камнем газонах.

«Отличный день, весной пахнет, – Марина распахнула окно и улыбнулась. – А каким ещё должен быть день рождения? Сашка сдержал слово, разогнал облака. Молодец!»

Она вернулась к столу, ещё раз выровняла тарелки и посмотрела на часы. Пора приглашать гостей, праздник начинается.

Марина заперла бар и по главной лестнице поднялась в игровой зал. Прошла мимо шелестящих картами «покер-машин» и на минутку задержалась у любимого бильярдного стола.

«Вечером сыграем. Главный механик обещал матч-реванш».

Она погладила зелёное сукно и направилась к офису.

Наталья сидела спиной к зеркалу, и это было странно. Полуденный макияж никто не отменял.

– Привет, Наташ. А где начальство? – Марина зашла в комнату. – Не забыла, у меня сегодня день рождения. Я в баре столик накрыла, хочу всех пригласить.

– Поздравляю, – невесело отозвалась главный бухгалтер.

– Что случилось, проблемы?

Наталья раздражённо бросила папку на стол.

– У нас всех одна проблема. Большая! Поиски новой работы.

– Вот это новость! Что случилось? – улыбка исчезла с лица Марины.

– Вчера немцы продали бизнес. Надоело ребятам: их уже целый год кидают.

– Как же так, Наташа? Кому? Конкурентам наше оборудование даром не нужно, они только новые аппараты покупают. Мне Сан Саныч рассказывал.

– Нашли покупателей. В другом городе, где-то на юге нашей необъятной родины. А самое главное, они приобрели бизнес вместе с долгом. Понимаешь, чем это пахнет?

– Не совсем.

– Элементарно. Новые хозяева найдут виноватых, или назначат. Им, похоже, всё равно. Но деньги вернут! Ты спрашиваешь, где все? Я бы тоже очень хотела знать. Ни директора, ни учредителей. Телефоны не отвечают. Мне-то что делать? Я ведь из тех, кто много знает.

Марина села напротив и уверенно сказала:

– Сейчас Саша вернётся, посоветуйся. Я с ним по телефону утром говорила. Он обещал в полдень вернуться, сказал, что за цветами съездит и сразу к праздничному столу.

– Да уже почти час. Свяжись с ним, пожалуйста.

В салоне джипа, сворачивающего на проселок, зазвонил телефон. Пассажир, развалившийся на заднем сидении, перевернул лежащее в ногах тело, брезгливо растегнул окровавленный пиджак и вытащил трубку.

– Марина какая-то... Пообщаться, что ли? А то вы всё молчите. Скучно!

Его широкоплечий, с перебитым носом напарник процедил сквозь зубы:

– Скоро приедем, ещё пара километров осталась. С Сан Санычем пообщаешься, а может, он тебе соловьём споёт. Да и папа его с удовольствием послушает. Мобильный выброси, клиенту он теперь ни к чему. Как говорится, «ушёл и не вернулся...» Game over!

ЮБИЛЕЙ

Российский день рождения, бессмысленный и беспощадный...

К своему юбилею Евгений начал подготовку ровно за три месяца. День в день. Он положил первую тысячу рублей в банку из-под кофе, пробил в крышке щель, чтобы свободно пролезали купюры, и, вооружившись клеем, закрепил крышку. Совершив сей акт, он почему-то почувствовал себя зодчим, заложившим краеугольный камень в новую и прекрасную жизнь. Будущее виделось сквозь приятный глазу туман с преобладанием тропических красок.

Первым делом следовало определиться с количеством гостей. Список приглашённых многократно редактировался и наконец был распечатан в окончательном варианте.

За пару недель до знаменательной даты Жека высыпал содержимое копилки на стол. Реестр с фамилиями гостей находился тут же. Евгений аккуратно пересчитал деньги, прибавил в уме сумму, которая непременно будет вложена с последней зарплаты, и поделил на количество гостей. Частное от деления было смехотворно мало. Не далее как вчера была промониторена пара-тройка старых добрых общепитовских точек, и везде дружелюбные голоса озвучили примерно одинаковые суммы в расчёте на одного едока. Несколько большие, чем он мог себе позволить.

«Что делать?» – свербел в голове извечный русский вопрос.

Женя с грустью взял список дорогих гостей и крепко задумался. Вычеркнуть кого-то – значит отказаться от приятных воспоминаний, милых сердцу событий. В общем, это почти невозможно. Юбиляр зажмурил глаза и наугад

ткнул карандашом в лист бумаги. От избытка чувств он даже проколол список. Чёрная метка указывала на Бору Черепанова, двенадцатого в утверждённом реестре.

«Боливар не вынесет двоих, – Евгений грустно процитировал классика. – Ну и ладно, ну и ничего, в конце концов, моей рукой водила судьба, всё по-честному».

В прошлом году Женька видел Бориса на встрече институтских друзей в любимой когда-то чебуречной. Мероприятие проходило в уютном банкетном зале. Там по старой доброй традиции следовало заказать закуску, пару бутылок вина для конспирации, а водку принести с собой. Как говорится, не нами заведено, не нам и отмечать.

В тот день Евгений задержался на работе и опоздал минут на сорок. Он поднялся на второй этаж и увидел три совершенно одинаковые двери. Отовсюду доносились нестройные голоса, звяканье посуды, где-то уже распевались помаленьку. Женя быстро проанализировал ситуацию и пришёл к выводу, что за сорок минут вполне можно созреть для хорового исполнения. Он толкнул дверь и в недоумении остановился. За длинным столом сидела дюжина толстых мужиков, ничем не напоминавших его дорогих друзей. Дядьки все, как один, имели красные и здоровые, как жигулевские колёса, физиономии. А у половины отсутствовала растительность на голове полностью или частично.

«Где вы, молодые орлы, сухие и техничные?»

Увидев Евгения, мужики радостно заулыбались, обнажив не полностью укомплектованные зубами челюсти.

– Заходи, Жакан, не робей.

В этот момент Евгений узнал однокашников, – узнал по голосам, да и глаза, пожалуй, остались прежними. Но шоу должно продолжаться!

– Извините, ошибся дверью.

– Давай садись, это же мы.

– Извините, товарищи, я правда не хотел мешать, – продолжал гнуть свою линию Жека.

Тут мужики заржали.

– Кончай Ваньку ломать. Мы, конечно, изменились, но не настолько же.

Сидел он тогда рядом с Борисом, сохранившим, к слову, шевелюру и белозубую улыбку. Поговорить успели обо всём, даже условились встретиться на юбилее.

Воспоминания прервал телефонный звонок. Безграничное умиротворение на лице Евгения сменилось откровенной досадой.

– Да, – недовольно пробурчал он в трубку.

– Жека, здорово, Черепанов моя фамилия.

– Вот ведь «аццкий сотана», – невольно выдал поражённый до глубины души Евгений. – Только что тебя вспоминал.

– Надеюсь, по-доброму?

– Только так, и никак иначе. Сижу, ко дню рождения варианты считаю.

– И как, успешно?

– Понимаешь, задумано масштабное мероприятие, способное потрясти воображение, но есть маленькие нестыковки, и сейчас я над ними работаю.

– Мне ваши нестыковки хорошо известны. Идей много, денег мало.

– Какая проза! Но, в сущности, так оно и есть. Обзвонил несколько точек, и везде озвучили такую сумму, что «мама не горюй». В моей однокомнатной, сам понимаешь, всех не соберёшь, хоть список гостей начинай сокращать. А там же одни боевые товарищи.

– Да, дела, – Борис немного помолчал. – Думаю, что смогу тебе помочь. На следующей неделе мое семейство на отдых уезжает. Так что дом в нашем распоряжении.

В процессе дальнейшей беседы было условлено за недельку до мероприятия встретиться и предметно обговорить финансовые и организационные вопросы.

Евгений повесил трубку и виновато подумал о своём недавнем поступке. Борис был снова внесён в список, но уже под номером один.

Ситуация поменялась в корне. У Бориса в черте города имелся небольшой двухэтажный дом. А это позволяло провести массовые народные гуляния на лоне природы.

Женька попил чаю и мирно отошёл ко сну.

Сон был довольно мрачным и непонятным.

Евгений стучит кулаком в закрытую дверь, обшарпанную, с подтеками масляной краски. Тяжёлые удары способны разбудить и мёртвого, но хозяева не спешат навстречу гостю. Наконец дверь открывается, и Жека проходит в помещение, заставленное большими горящими свечами. Фитили толщиной с бельевую веревку коптят и потрескивают. Чей-то ехидный голос советует Жеке:

– Задуй, и будет тебе счастье.

Евгений дует, но свечи не гаснут. Наоборот, пламя становится сильнее, фитили трещат, воск катится огромными каплями. Свечи начинают расти и превращаются в колонны Казанского собора. Бескрайний лес из колонн, скользких и пышущих жаром. Появляется чувство панического страха, и потом наступает тишина. До звона в ушах. Звон всё сильнее и сильнее, его невозможно терпеть, и тут Евгений просыпается.

Звонит будильник, 6 утра. Начинается новый день.

Внезапно открывшиеся возможности позволили в полной мере проявиться фантазии именинника. А для этого необходимо правильно использовать пространство, выстроить декорации, определиться со звуковым рядом. В качестве актеров Евгений представлял дорогих гостей, ну а главную роль он, естественно, оставил себе.

Скромный загородный домик казался ему драматическим театром, на подмостках которого и будет сыгран спектакль из жизни современников.

Сценарий перформанса Евгений подготовил за неделю. На 99 процентов. Чем всё это закончится, не мог бы предположить никто. Был определённый расчёт на импровизацию и мастерство участников.

На следующее утро, так сказать, на свежую голову, Женька внимательно перечитал рукопись и счёл, что сценарий получился несколько эклектичным. Купеческий разгул соседствовал с элементами светского раута, черты советского культурно-массового мероприятия – с новорусскими традициями.

За семь дней до праздника он стал обзванивать друзей в строгом соответствии с реестром. Отказники и колеблющиеся отсутствовали, и это не могло не радовать.

Женская половина была представлена двумя верными боевыми подругами. В те далёкие годы их всегда отличали искромётный чёрный юмор и способность к импровизации. Кроха и Муха съели пуд соли с юбилеем и, безусловно, достойны принять участие в праздновании.

Евгений набрал номер Елены Крохиной и начал считать гудки. После пятого трубку сняли, и неизменившийся Ленкин голос сказал:

– Кто ты, незнакомец?

– Это я, Лен, узнала?

– Жека, ты, что ли?

– Я, я, – с немецким акцентом отчеканил Евгений. – Натюрлих. У меня скоро день рождения, и я приглашаю тебя и Муху, если, конечно, вы, старушки, ещё в состоянии шевелиться.

– Будь уверен, в состоянии, а кто из самцов будет?

– Та же компания, что и много лет назад, плюс институтские товарищи.

– Новенькие – это хорошо, будем непременно, диктуй координаты.

Незаметно пролетело время, и пришёл наконец долгожданный день. Проснувшись, Евгений выглянул в

окно и был приятно удивлен. На небе полыхало весеннее Ярило, кое-где присутствовали лёгкие белые облачка, и натюрморт не портили. Всё благоприятствовало мероприятию. За час до акции Жека вышел на улицу, довольно быстро поймал машину и помчал, предвкушая новые впечатления.

Евгений толкнул калитку и очутился во дворе. Прямо от ворот начиналась зелёная ковровая дорожка (красной не нашли, как ни искали), она повторяла изгибы крыльца и исчезала в гостиной. По обе стороны от дорожки располагались гости, расставленные твёрдой Борисовой рукой. Юная девушка с подносом ждала юбиляра на верхней ступеньке. На подносе красовалась почерневшая от времени серебряная чарка, а рядом каравай ржаного хлеба с солонкой. Евгений ступил на дорожку и, чеканя шаг, направился к крыльцу.

– Нам нет преград ни в море, ни на суше, – звучало из колонок.

Со стороны это напоминало шествие героя-космонавта для рапорта главе правительства. Только вместо военной формы на юбиляре были надеты чёрные, тщательно отутюженные брюки, белая, как первый снег, рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Под рубашкой – чёрная водолазка, а завершал туалет опять-таки чёрный берет, сдвинутый на левое ухо.

Недрогнувшей рукой Евгений опрокинул чарку и пожевал горбушечку. Приём пищи продолжался, пока звучала заздравная:

– К нам приехал, к нам приехал Евгений Саныч дорогой...

Затем он повернулся к гостям и произнёс небольшую речь.

– Дорогие мои! Я очень рад, ведь вы нашли время, чтобы принять участие в этом скромном торжестве. Прошу пройти в дом, выкушать водочки за мое здоровье, закусить и предаться безудержному веселью.

После чарки, в которой было грамм 150, Жека почувствовал лёгкий кураж. Он потрепал молодку по щеке и направился в гостиную.

Борис незаметно щёлкнул пультом, и в колонках зазвучал саксофон. По сценарию фуршет должен сопровождаться приятными джазовыми композициями, как в голливудских фильмах.

Чинно и благородно, уступая дорогу, гости повалили в дом.

Пройдя через довольно тесный коридор, Евгений очутился в большой гостиной. У длинной стены располагался уставленный едой стол. Здесь были холодные закуски: отварное мясо, порезанное тонкими ломтиками, карбонат, красная рыба, различные салаты, большая посуда с селёдкой под шубой и много чего ещё. По краям стола – горки из тарелок, в специальных лотках – вилки, ложки и ножи. Стулья в комнате отсутствовали. Приём пищи предполагалось провести стоя, в лучших традициях самообслуживания.

– Так, а где же спиртное? – он оглянулся, ища глазами Бориса.

Тот продемонстрировал не знающую мозолей ладонь, мол, всё под контролем, и кивнул в сторону кухни. Оттуда, покачивая бедрами, появились две особы женского пола в коротких белых халатиках. Халаты явно принадлежали жене Бориса, работающей в одном известном медицинском учреждении. Дамы держали в руках подносы, уставленные рюмками с алкогольной продукцией.

– Прошу всех взять напитки, – важно произнёс Борис.

Он громко откашлялся, привлекая внимание. Ведь далее, согласно утверждённому сценарию, наступало время поздравлений. Вкратце обрисовав нелёгкий жизненный путь юбиляра и упомянув заслуги перед отечеством, он пожелал многие лета и перешёл к самому интересному.

– Мы, – Борис рукой описал круг, – долго думали, что подарить человеку, у которого всё есть. После долгих споров, сомнений и в результате всенародного обсуждения мы решили подарить вещь, которую ты легко сможешь унести в руках.

После этого оратор вытащил из-за спины небольшой кейс и эффектно поднял крышку. Внутри лежали плотно уложенные пачки денег. Зелёного цвета. Новенькие пачки... десятирублевки.

– Владей, и ни в чём себе не отказывай.

Поблагодарив, Евгений принял чемодан, и, поскольку его весьма интересовало, есть ли под пачками второй ряд, незаметно сунул руку под купюры. Как и следовало ожидать, на дне находились какие-то книжки в мягком переплёте.

«Вот ведь мерзавцы, собрали, наверное, по тысяче, а потом долго меняли на червонцы. Зато эффект каков!»

Занывав чемодан в комнату на втором этаже, Жека направился в гостиную. Банкетный зал с верхней ступеньки был как на ладони. Гости окружили стол и с редким воодушевлением сооружали на своих тарелках натюрморты в духе фламандских живописцев. Кроха и Муха, похоже, опять были на диете и начали чревоугодие со свиного окорока. А ещё они недовольно косились в сторону соперниц в белых халатах.

Быстро сбежав вниз, Евгений подозвал Бориса.

– Слушай, а откуда девочки?

– Да так, просто хорошие знакомые. Вот за долю малую согласились помочь.

Глядя на хитрую Борисову физиономию, нетрудно было догадаться, чем тот занимался в отсутствие жены.

– Видишь, какой стол соорудили. Через часик-другой горячее вынесут, а потом я их рассчитаю, – он похлопал по нагрудному карману.

– Через часик-другой наши мачо начнут реагировать на всё, что шевелится, – предупредил по-дружески юбиляр.

Евгений заглянул на кухню и обнаружил протирающую бокалы курчавую даму. От усердия она высунула язык и весьма напоминала болонку. Вторая – длинноволосая и белокурая – открывала водочную поллитровку. Блондинка надувала гигантские пузыри, причмокивала и катала жевательную резинку по всей полости рта. Если на кухне что-то и не было покрыто брызгами, так это продукты в вакуумной упаковке.

– Все при деле, и это есть хорошо, – удовлетворённо пробурчал Евгений и пошёл в люди.

Второй тост, пока народ ещё не раскачался, опять взял на себя Боряныч. В свое время он увлекался научной фантастикой, а ныне перешёл на мемуары. Хорошую литературу он всю перечитал, а «новодел», похоже, душу не трогал. В этот раз его немного переклинило на Второй мировой. Тосты он называл «сталинскими ударами», а водку в рюмках – «сто грамм наркомовских».

Так вот, эти самые «сто наркомовских» он поднимал за верность Евгения Саньча традициям, за его тёплые чувства к друзьям, пронесённые через время, и так далее и тому подобное.

Жека помнил, что «сталинских ударов» было десять. Перемножив в уме десять на сто, именинник решил беречь силы.

Далее лица ораторов стали различаться с трудом, речи не баловали разнообразием, но встречались с большим воодушевлением. А потом дамы истребовали музыку. Евгений был готов побиться об заклад, что те хотели объявить белый танец. Но не тут-то было. В плаулисте у Бориса значилась группа «Slade» – «Don't blame me». Под истошный крик Нодди Холдера заколыхались пивные животы и необъятные бюсты. Леха решил, как в старые добрые времена, сесть на последнем аккорде в шпагат, но попытка не увенчалась успехом. Что-то громко хрустнуло, и всё танцевальное отделение страдалец просидел на кухне, принимая «обезболивающее».

В отличнейшем расположении духа Евгений вышел покурить на крыльцо. Начинало смеркаться, в небе появилась первая звёздочка.

«У некоторых людей душа прибитая к телу ржавыми гвоздями, ей не дано воспарить, – философствовал именинник. – Но это не касается, слава Богу, моих друзей».

После четвёртого тоста по сценарию полагался номер художественной самодеятельности. Борис вынес из-за кулис чёрную «кремону» и с поклоном вручил Маэстро. Жека ждал этого момента, и поэтому этап скромности и нерешительности («я давно не брал в руки инструмент» или «я ушёл из большой музыки») был безжалостно пропущен. К тому же, после четвёртой он находился на верном пути к катарсису. А посему смачный ля мажор разорвал благоговейную тишину.

А до любимой путь далёк,
А шли мы задом поперек.
А вдруг из маленькой избушечки
Вылезает паренек,
Чёрным саваном покрыт,
Костью таза шевелит.

Последние две строчки завершали каждый куплет и пелись хором.

Затих последний аккорд, и Кроха страстно прошептал:

– О, ты мой герой! Сними берет. Ты в нём, как крендель из «Scorpions».

– Нет, он похож на Че Гевару, товарищ Че, – уверенно сказала Муха.

– Э-эх, Мухина. Хорошо, что не дедушка Хо. А берет я снять не могу, это часть имиджа.

На волне всеобщего воодушевления, хитро поглядывая на Кроху, Евгений выдал хит старой питерской группы «Зеркало»:

Как тень вползает в души,
Грызёт и сушит,
Пьёт из сердца кровь
Лицемер, лицемер,
Лжи наперсник, лести мэр.

И опять народ расчувствовался. Понимая, что надо ковать железо, рокер исполнил «В круге чистой воды» из старой «Машины». Перед глазами уже стояли фонтаны праздничного салюта.

Я раскрасил свой дом
В самый праздничный свет.
Написал на небе своём
Бесконечный рассвет.

Едва затих последний аккорд, народ пришёл в себя и потребовал закрепить ностальгические настроения очередной рюмкой. Гитара была отобрана и унесена в неизвестном направлении.

После шестого или седьмого тоста Евгений почувствовал, что ситуация понемногу начинает выходить из-под контроля. Он вышел покурить на крыльцо и услышал хруст ломаемого штaketника. Коля, Витя и Леша с деликатными пока ещё криками «кья» наносили техничные удары по новому Борькиному забору. Ничего нет смешнее, чем стоящие на полусогнутых пузатые мужики. И какие бы «красивые» позы не принимались, необратимые возрастные изменения делали их весьма комичными. Вспомнив годы юности, Евгений слегка загрустил, так как в конце любой вечеринки бойцы Шаолиня испытывали потребность самовыражения в честном спортивном поединке.

За кустами смородины Кроха и Муха таскали за волосы соперниц. Так и не дождавшись, пока Борис считает девиц, дамы решили взять дело в свои руки. Силы были явно не равны.

Музыка гремела, щепки летели, волосы трещали. Стоя на крыльце, Женька как бы парил над происходящим. От его внимательного взгляда не мог укрыться ни один поворот, ни один нюанс стремительно развивающихся событий. Понимая, что любая попытка внести коррективы обречена на неудачу, Евгений пытался хотя бы запечатлеть в памяти праздник, которого он так долго ждал.

Через четверть часа мужчины и женщины под ручки вернулись с улицы. По их довольным лицам можно было понять, что победы одержаны: забор повержен, а «грязные потаскухи» выдворены за пределы участка.

Далее происходило следующее: группа людей хаотично перемещалась по гостиной, что-то бубня, стуча вилками и рюмками. Иногда слышался густой баритон Бориса:

– Девятый.

Тост был кратким, как выстрел. Толпа на мгновение прекращала шататься, приводила его в исполнение и вновь рисовала узоры.

После зычного крика «десятый» ряды бойцов поредели. Евгений, уже плохо различающий удалённые предметы, направился во двор глотнуть свежего воздуха. Метрах в десяти от ступеней лежало нечто. Жека подошёл ближе и увидел живописную картину.

На молодой травке под цветущей вишней громко сопели Саша Алексеев и Котя Иванов. Десять сталинских ударов сломали сопротивление немолодых уже организмов. К губе некурящего Вити прилип кривой чинарик «Беломорканала», а в расстегнутой ширинке находился огромный красный корнеплод. На голове Саши был свитенок из каких-то жёлтеньких цветочков. Завершали пейзаж белые тетрадные листочки, на которых было написано: «Братец Иванушка (на груди у Иванова) и сестрица Алёнушка (у Алексеева)».

«Узнаю коварные женские козни», – подумал Евгений, ища глазами Кроху и Муху.

Мсть мужской половине была осуществлена, а теперь оставшиеся в сознании должны увидеть гвоздь программы – канкан на столе. Борис с помощью Мухиной пытался взгромоздить Кроху на стол. И третья попытка не увенчалась успехом. Ребятам здорово помог бы мостовой кран. Юбиляр подключился к погрузочно-разгрузочным работам, и многопудовое тело было наконец поднято на подмости. Титанические потуги отняли у бедной женщины последние силы, и она, тихонько всхрапывая, опочила у корыта с селедкой.

Оставшись одна, Муха плотоядно оглядела мужское народонаселение. Джентльмены, спрятав глаза, моментально рассосались.

Спустя полчаса она была замечена несущей во мрак ночи тело Игоря Тихомирова. Тело находилось в коматозном состоянии и сопротивляться не могло. Прощай, дорогой товарищ!

В полночь состоялся праздничный фейерверк. Ракеты, подобно системам залпового огня, размещались в пестрых коробках и были готовы поразить всё живое на земле и в небесах. Нетрезвые пиротехники установили боеприпасы под вишню и приготовились выполнить любое распоряжение командования.

С крыльца на земную твердь вихляющей походкой снизошёл Борис, напевая:

– Артиллеристы, Сталин дал приказ...

– Прицел двадцать, трубка пятнадцать, беглым... огонь!

– Есть огонь, – промычали из-под вишни и запалили фитиль.

Первая коробка отстреляла удачно. Все ракеты, оставляя за собой огненный шлейф, ушли в безоблачное небо и рванули так, что завывали собаки. А вот со второй вышел конфуз. Что случилось на самом деле, никто впоследствии так и не вспомнил. Но, по одной из версий, ракета срикошетировала от ветки цветущей сакуры и с

воем ушла в окно на втором этаже, где благополучно и взорвалась.

Евгений увидел, как крошечная тьма вдруг сменилась ослепительной вспышкой, сопровождаемой оглушительным хлопком. Спустя считанные секунды в окне показалось пламя. Ещё пара минут потребовалась имениннику, чтобы сообразить: там, за диваном, находится его кейс с прекрасными зелёными купюрами.

Женька тихонько заскулил, сорвал с головы берет, с молодецким гиком швырнул под ноги и, подбадривая себя истошными воплями, взбежал на крыльцо. Через минуту его закопчённая физиономия появилась в окне. За спиной колыхались огненные языки, отрезая путь к отступлению. Евгений с чемоданом в зубах взобрался на подоконник, в глазах блестели слезы неподдельного счастья. Не мешкая, он прыгнул на водосточную трубу и, крепко обняв её, соскользнул вниз. Впоследствии он так и не смог объяснить, зачем он это сделал. Денежная сумма была так ничтожна, что разумные основания для подвига отсутствовали.

К счастью, в доме уже никого не было. Те, кто мог перемещаться в пространстве, вышли посмотреть салют, кто не мог, были вынесены и заботливо уложены на молодую травку. Несколько пар мутных глаз молча смотрели на догорающий дом. Никто не сделал попыток вызвать пожарных. Их вызвали соседи. Когда приехали большие красные машины, крыша уже обвалилась. Несколько брёвен, как гигантские свечи, стояли почти вертикально. А порывистый ветерок уносил в темноту снопы искр.

Ощущение, что он всё это уже видел, не покидало Евгения.

Р. С. В результате праздничных мероприятий люди и животные не пострадали. Дом отстроили заново, и он стал ещё краше. В результате всенародного обсуждения было решено, что никто не виноват. Просто несчастный случай.

СОДЕРЖАНИЕ

ALMA MATER, или спи спокойно, страна	3
Дуча	15
Искушение	28
Озеленители Луны	41
Глазливая	51
Юна	67
День Всех Святых	82
Странные игры	98
Юбилей	140

Литературно-художественное издание

Гурьев Владимир Николаевич

СТРАННЫЕ ИГРЫ

Корректурa: О. Малкова
Компьютерная верстка: С. Морозов
Дизайн обложки: Д. Шилов

Подписано в печать 30.04.2011
Формат 60x90/16
Бумага офсетная
Тираж 100 экз.

ООО «Авторская книга»
Москва, ул. Большая Никитская, д.50/5
тел: +7 (495) 646-17-25
www.izdat.ru